

Государственное образовательное учреждение высшего образования
Московской области Московский государственный областной университет

На правах рукописи

Сафина Аделина Ренатовна

Коммуникативно-прагматические особенности выражения эпистемической
модальности в современном английском языке

Специальность 10.02.04 –

Германские языки

Диссертация на соискание учёной степени кандидата
филологических наук

Научный руководитель:

доктор филологических наук, доцент

Шакирова Резеда Дильшатовна

Мытищи – 2019

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1. Лингвотеоретические предпосылки исследования коммуникативно-прагматических особенностей выражения эпистемической модальности в языкознании.....	15
1.1 Вводные замечания.....	15
1.2 Категория модальности: обобщение лингвистического опыта.....	16
1.3 Природа эпистемической модальности в лингвистике.....	29
1.4 Семантические особенности основных средств выражения эпистемической модальности.....	35
1.4.1 Модальные глаголы.....	35
1.4.2 Модальные слова.....	43
1.5 О соотношении эпистемической модальности и эвиденциальности.....	50
Выводы по главе 1	54
Глава 2. Коммуникативно-прагматические особенности выражения эпистемической модальности в рамках коммуникативной ситуации.....	58
2.1 Вводные замечания.....	58
2.2 Коммуникативно-прагматический потенциал ситуации речевого взаимодействия и типы коммуникативных ситуаций.....	59
2.3 Личность участников коммуникативного взаимодействия и особенности их межличностных взаимоотношений как прагматический фактор выбора эпистемических модальных маркеров.....	67
2.3.1 Влияние социальных характеристик коммуникантов на функционирование эпистемических модальных маркеров в современном английском языке.....	70
2.3.1.1 Гендерно-возрастной аспект прагматического потенциала эпистемических модальных маркеров.....	71
2.3.1.2 Регистры общения и социальный статус собеседников.....	76
2.3.2 Ментальное состояние коммуникантов и его влияние на достоверность высказывания.....	82

2.4 Интенциональный аспект коммуникативного взаимодействия с эпистемической семантикой.....	89
Выводы по главе 2.....	99
Глава 3. Успешность коммуникативного взаимодействия собеседников в коммуникативных ситуациях с эпистемической семантикой.....	103
3.1 Вводные замечания.....	103
3.2 Коммуникативные стратегии и тактики коммуникантов как один из основных прагматических факторов, влияющих на выбор средств выражения эпистемической модальности.....	104
3.2.1 Понятие стратегии и тактики в современной лингвистике.....	104
3.2.2 Коммуникативные стратегии и тактики, реализующие эпистемическую необходимость и эпистемическую возможность.....	110
3.3 Искажение достоверности информации в ходе развёртывания диалога.....	122
3.3.1 Причины искажения достоверности информации.....	123
3.3.2 Приёмы искажения достоверности информации.....	128
3.4 Перлокутивный эффект высказываний с эпистемической семантикой.....	132
Выводы по главе 3.....	140
Заключение.....	143
Список сокращений и условных обозначений.....	152
Список литературы.....	153
Приложение А.....	192

Введение

С последней четверти XX века начинает набирать обороты антропоцентрический подход, направленный на изучение человека как субъекта языка. Смена лингвоцентрической парадигмы на антропоцентрическую произошла не случайно: стремительное развитие прагматики ясно свидетельствует о наличии человеческого фактора, оказывающего существенное влияние на функционирование языка; объектом изучения прагматики является субъект коммуникации, который реализует свои потребности, мотивы, интенции и осуществляет определённые коммуникативные действия в рамках коммуникативной ситуации. В настоящее время антропоцентрический подход является ведущим в лингвистике; в его рамках рассматривается личность носителя языка и её место в культуре и в процессе межкультурной коммуникации. Благодаря характеристикам и особенностям мыслящей, познающей и самопознающей личности происходит контекстуальная интерпретация и трансформация языкового значения. Именно в сознании личности происходит преломление поступающих извне за счёт органов чувств данных, которые в дальнейшем подвергаются логической обработке, осмыслению и передаче. Объективное, не искажённое отражение понятия в сознании индивида позволяет говорить не только о формировании единой картины мира у представителей нации, но и о достоверности полученного мыслеобраза.

Модальность является многоплановой категорией, располагающей различными способами выражения и функционирования в языке. Несмотря на то, что категория модальности является объектом длительного изучения отечественных и зарубежных лингвистов, в настоящее время многие её аспекты остаются неисследованными, в частности, вопросы, касающиеся коммуникативно-прагматического подхода к исследованию категории модальности, а также антропоцентризма языка как одного из прагматических факторов, оказывающих влияние на выбор эпистемических модальных маркеров в речи. В рамках коммуникативно-прагматического подхода модальность

рассматривается в неразрывной связи с высказыванием, речевым актом и коммуникативной ситуацией в целом, для успешного осуществления которой участники коммуникации, руководствуясь принятыми правилами коммуникативного поведения, оперируют определёнными языковыми единицами, раскрывающими свои прагматические свойства. Выбор темы настоящего исследования обусловлен наличием «белых пятен», связанных с коммуникативно-прагматической природой эпистемической модальности.

Актуальность исследования определяется рядом факторов:

1. В связи с не столь давним выделением категории модальности из области философии и логики в область лингвистических исследований, в лингвистической литературе до сих пор отсутствует всеобъемлющее и общепринятое определение данного явления. Аналогичная ситуация наблюдается относительно понятия эпистемической модальности, а также вопросов, связанных со взаимоотношением понятий эпистемической модальности и эвиденциальности.

2. Благодаря переориентации фокуса лингвистического научного исследования в последней четверти XX века с лингвоцентрического подхода к антропоцентрическому, характеризующемуся изучением человека как субъекта языка, как никогда актуальным становится исследование эпистемической модальности в ракурсе коммуникативно-прагматической лингвистической макропарадигмы.

3. По справедливому замечанию З. И. Комаровой, коммуникативно-прагматическая макропарадигма лингвистики только начала оформляться в 60–70-е годы XX века, поэтому несмотря на то, что она вобрала в себя накопленную веками научных исследований базу, остаётся большое количество неизученных вопросов.

4. В лингвистической литературе отсутствует системное описание контекстно-ситуативных особенностей употребления лексических (модальные слова) и лексико-грамматических (модальные глаголы) средств выражения эпистемической модальности в английском языке с учётом коммуникативно-прагматического фактора и фактора языковой личности.

5. Необходимо указать на то, что ориентация настоящего исследования на языковую личность и некоторые особенности её познавательной, мыслительной и психической деятельности позволяет внести вклад в разработку проблем коммуникативной и прагматической лингвистик, являющихся наиболее актуальными направлениями исследования на современном этапе развития языкознания.

Степень разработанности темы диссертации не является достаточной в связи с многоплановостью и комплексностью исследуемого феномена эпистемической модальности, в том числе до сих пор не проводилось специальных исследований эпистемической модальности с точки зрения коммуникативно-прагматических особенностей её выражения в современном английском языке. Стоит отметить ряд отечественных лингвистических исследований, посвящённых природе эпистемической модальности и затрагивающих её отдельные аспекты: Е. В. Ильчук (1990) изучает семантическую структуру языковых единиц, эксплицирующих эпистемическую модальность в английском языке; С. Г. Меликсетян (2002) даёт аналитическое описание основных эпистемических наречий английского языка с точки зрения их структурно-семантической и функциональной организации; В. М. Швец (2004) обращается к проблеме усвоения ребёнком эпистемической модальности; А. В. Аверина (2010) раскрывает сущность языковой категории эпистемической модальности в рамках теории функционально-семантического поля на материале немецкого языка; в своей кандидатской диссертации С. М. Карпоян (2014) исследует выражение эпистемической модальности в интернет-комментарии как одной из разновидностей современной коммуникативной среды. Существуют также сопоставительные исследования эпистемической модальности, например, А. С. Потапенко (2003) описывает лексико-семантические, семантико-синтаксические и прагматические свойства базисных эпистемических глаголов испанского и английского языков; Э. М. Исламова (2004) предлагает сопоставительный анализ лексико-грамматических средств выражения эпистемической модальности в английском и даргинском языках; А. В. Трошина

(2008) описывает логические значения и синтаксические формы эпистемических модальных модификаторов, функции, выполняемые эпистемическими модальными модификаторами в художественных текстах, и сопоставляет английские и русские эпистемические модальные модификаторы по данным параметрам; А. А. Мусатов (2009) описывает лексико-грамматические средства выражения вероятности во французском и русском языках, изучает их семантику с дальнейшим построением модели функционально-семантического поля вероятности во французском языке и выделением особенностей этой модели по сравнению с русским языком; в работе Р. Р. Ахунзяновой (2012) освещаются вопросы, связанные с сопоставлением средств выражения эпистемической модальности в английском и татарском языках; исследование А. И. Чепурной (2015) сконцентрировано на языковом маркировании эпистемической ответственности автора публицистического текста в русском, немецком и английском языках.

Теоретической базой настоящей диссертации послужили положения научных трудов отечественных и зарубежных лингвистов:

– о природе категории модальности: Н. Д. Арутюнова, О. С. Ахманова, А. В. Бондарко, Т. В. Борисова, В. В. Виноградов, Е. М. Галкина-Федорук, Е. В. Гулыга, В. В. Гуревич, Г. А. Золотова, Г. В. Колшанский, Г. П. Немец, В. З. Панфилов, А. М. Пешковский, В. А. Плунгян, Г. Я. Солганик, В. М. Швец; Ш. Балли, Я. Ньютс, Ф. Р. Палмер, Дж. Саид, М. Фаллер, М. Халлидей, К. Хенгевельд и многие другие;

– о выделении эпистемической, деонтической и динамической модальности: Е. И. Беляева, В. З. Панфилов, В. М. Швец; Й. ван дер Аувера и В. А. Плунгян, Дж. Лайонз, Я. Ньютс, Ф. Р. Палмер, У. Фроли, Ф. де Хаан, Р. Хаддлстон и другие;

– о подразделении модальности на объективную и субъективную, характерном для отечественного языкознания: А. П. Бабушкин, Л. М. Васильев, В. Г. Гак, Т. И. Дешериева, М. З. Закиев, И. М. Кобозева, Т. И. Краснова, М. А. Кронгауз, В. З. Панфилов, А. М. Пешковский, Р. Г. Шишкина, П. Эслон;

– о природе эпистемической модальности: А. В. Аверина, Е. И. Беляева, В. Н. Бондаренко, А. В. Бондарко, С. И. Буркова, Л. Б. Волкова, А. А. Корнилов, В. З. Панфилов, Т. В. Телецкая, Э. В. Усенкова, И. Б. Шатуновский, Т. В. Шмелёва, Е. С. Яковлева; Дж. Байби, Р. Перкинс и У. Пальюка, Дж.-К. Верстраэте, М. Грепл, Ф. Кифер, Я. Ньютс, Ф. Р. Палмер, Дж. Саид, Е. Свитсер, Э. Троггт и Р. Дэшер, Ф. де Хаан, М. Халлидей и многие другие;

– о соотношении эпистемической модальности и эвиденциальности, что в большей степени присуще зарубежному языкознанию: А. Айхенвальд, Дж. Байби, Э. Гаррет, Э. Джиллис, К. Дэвис, Э. Ифантидоу, Г. Лазард, Э. МакКриди, Л. Мэттьюсон, Н. Огата, Ф. Р. Палмер, Т. Петерсон, П. Портнер, К. Поттс, Дж. Рурик, Т. Уиллет, М. Фаллер, К. фон Финтель, У. Фроли, Ф. де Хаан, К.-С. Чанг и другие;

– о природе модальных глаголов: Д. Байбер, Т. Вернер, Дж. Гронендик и М. Стокхоф, Л. Карттунен, А. Кратцер, Дж. Лайонз, Дж. Коутс, Ф. Р. Палмер, А. Папафрагоу, Е. Свитсер, К. фон Финтель и С. Иатридоу и модальных слов: Е. И. Беляева, В. В. Виноградов, Е. М. Галкина-Федорук; Д. Байбер, Р. Квирк, Я. Ньютс, Ф. де Хаан, Г. Хельбиг, У. Энгель.

Также существуют многочисленные исследования, освещающие частные прагматические явления, такие, как:

– коммуникативная неудача: С. Е. Бугрова, Б. Ю. Городецкий, Б. А. Гудман, Е. А. Земская и О. Н. Ермакова, И. М. Кобозева, И. Г. Сабурова, А. Ю. Серебрякова, Е. В. Сморгонская;

– коммуникативные стратегии и тактики: О. Я. Гойхман и Т. М. Надеина, П. М. Дайнеко, Г. В. Димова, О. С. Иссерс, Е. В. Клюев, М. Ю. Олешков, О. Н. Паршина, А. П. Сковородников, И. А. Стернин, С. А. Сухих, Л. А. Фирстова, Н. И. Формановская, Т. Е. Янко и другие.

Объектом данного исследования является эпистемическая модальность, в которой выделяются семантические зоны эпистемической необходимости и эпистемической возможности.

В качестве **предмета** изучения рассматриваются коммуникативно-прагматические особенности выражения эпистемической модальности в современном английском языке.

Целью диссертационного исследования являются изучение и анализ коммуникативно-прагматических особенностей выражения эпистемической модальности в современном английском языке в контексте художественного дискурса.

Конкретные **задачи**, поставленные для реализации цели настоящего диссертационного исследования:

1. Изучить существующие в языкознании подходы к трактовке категории модальности и уточнить определение данной категории.

2. Рассмотреть соотношение эпистемической модальности и эвиденциальности.

3. Проанализировать коммуникативно-прагматические особенности функционирования лексических и лексико-грамматических средств, эксплицирующих эпистемическую модальность в современном английском языке, в рамках структурных компонентов коммуникативной ситуации.

4. Выявить прагматические факторы, детерминирующие успешность коммуникативной ситуации с эпистемической семантикой.

5. Выделить причины и приёмы искажения достоверности информации, которые являются основанием для неуспешной коммуникации.

В соответствии с поставленными целями и задачами работы в ходе исследования были использованы такие **методы**, как анализ словарных дефиниций, метод сплошной выборки, коммуникативно-прагматический метод, описательный метод, метод контекстуального анализа, метод количественного подсчёта.

Материалом исследования послужили 5000 примеров ситуаций с эпистемической семантикой, выделенные из художественных произведений современных англоязычных писателей конца XX – начала XXI веков.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1. Впервые предпринимается попытка комплексного анализа особенностей выражения эпистемической модальности в современном английском языке на основе коммуникативно-прагматической лингвистической макропарадигмы, развивающейся в русле антропоцентрической суперпарадигмы лингвистики.

2. Впервые предлагается классификация коммуникативных стратегий и тактик, реализующих семантику эпистемической модальности в коммуникативных ситуациях, и выявляется зависимость выбора маркера эпистемической возможности или необходимости от той или иной стратегии или тактики.

3. Впервые раскрывается феномен искажения достоверности информации в рамках коммуникативных ситуаций с эпистемической семантикой и устанавливается взаимосвязь причин искажения достоверности информации с такими прагматическими факторами, как личность коммуникантов и их коммуникативное намерение.

Теоретическая значимость предлагаемой работы заключается в том, что её результаты являются определённым вкладом в изучение прагматики английского языка: описание особенностей функционирования лексических и лексико-грамматических средств выражения эпистемической модальности строится на стыке коммуникативной лингвистики и прагмалингвистики, областью исследования которых является коммуникативная ситуация в целом и участники коммуникативного взаимодействия, их коммуникативные интенции и достигаемый перлокутивный эффект в частности. Помимо этого, в работе уточнены понятия модальности, в том числе эпистемической модальности, коммуникативной стратегии и тактики, а также введено понятие искажения достоверности.

Практическая значимость результатов исследования определяется перспективами практического использования его теоретических положений и корпуса примеров коммуникативных ситуаций с эпистемическими модальными маркерами при разработке курсов лекций и проведении практических и лабораторных занятий по теоретической и практической грамматике,

лексикологии, а также различных спецкурсов по прагматике. Основные положения, выводы и фактический материал настоящего диссертационного исследования могут быть использованы при составлении учебной и учебно-методической литературы.

Апробация работы. По результатам проведённого исследования представлены доклады на VII Международной научно-практической конференции «Теоретические и прикладные аспекты современной науки» (Белгород, 2015); на Международной научно-практической конференции «Современные проблемы филологии и методики преподавания языков: вопросы теории и практики» (Елабуга, 2015); на Международной заочной научно-практической конференции «Теоретическое и методическое обеспечение современного филологического образования» (Набережные Челны, 2016); на VIII Международной научно-практической конференции «Основные проблемы современного языкознания» (Астрахань, 2016); на Всероссийской научно-практической конференции «Диалог культур в образовательном пространстве» (Набережные Челны, 2017).

Основные положения проведённого диссертационного исследования отражены в 15 публикациях, общим объёмом 6,2 п. л., из которых 11 публикаций общим объёмом в 4,4 п. л. написаны без соавторства (из них 5 статей опубликованы в ведущих рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ) и 4 публикации общим объёмом в 1,8 п. л. – в соавторстве (из них 2 статьи опубликованы в ведущих рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ, и 1 статья – в базе данных Scopus). Результаты исследования обсуждены на заседании кафедры английской филологии ГОУ ВО «Московский государственный областной университет» (25 июня 2018 г.).

Структура диссертации определяется её целями, задачами и методами исследования и состоит из введения, трёх глав, заключения, списка сокращений и условных обозначений, списка литературы и приложения.

Во **введении** обосновываются актуальность и новизна исследуемой темы, излагается степень разработанности проблемы, определяются объект, предмет,

цель, задачи и методы исследования, его практическая ценность и теоретическая значимость, даётся описание общей структуры диссертации, а также формулируются положения, выносимые на защиту.

Первая глава носит теоретический характер и посвящена освещению вопросов, связанных с природой категории модальности, её типологией и эпистемической модальностью. В результате проведённого анализа различных точек зрения на указанные вопросы формулируется определение понятия модальности, выявляется сущность эпистемической модальности и её корреляция с эвиденциальностью, а лексические и лексико-грамматические средства выражения эпистемической модальности систематизируются согласно выражаемой ими семантики эпистемической необходимости и возможности.

Вторая глава посвящена рассмотрению коммуникативно-прагматических особенностей актуализации эпистемической модальности под влиянием структурных компонентов коммуникативной ситуации, оказывающих влияние на функционирование эпистемических маркеров в речи, среди которых были выделены участники коммуникации, их социальные характеристики и интенциональный аспект коммуникативного взаимодействия.

В третьей главе исследуются коммуникативно-прагматические факторы, определяющие успешность / неуспешность коммуникации, к которым относятся коммуникативные стратегии и тактики коммуникантов, реализация которых приводит к достижению определённого перлокутивного эффекта, а также причины и приёмы искажения достоверности информации, которые могут возникать в ходе развёртывания диалога.

После каждой главы даются выводы.

В заключении подводятся итоги проведённого диссертационного исследования и намечаются перспективы дальнейших исследований.

Список литературы включает списки научной литературы и лексикографических источников, а также художественной литературы, послужившей материалом для базы примеров.

Приложение А содержит количественную характеристику прагматических компонентов коммуникативных ситуаций с эпистемической семантикой.

На защиту выносятся следующие положения:

1. В английском языке эпистемическая модальность представляет собой сложную коммуникативно-прагматическую категорию, основанную на понятии достоверности, отражающем степень соответствия пропозиции высказывания объективной действительности, и обладающую набором средств её выражения на лексическом (модальные слова) и лексико-грамматическом (модальные глаголы) уровнях языка. Эпистемическая модальность реализуется в рамках коммуникативной ситуации, составляющими элементами которой выступают коммуниканты, их общая и частные коммуникативные интенции, коммуникативные стратегии и тактики, а также перлокутивный эффект, который оказывают высказывания с эпистемическими маркерами на участников речевого взаимодействия.

2. В связи с антропоцентричностью языка одним из основных компонентов коммуникативной ситуации с эпистемической семантикой являются непосредственно коммуниканты, социальная характеристика и ментальное состояние которых оказывают влияние на выбор эпистемических модальных маркеров. Социальная характеристика включает в себя гендерно-возрастные особенности коммуникантов, а также их социальный статус, который может быть симметричным и асимметричным, и социальную дистанцию, разделяющуюся на нулевую, нейтральную и близкую. Проявление ментальных состояний соотносится с тремя уровнями: эмоциональным, когнитивным и социальным.

3. Коммуникативное взаимодействие в рамках коммуникативной ситуации с эпистемической семантикой характеризуется наличием у собеседников общей цели, которая предполагает оперирование достоверными сведениями для достижения взаимопонимания и соглашения относительно каких-либо вопросов. Однако общение не ограничивается одной целью, поскольку каждый из коммуникантов ставит перед собой частные субъективные цели, которые не должны идти вразрез с их общим коммуникативным намерением. Каждая частная

коммуникативная интенция определяет выбор говорящим соответствующих модальных глаголов или модальных слов с семантикой необходимости или возможности и направлена на достижение определённого перлокутивного эффекта.

4. В ходе коммуникации говорящий и слушающий отбирают коммуникативные стратегии и тактики, способствующие достижению их частных целеустановок. Выбор модальных маркеров, эксплицирующих эпистемическую необходимость или возможность, напрямую зависит от выбранной коммуникативной стратегии и тактики, реализующей её. В случае осуществления своего коммуникативного намерения говорящий достигает желаемого перлокутивного эффекта – это позволяет говорить об успешности коммуникации. Незапланированный и нежелательный перлокутивный эффект свидетельствует о коммуникативной неудаче.

5. В качестве одной из причин неуспешной коммуникации, коммуникативной неудачи можно выделить искажение достоверности – намеренное или ненамеренное предоставление говорящим недостоверных и не соответствующих объективной действительности сведений, фактов, что вводит в заблуждение слушающего вследствие искажения явлений и событий реальности. Под влиянием субъективных и объективных причин возможно возникновение коммуникативных ситуаций, в которых участники речевого взаимодействия искажают достоверность предоставляемой информации. Для искажения достоверности информации коммуниканты прибегают к различным приёмам в рамках коммуникативной ситуации, каждый из которых отмечен преобладающим введением в пропозицию высказывания соответствующих эпистемических модальных маркеров с семантикой возможности или необходимости.

Глава 1. Теоретические предпосылки исследования коммуникативно-прагматических особенностей эпистемической модальности в языкознании

1.1 Вводные замечания

Со времён античности модальность была объектом изучения исключительно философии и логики. В поле зрения данных наук модальность (от лат. *modus* – «мера», «способ») выступает как способ существования какого-либо объекта или протекания какого-либо явления (в этой трактовке модальность можно рассматривать как онтологическую, понимая её как взаимосвязь таких понятий бытия, как возможность и действительность) или же способ понимания суждения об объекте, явлении или событии (гносеологическая, или логическая модальность, имеющая дело с процессами познания и мышления) [383, с. 381]. Введение в сферу научного изучения понятия модальности связывают с именем древнегреческого учёного-философа Аристотеля; дальнейшее исследование модальности проводили его ученики и комментаторы Теофраст, Евдем Родосский и другие. Впоследствии исследованием категории модальности занимались средневековые схоласты, философы и мыслители Нового времени, крупнейшим представителем которого был И. Кант. В его трудах нашли отражение понятия всеобщности и необходимости, выделенные в качестве основных признаков достоверности и истинности суждения в работах Платона. По мнению И. Канта, категория модальности может быть представлена такими дуальными отношениями, как возможность и невозможность, существование и несуществование, необходимость и случайность [117, с. 277–278].

На современном этапе развития в модальной логике выделяют ассерторическую, аподиктическую, алетическую, деонтическую (модальность долженствования, нормативную модальность), каузуальную (онтологическую) и аксиологическую (оценочную) модальности. Также выделяются эпистемическая (далее – ЭМ), доксатическая, темпоральная (временная), пространственная, булетическая, телеологическая модальности и другие. Здесь следует отметить, что

ассерторическая, аподиктическая, алетическая и деонтическая модальности традиционно относятся к объективной модальности, то есть данные типы модальности детерминируются, исходя из объективных закономерностей реальной действительности и объективных законов, существующих в природе, социуме, либо, в случае рассмотрения деонтической модальности, – с точки зрения функционирующих в обществе норм морали и права. Следовательно, они не зависят от субъективного мнения мыслящей личности и объективны вне зависимости от изменяющихся переменных. ЭМ, доксатическую, темпоральную и булетическую модальности философы и логики относят к субъективной модальности, поскольку в данном случае находит отражение отношение субъекта познания к процессам и явлениям окружающей его объективной действительности.

1.2 Категория модальности: обобщение лингвистического опыта

В поле зрения лингвистики категория модальности попала не так давно и не получила должного рассмотрения в связи с её многоплановостью, различными способами выражения в языке и функционированием в нём. Тем не менее данная категория уже успела занять прочное место среди лингвистических категорий, став объектом изучения многих лингвистов. В так называемой грамматической системе «Время – Аспект – Модальность», последняя грамматическая категория всё ещё остаётся недостаточно изученной по сравнению с первыми двумя. Как отмечает британский лингвист Ф. Р. Палмер, модальность тесно связана с категориями времени и аспекта, так как все три категории являются категориями предикативной основы предложения: категория времени имеет дело со временем протекания события или ситуации, в то время как категория аспекта рассматривает природу события. Отличие модальности от двух упомянутых выше категорий заключается в указании на статус пропозиции, которая описывает событие [297, с. 1]. В фундаментальном труде Дж. Байби «The Evolution of Grammar» (в соавторстве с Р. Перкинсом и У. Пальюкой) указывается, что

модальность нельзя отождествлять с категорией времени и аспекта, и наилучшее понимание данного понятия возможно получить в процессе изучения понятий, связанных с ним диахронически [236, с. 176].

Несмотря на постоянно возрастающий интерес к языковой категории модальности, учёные до сих пор не могут прийти к заключению в вопросе определения её природы. Стоит отметить, что понятие языковой модальности нельзя рассматривать в отрыве от точек зрения, предлагаемых философами и логиками. Невозможно не согласиться с С. С. Олефир, упоминающей, что термин «модальность», с одной стороны, не может иметь единого определения, так как философия, логика, лингвистика и аксиология имеют собственный понятийный аппарат. Вместе с тем существование категории модальности в качестве объекта изучения многих наук не должно приводить к антагонистическим противоречиям в её трактовке, поскольку речь во всех случаях идёт об одном и том же процессе отражения человеческим сознанием реалий, событий и явлений объективной действительности [136, с. 1].

Выделение модальности и её понятийного аппарата из области логики можно связать с трудом Г. Х. фон Вригта «An Essay in Modal Logic» (1951), который положил начало выделению неклассической деонтической логики и логики истины. Основателем западноевропейской лингвистической теории модальности по праву можно считать выдающегося швейцарского лингвиста Ш. Балли. Он подразделял предложение на две части: первая – это диктум (от лат. *dictum* – «сказанное»), или та часть предложения, которая коррелятивна процессу, образующему представление (основное содержание предложения, какое-либо суждение, повод эксплицитного высказывания); вторая – модус, или та часть предложения, которая выражает отношение говорящего (рациональное, эмоциональное) к данному суждению (субстрат представления, тема эксплицитного высказывания) [22, с. 46]. Разделения высказывания на модус и диктум в своих научных трудах также придерживались Н. Д. Арутюнова (1988), Т. В. Шмелёва (1988), В. А. Яцко (1993), В. Г. Гак (2000), Е. М. Вольф (2002), Г. А. Золотова (2004), А. В. Зеленщиков (2010), Т. В. Матвеева (2010), О. А. Кобрина

(2011) и другие. По справедливому замечанию Ш. Балли, высказывание обретает значение предложения только если в нём обнаружено выражение модальности, поскольку модальность является душой предложения и результатом активной мыслительной деятельности говорящего субъекта [22, с. 44].

Одной из ключевых фигур в истории изучения категории модальности за рубежом является британский лингвист Ф. Р. Палмер, рассматривающий модальность как валидную межъязыковую грамматическую категорию в русле типологической лингвистики. Он выделяет два вида модальности: пропозициональную и событийную. Пропозициональная модальность связана с отношением говорящего к достоверности или реальности пропозиции и подразделяется на ЭМ и эвиденциальность [297, с. 8]. Напротив, событийная модальность рассматривает события, которые ещё не актуализировались, не имели места в действительности, но теоретически возможны; к событийной модальности относятся деонтическая (с модальными операторами долженствования / разрешения) и динамическая модальность (с модальными операторами способности / желания) [297, с. 9–10].

Выделения ЭМ, деонтической и динамической модальности в своих научных работах придерживались такие зарубежные лингвисты, как Дж. Лайонз (1977), Ф. Р. Палмер (1979, 2001), У. Фроли (1992), Й. ван дер Аувера и отечественный лингвист В. А. Плунгян (1998), Я. Ньютс (2001), Р. Хаддлстон (2002), Ф. де Хаан (2006), также отечественные лингвисты В. З. Панфилов (1977), Е. И. Беляева (1985), В. М. Швец (2007) и другие. Й. ван дер Аувера и В. А. Плунгян, Т. Гивон, Дж. Саид вслед за Ф. Р. Палмером выделяют ЭМ и деонтическую модальность, исключая при этом динамическую.

Следует отметить, что в 60-е годы XX века в зарубежной лингвистике наметилась тенденция объединения деонтической и динамической модальности в так называемую корневую модальность. Эта тенденция нашла отражение в трудах Т. Р. Хофмана (1976), Дж. Коутс (1983), Ф. Джеймс (1986) и других. Г. Радден и Р. Дирвен, объединяя понятия ЭМ и корневой модальности, выводят обобщённое определение модальности как оценки потенциальной возможности, которая

зависит либо от суждения говорящего о соответствии положения дел объективной реальности (ЭМ), либо от отношения говорящего к реализации желаемого или ожидаемого события (корневая модальность) [308, с. 246].

В коллективной монографии Р. Квирка и других «A comprehensive grammar of the English language» [307, с. 219–220] признаётся наличие различных терминологических подходов к выделению типов модальности: модуляция и модальность, корневая и ЭМ. Вместе с тем выделяются два типа модальности: внутренняя (intrinsic) и внешняя (extrinsic); в дальнейшем это находит отражение и в коллективном труде «Longman grammar of spoken and written English» Д. Байбер и других [232, с. 485]. Внутренняя модальность включает в себя такие компоненты значения, как разрешение, обязательство и волеизъявление, которые подразумевают внутренний контроль субъекта коммуникации над событиями. Внешняя модальность включает значения возможности, необходимости и предсказания, которые главным образом включают суждение говорящего о том, что может или не может произойти [307, с. 219].

Профессор Амстердамского университета К. Хенгевельд рассматривает категорию модальности через призму теории речевых актов и определяет её как категорию, противоположную иллокуции и принадлежащую к области пропозиционального содержания [263, с. 233]. С данной трактовкой перекликается точка зрения на модальность, предлагаемая Р. Г. Шишкиной [218, с. 42], полагающей, что в модальности всегда воплощается субъективное отношение говорящего к денотативной ситуации и к содержанию пропозиции, к акту речи и партнёрам по коммуникации.

Среди отечественных лингвистов, несомненно, огромную роль в исследовании категории модальности сыграл академик В. В. Виноградов. Учёный рассматривает модальность как синтаксическую категорию, выражающую отношение говорящего к действительности [50, с. 55–56] с точки зрения её реальности, нереальности, предположительности, желательности и возможности. Следует отметить, что В. В. Виноградов исследует категорию модальности в

тесной связи и в некотором роде взаимодействии с разными видами и типами эмоциональной экспрессии (например, возмущения, восхищения, угрозы).

Теоретические положения лингвистических исследований В. В. Виноградова послужили базой для формирования традиционного и наиболее распространённого в отечественной лингвистике понимания модальности, согласно которому модальность трактуется как понятийная категория со значением отношения говорящего к содержанию высказывания (при этом субъективное отношение говорящего к высказыванию может быть выражено в различных семантических полях, например, «уверенность / неуверенность», «возможность», «реальность / нереальность события», «желательность», «необходимость» и тому подобное) и отношения содержания высказывания к действительности. В этом ключе модальность рассматривают Т. В. Борисова (1951), О. С. Ахманова (1969), Е. В. Гулыга (1969), А. В. Бондарко (1990), Г. Я. Солганик (1999), В. В. Гуревич (2003), зарубежные лингвисты М. Халлидей (1970), М. Фаллер (2002) и другие. Вследствие размытости и всеохватности данной трактовки категории модальности А. В. Бондарко предлагает дополнить характеристику понятия модальности указанием на доминанту модальности, как то или иное отношение к признакам реальности / ирреальности [193, с. 59]. Г. Я. Солганик, в свою очередь, подчёркивает неразрывную связь лингвистической категории модальности с «существующими философскими, политическими и социально-идеологическими теориями» [184, с. 371].

Как отмечает В. З. Панфилов, природа и границы категории модальности являются самым сложным и спорным вопросом в теоретическом языкознании, поскольку существует множество противоречивых точек зрения относительно языковой природы и состава частных значений данной категории [143, с. 37]. Анализ трудов отечественных и зарубежных учёных-лингвистов позволяет сделать вывод о том, что исследуемая категория может рассматриваться как:

1) функционально-семантическая или семантико-прагматическая категория, выражающая:

а) позицию говорящего относительно разных компонентов речевой коммуникации посредством особой организации высказывания и текста – Т. В. Матвеева (2010);

б) разные виды отношения высказывания к действительности – Г. П. Немец (1989), М. В. Ляпон (1990), А. П. Бабушкин (2001), В. М. Швец (2007), зарубежные лингвисты Я. Ньютс (2001), Дж. Саид (2004);

2) семантическая зона, которая включает значения возможности и необходимости как парадигматические варианты, с последующим выделением четырёх семантических зон модальности (модальность внутренней возможности; модальность внешней возможности; деонтическая модальность; ЭМ) – Й. ван дер Аувера и В.А. Плунгян [326, с. 80–81];

3) коммуникативный модус – М. А. Таривердиева (1987);

4) семантика отношения денотатов к действительности – М. Я. Блох [31, с. 145];

5) единая многоаспектная семантико-синтаксическая категория, отражающая отношение говорящего к действительности и к содержанию высказывания. Среди аспектов выделяются инвариантные модальные значения (реальность и ирреальность), модальность достоверности и модальности предиката – И. Г. Осетров [139, с. 24–29];

б) синтаксическая категория, выражающая соотношение между высказыванием и объективной действительностью с точки зрения говорящего – Е. В. Гулыга [69, с. 47];

7) грамматическая категория, тождественная категориям времени и наклонения и выражающая отношение говорящего к связи между содержанием высказывания и действительностью – А. М. Пешковский [149, с. 8], Т. Гивон (2001);

8) логическое понятие, отражающее отношение говорящего к действительности, устанавливающее достоверность или недостоверность связей фактов, обозначаемых и выражаемых в предложении – Е. М. Галкина-Федорук [59, с. 31], Г. А. Золотова (1973), В. З. Панфилов (1977).

Перечисленные выше первые две трактовки категории модальности можно отнести к так называемой «широкой» интерпретации, остальные – к «узкой», в которой данная категория может рассматриваться или как грамматическая, или коммуникативная, или семантическая, или логическая и так далее. На возможность выделения двух подходов к оценке функциональной сущности языковой модальности указывает Т. И. Дешериева: узкого (автономного) подхода, рассматривающего модальность как фактор наклонения, и широкого (полиаспектного), выражающего отношение к тому, о чём сообщается, кому сообщается, кем сообщается, как сообщается и отношение сообщаемого к действительности [75, с. 16].

Широкое распространение в отечественной лингвистике получило перенятое из модальной логики выделение объективной и субъективной модальности (в то время как в зарубежной лингвистике большей популярностью пользуется разграничение ЭМ, деонтической и динамической модальностей). Объективную модальность можно определить как грамматический способ выражения отношения действия, о котором идёт речь в высказывании, к действительности [21, с. 13] в плане реальности и ирреальности [380, с. 303]. При этом говорящий выступает как нейтральный наблюдатель явлений действительности. Основным средством выражения объективной модальности является категория наклонения глагола. Объективная модальность является одной из главных формирующих основ предложения. Под субъективной модальностью понимается отношение лица к сообщаемому (уверенность или неуверенность, согласие или несогласие, предположение, удивление, опасение и так далее) [21, с. 14]. Несмотря на то, что субъективная модальность является факультативным признаком предложения и не несёт в себе основоформирующей нагрузки, неоспоримым является тот факт, что в ней отражается психическая способность субъекта коммуникации анализировать, перерабатывать, интерпретировать и выражать собственную оценку фактам действительности, представленным в высказывании.

В противовес лингвистам, ратующим за подобное разделение (В. З. Панфилов (1977), Ф. А. Агаева (1990), Д. А. Парамонов (1996), И. М. Кобозева (2000), Н. Ю. Шведова (2003), М. А. Кронгауз (2005)), некоторые лингвисты выступают против подобного разграничения модальностей. Как справедливо отмечает П. Эслон, сферы субъективного и объективного в языке тесно взаимосвязаны, поэтому «категория модальности представляет собой диалектическое единство объективного и субъективного» [223, с. 234–235]. А. П. Бабушкин, хотя и придерживается подобного разделения, вместе с тем вслед за Р. Г. Шишкиной (2001) делает примечание о том, что «в модальности всегда воплощается субъективное отношение говорящего к денотативной ситуации и к содержанию пропозиции, к акту речи и партнёрам по коммуникации» [21, с. 13]. На условность противопоставления данных модальностей указывают также Т. И. Дешериева (1987), А. В. Бондарко (1990), Т. А. Сергунина (1990), Т. И. Краснова (2002), Г. В. Колшанский (2005) и другие.

Мы также склонны полагать, что данное разграничение довольно условно, так как выбор средств реализации высказывания всегда зависит от говорящего, а значит, является субъективным по своей природе. Любое объективное высказывание в той или иной степени содержит отражение личности субъекта коммуникации. Следовательно, объективная и субъективная модальности включены в систему сложных взаимоотношений, в которой происходит взаимодействие участников коммуникации, выражающих свою субъективную (нейтральную или эмоционально окрашенную) оценку предоставленным фактам объективной действительности.

Однако исследование категории модальности не ограничивается анализом различных трактовок её сущности. На наш взгляд, важно также предоставить краткий обзор структурно-содержательного объёма модальности, включающего спектр различных значений. Академик В. В. Виноградов к области модальных значений относил весьма широкий спектр значений, так как высказывание, отражая действительность, «облекается в одну из существующих в данной системе языка интонационных схем предложения и выражает одно из тех

синтаксических значений, которые в своей совокупности образуют категорию модальности» [50, с. 55–56]. Поэтому последующие лингвистические исследования так или иначе базировались на его научном наследии. В настоящее время точки зрения В. В. Виноградова придерживаются отечественные лингвисты Е. И. Беляева, Г. А. Золотова, Н. Е. Петров, Т. А. Сергунина, Н. Ю. Шведова и другие. К примеру, согласно классификации, разработанной Г. А. Золотовой, выделяется три типа модальных отношений: 1) отношение содержания высказывания к действительности в плане его реальности / ирреальности с точки зрения говорящего (объективная модальность), иначе говоря, модальность прямая (реальная) и нереальная (ирреальная, косвенная, гипотетическая, предположительная); 2) отношение говорящего к содержанию высказывания в плане его достоверности / недостоверности (субъективная модальность); и 3) отношение между субъектом действия и действием (внутрисинтаксическая модальность) [83, с. 140–157]. Аналогичной точки зрения придерживается Е. И. Беляева, с той лишь разницей, что третий тип отношений рассматривается учёным как отношение между объектом действительности и его признаком в плане возможности, необходимости и желательности [28, с. 19].

Несколько иная интерпретация, основанная на классическом логическом выделении типов модальности, была предложена С. Чанг и А. Тимберлейком. Они выделяют три большие области значений: эпистемологию, обязательство и причинную обусловленность или непредвиденное обстоятельство. Между эпистемологической неуверенностью вопросов и относительно сильной уверенностью утверждений находится понятие эвиденциальности [277, с. 316–317]. Обязательство иначе можно назвать директивной, императивной модальностью, модальностью «пусть-будет-так» или деонтической модальностью; с обязательством связаны значения разрешения и способности [277, с. 318–320]. И, наконец, третья область значений – это модальность причинной обусловленности или непредвиденного обстоятельства. В данном случае ответственность за одну ситуацию в мире возложена на другую ситуацию [277, с. 321].

К области основных модальных значений чаще всего причисляются значения необходимости, долженствования, обязательства, возможности, разрешения (позволения), волеизъявления, способности (умения), предположения и другие. К кругу учёных, придерживающихся подобной классификации, можно отнести А. В. Бондарко, В. В. Гуревича (который дополнительно включает значения отсутствия необходимости, бессмысленности и предпочтительности), К. Г. Крушельницкую, Е. Д. Смирнову; Ф. де Хаана, К. Хенгевельда и других.

В фундаментальном академическом труде «Лингвистический энциклопедический словарь» под редакцией В. Н. Ярцевой область модальных значений расширяется за счёт включения значений коммуникативной целеустановки (утверждение – вопрос – побуждение); противопоставления по признаку «утверждение – отрицание»; градации значений в диапазоне «реальность – ирреальность» (реальность – гипотетичность – ирреальность), разной степени уверенности говорящего в достоверности формирующейся у него мысли о действительности и других [380, с. 303]. Этот подход находит отражение в исследованиях С. Н. Савицкой (1963), П. Адамца (1968), А. В. Бондарко (1990), Е. В. Милосердовой (1991). В то же время русист И. П. Распопов предлагает исключить категорию целевого назначения [159, с. 30], относя типы предложения по цели высказывания к объектам коммуникации. В. Г. Гак, исходя из коммуникативной направленности высказывания, выделяет алетическую модальность, которая связана с повествовательностью, ЭМ, имеющую отношение к вопросительности, и, наконец, деонтическую модальность, связанную с побудительностью и оптативностью [57, с. 317].

Можно заметить, что сфера первоначального круга модальных значений постепенно расширяется за счёт включения в область рассмотрения коммуникативной установки высказывания, противопоставлений по дихотомическим признакам «утверждение / отрицание», «реальность / ирреальность», «достоверность / недостоверность» и некоторых других, а также эмоционально-экспрессивного отношения говорящего к пропозиции высказывания. Однако не все исследователи склонны расширять границы

модальных значений. Рассмотрим несколько «суженных» подходов к трактовке анализируемой проблемы.

Существуют классификации модальных значений, основанные на направленности модальности. К сторонникам данного подхода можно отнести К. Хенгевельда, выделяющего модальность, ориентированную на участника, на событие и на пропозицию [263]; Дж. Байби, Р. Перкинса и У. Пальюку, разграничивающих агентивную модальность, локутивную модальность, ЭМ и модальность придаточного предложения [236, с. 177–180].

В «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой к рассмотрению предлагаются модальность гипотетическая, глагольная, ирреальная и отрицательная [375, с. 237–238].

Логико-семантического подхода к определению природы категории модальности придерживается З. Я. Тураева, согласно которой возможно разграничение значений абсолютной и сравнительной оценки (аксиологические модусы), запретного и разрешенного (деонтические модусы), желательного и нежелательного (оптативные модусы), возможного и невозможного (алетические модусы), известного и неизвестного (эпистемические модусы) [195]. Исследователем Э. Я. Мороховской в качестве составляющих логической категории модальности выделяются алетический модус (модус истинности), эпистемический модус (модус знания), деонтический модус (модус долженствования) и экзистенциальный (модус существования) [292, с. 75]. Н. Д. Арутюнова к эксплицитным модусам относит перцептивный (сенсорный) модус; ментальный (когнитивный, эпистемический) модус; эмотивный модус и волеизъявительный (волитивный) [17, с. 109].

Чешский лингвист М. Грепл [65], включая в область модальных значений коммуникативную целеустановку, а именно значения повествования, вопроса и побуждения, в то же время сужает семантическую зону категории модальности, принимая во внимание лишь три аспекта: общую (основную) модальность, волюнтативную модальность и модальность истинности.

В. Н. Бондаренко вслед за многими лингвистами (А. В. Бондарко, В. В. Виноградовым, Т. И. Дешериевой, В. З. Панфиловым, И. П. Распоповым и другими) к группе модальных значений относит следующие: 1) возможность, действительность, необходимость; 2) сомнение, проблематичность (предположение, вероятность) и категоричность [35, с. 5].

Другие исследователи берут за основу выделения различных модальных значений качественную оценку. Например, Е. М. Вольф под оценкой понимает один из видов модальностей, который накладывается «на дескриптивное содержание языкового выражения» [55, с. 11] и имеет значения «хорошо / плохо» [55, с. 12]. Н. Д. Арутюнова также причисляет оценку к одному из видов субъективной модальности [16, с. 60]. Н. В. Калининская отмечает, что модальные значения являются оценочными значениями, так как модальность оценивает отношение высказывания к действительности с точки зрения субъекта [90, с. 59]. При этом Т. В. Маркелова подчеркивает, что несмотря на тесную взаимосвязь и взаимозависимость, нельзя отождествлять категории модальности и оценки [118, с. 84]. В связи с этим Е. И. Беляева отмечает, что оценка эта интеллектуально-рассудочная и в её рамки не входит эмоциональная сторона, поэтому неверно включать эмоционально-волевые, эмоционально-этические и другие виды оценки в семантическое поле модальности [28, с. 19]. Также здесь следует упомянуть тот факт, что ряд лингвистов трактует модальность шире, чем оценку (Т. Б. Алисова (1971), Н. Ю. Шведова (1980), Л. М. Васильев (1996)).

Некоторые лингвисты рассматривают категорию модальности с позиции теории функционально-семантического поля, основоположником которой является А. В. Бондарко. По мнению Е. В. Гулыги и Е. И. Шендельс, модальное макрополе состоит из двух полей: поля действительности и поля недействительности; последнее, в свою очередь, распадается на три поля: потенциально-ирреальное микрополе (объективная модальность), микрополе побуждения (коммуникативная установка высказывания) и микрополе предположения (субъективная модальность) [68, с. 76]. В рамках традиционной грамматики поля действительности и недействительности могут быть соотнесены

с реальной и ирреальной модальностью. Е. И. Беляевой в рамках данной концепции также выделяются два вышеназванных макрополя модальности. Последнее далее делится на поля ирреальности, предметной (потенциальной) модальности, волеизъявления и ЭМ [28, с. 19–21]. Т. Б. Алисовой выделяются коммуникативная и субъективно-оценочная модальность [7, с. 57]. Функционально-семантическое описание категории модальности находит отражение в трудах В. Н. Бондаренко (1977), Е. И. Беляевой (1985), А. В. Бондарко (1990) и современных диссертационных исследованиях разноструктурных языков А. В. Чибук (2004), А. Ш. Кошевой (2006), Э. Н. Алиевой (2010) и других.

В рамках данного исследования мы будем придерживаться интегрированного широкого понятия, в котором модальность предстаёт как коммуникативно-прагматическая категория, которая выступает в тесном взаимодействии с категорией субъективности и отражает отношение говорящего к действительности и к содержанию высказывания. Эта трактовка созвучна с точкой зрения А. В. Зеленщикова, который рассматривает категорию модальности как отражающую «отношение говорящего к отношению высказывания к действительности» [80, с. 16]. Как отмечает Е. А. Попова, благодаря выделению субъективности в качестве фундаментальной категории языка, появилась возможность изучения модальности за пределами предложения и применения модального подхода к прагматике и коммуникативной лингвистике [152, с. 8]. Е. В. Милосердова подчёркивает, что отличительной чертой модальности является нахождение в центре её внимания личности говорящего, изменений, с ним происходящих, и реакция на субъективность, которую вносит говорящий в процесс коммуникации [123, с. 32]. Относительно трактовки области значений модальности мы будем придерживаться более широкого подхода, включая коммуникативную целеустановку говорящего и его эмоциональную оценку высказывания, принимая во внимание тот факт, что семантическая зона ЭМ включает в себя понятие достоверности, при этом ЭМ будет традиционно трактоваться как область субъективно-модальных значений.

1.3 Природа эпистемической модальности в лингвистике

Как и категория модальности в целом, ЭМ была заимствована из терминологического аппарата философии и логики. Говоря о структуре значений ЭМ, В. М. Швец указывает на важное значение таких параметров, как оценка сообщаемого с точки зрения его достоверности / недостоверности, степень полноты и характер знаний говорящего, тип информации («источник знания» – непосредственное чувственное восприятие, логический вывод, другое лицо), лежащий в основе оценки достоверности сообщаемого. При этом автором делается примечание о том, что нужно разграничивать эпистемическую установку говорящего и степень его уверенности, поскольку именно наличие или отсутствие у говорящего сведений о сообщаемом оказывает воздействие на его эмоционально-психическую реакцию на это, таким образом, эпистемическая установка является первичной по отношению к степени уверенности говорящего [213, с. 23–25].

Иллокутивный акт, осуществляемый говорящим, направлен на достижение определённого перлокутивного эффекта. Перлокуция состоит в воздействии на информационное состояние адресата, на его настроение, планы, желания и волю [188], цель перлокутивного акта – попытка подвигнуть вас на какой-нибудь поступок [140, с. 90]. В рамках ЭМ цель говорящего – довести до сознания определённого субъекта сведения о достоверности каких-либо событий, а также своё субъективное отношение к ним, тем самым попытаться склонить его к аналогичной точке зрения. Выражаясь понятиями теории речевых актов, прагматика отвечает на вопросы о том, как личность участников общения, особенности их межличностного взаимодействия и характеристики ситуации общения влияют на выбор коммуникантами эпистемических маркеров (лексических, грамматических, синтаксических) для создания локутивного акта, реализации иллокутивного намерения и достижения необходимого перлокутивного эффекта.

Изучению ЭМ в отечественном языкознании посвящены труды В. З. Панфилова (1977), В. Н. Бондаренко (1977), А. А. Корнилова (1985), И. Б. Шатуновского (1988, 1996), А. В. Бондарко (1990), Е. И. Беляевой (1990), С. И. Бурковой (2004); в зарубежной лингвистике исследованием ЭМ занимались Ф. Р. Палмер (1979), Ф. Кифер (1984), Е. Свитсер (1990), Дж. Байби, Р. Перкинс и У. Пальюка (1994), Я. Ньютс (2001), Дж. К. Верстраэте (2004), Дж. Саид (2004), Ф. де Хаан (2006) и многие другие.

Однако до сих пор в лингвистике существуют терминологические разногласия в трактовке понятия ЭМ: в различных источниках можно найти понятия модальности достоверности (В. Н. Бондаренко, Е. И. Беляева, Т. В. Телецкая, Е. С. Яковлева), модальности истинности (М. Грeпл), персуазивной модальности (В. З. Панфилов, Т. В. Шмелёва), внешней субъективной модальности (Л. С. Ермолаева, Э. В. Усенкова), модализации (М. Халлидей), модальности предположения / предположительности (Л. Б. Волкова). Несмотря на это все исследователи причисляют её к субъективной модальности, так как оценка достоверности / недостоверности содержательного плана высказывания находится в непосредственной зависимости от личности коммуникантов. Е. И. Беляева под модальностью достоверности понимает степень соответствия пропозиции высказывания действительности с точки зрения говорящего [193, с. 157]. В трактовке Т. В. Шмелёвой персуазивная модальность предстаёт в виде функционально-семантической категории, которая отражает оценку достоверности информации говорящим, при этом речь идёт о субъективном отношении говорящего, его уверенности или неуверенности в достоверности излагаемого [221, с. 89]. К этому определению И. Ю. Кукса добавляет оценку сообщаемого с точки зрения его точности [112, с. 39]. В то же время М. Грeпл принимает во внимание ценностный параметр, поэтому в его трактовке модальность истинности представляет собой категорию, выражающую степень убеждённости говорящего в реальной значимости содержания его высказывания [65, с. 296]. В. З. Панфилов в своём определении отражает взаимосвязь оценки с мыслительной деятельностью субъекта коммуникации, говоря о персуазивной модальности как категории,

благодаря которой эксплицируется степень достоверности мысли, отражающей ту или иную ситуацию [143, с. 39]. У Ф. де Хаана, чья точка зрения разделяется У. Фроли (1992), Й. ван дер Ауверой и В. А. Плуныном (1998), Э. Троггт и Р. Дэшером (2005), вышеобозначенное определение дополняется степенью уверенности говорящего в том, что то, что он (-а) говорит, является правдой [243, с. 6].

Анализ приведённых выше точек зрения позволяет заметить фигурирование в большинстве из них понятия достоверности. Под лингвистической достоверностью Т. В. Романова, вслед за Н. Ю. Павловской, понимает рациональную оценку содержания высказывания, осуществляемую говорящим в соответствии с полнотой его знаний о событиях, вербализованных в высказывании [160, с. 181]. Схожее определение находим у Е. С. Яковлевой, рассматривающей достоверность как оценку говорящим своих знаний о явлениях действительности [224, с. 2]. Т. В. Романова отмечает, что противоречивость понятия достоверности в лингвистике связана с тем, что анализу подвергается не достоверность как истинностное, объективное знание о действительности, а степень знания говорящим связей и отношений действительности, отражённых в высказывании [160, с. 180]. Речь идёт не об объективном понимании действительности субъектом коммуникации; достоверность неких суждений может преломиться под влиянием мыслящего субъекта. Л. Витгенштейн также указывает на субъективность слова «достоверный», при помощи которого мы выражаем полную убеждённость, отсутствие всяких сомнений и тем самым стремимся убедить других [53, с. 13]. Под достоверностью нами будет пониматься понятие, отражающее степень соответствия пропозиции высказывания объективной действительности.

В своём диссертационном исследовании Л. Михневич подчёркивает, что оценка говорящим степени достоверности пропозиции может быть бесстрастной (то есть рациональной, основанной на логических мыслительных операциях) или эмоциональной [124, с. 16–17]. Однако в обоих случаях, по точному замечанию Ф.

Р. Палмера, оценка достоверности показывает степень ответственности говорящего за истинность своего высказывания [297, с. 4].

С понятием достоверности в тесной семантической взаимосвязи находится понятие истины. В. И. Постовалова отмечает, что истина характеризует реальность во всей полноте её проявления и восприятия человеком [155, с. 191]. По обоснованному утверждению В. В. Целищева и В. В. Петрова, понятие истины формулируется для предложений языка, которые истинны не сами по себе, а благодаря тому, что являются более или менее верным отображением реальности [203, с. 34–35]. Человек, являющийся творцом речевого произведения и активным участником коммуникации, вносит своё видение и оценку того или иного явления, предмета объективной действительности, предоставляя результаты познавательной и самопознавательной деятельности с позиций «Я знаю, что А» (если мы говорим о простой достоверности), «Я уверен, что А» (категорическая достоверность или эпистемическая необходимость (далее – ЭН), «Я не уверен / сомневаюсь, А или не А» (проблематическая достоверность или эпистемическая возможность (далее – ЭВ)). При этом нельзя отождествлять степень достоверности информации, эксплицируемой в высказывании говорящим, с её реальным соответствием объективной действительности, иными словами, истинностью. Истинным то или иное суждение становится лишь в случае соответствия пропозиции высказывания положению дел в объективной действительности. Другими словами, можно говорить о существовании объективной и субъективной истины. Последняя возникает под воздействием комплексов представлений коммуникантов о действительном мире.

В современных зарубежных лингвистических исследованиях наблюдается ориентация на трактовку ЭМ в тесной взаимосвязи с модальной логикой и концепцией возможных миров. По мнению М. Уиллера, высказывания с семантикой ЭМ уточняют анализируемый говорящим комплекс возможных миров – это позволяет рассматривать все возможности как способные реализоваться [337, с. 21]. Рассуждая об ЭВ, Б. Везерсон и Э. Эган приходят к выводу, что возможность можно трактовать как эпистемическую в том случае, если мы не

знаем о достоверности / ложности p , а значит, p может быть достоверным в одном из возможных миров (где p – это любое случайное утверждение, о достоверности которого мы не знаем) [335]. А. Папафрагоу разграничивает субъективную и объективную ЭМ и в качестве основного различия указывает на то, что первая является индексальной и темпорально зависимой: в процессе коммуникации возможные миры ограничиваются тем, что говорящий знает / в истинность чего верит на момент произнесения высказывания. В случае актуализации объективной модальности возможные миры включают то, что является общеизвестным некоторому сообществу, общедоступными сведениями [298, с. 1695].

Дж. Байби, Р. Перкинс и У. Пальюка указывают, что ЭМ относится к утверждениям и служит индикатором того, как говорящий оценивает истинность содержания высказывания. Степень вероятности, согласно этим исследователям, может быть подразделена на возможность, вероятность и уверенность, основанную на выводном знании [236, с. 179–180]. Сходного определения ЭМ придерживается А. Айхенвальд [229, с. 212], добавляя к нему критерий оценки говорящим достоверности поступающей информации, а также Э. Лайсс и В. Абрахам (2014). Я. Ньютс предлагает обобщающее определение, которое может быть передано следующим образом: ЭМ представляет собой лингвистическую категорию, выражающую оценку возможности того, что определённое гипотетическое положение дел произойдёт, происходит или произошло в одном из возможных миров, который выступает критерием оценки и интерпретации. Иными словами, ЭМ имеет дело с оценкой вероятности того, что рассматриваемое явление действительности было / является / будет достоверным (истинным) или ложным в рамках того возможного мира, в котором оно находит воплощение в действительности [294, с. 21–22].

Рассматривая модальность достоверности в рамках функционально-семантического поля, Е. И. Беляева выделяет два микрополя: микрополе вероятности и микрополе истинности. Выводное знание выступает основой для модальности вероятности, являющейся «результатом логической операции

умозаключения, построенного на определённых посылках», обладающих разной степенью вероятности [193, с. 163]. Основу микрополя истинности составляет представление говорящего о соответствии пропозиции высказывания действительности [193, с. 167]. Р. Квирк и другие [307, с. 221] в сфере значений ЭМ выделяют возможность, необходимость и предсказание. Выделения в ЭМ семантических зон возможности и необходимости в своих работах также придерживались Дж. Лич (1975), Ф. Р. Палмер (1979, 2001), Дж. Коутс (1983), Й. ван дер Аувера и В. А. Плунгян (1998), Я. Ньютс (2001), Р. Хаддлстон и Дж. К. Пуллум (2002), М. Уиллер (2013), Э. Лайсс и В. Абрахам (2014); Р. Р. Ахунзянова (2012), С. М. Карпоян (2014) и многие другие. Вслед за Й. ван дер Ауверой и В. А. Плунгяном [326, с. 81] в данном диссертационном исследовании ЭВ рассматривается тождественно неуверенности говорящего, в то время как ЭН подразумевает уверенность говорящего и относительно высокую степень вероятности пропозиции. Как отмечает Ф. Р. Палмер, ЭВ указывает на один из возможных выводов, а ЭН – на единственно возможный вывод из наблюдаемых доказательств [297, с. 24–25].

По мнению М. В. Никитина, посредством языка в речи воплощается множество различных миров: реальных и ирреальных, действительных и мнимых, возможных и невозможных и смешанных [131, с. 239]. Развивая данную мысль, можно прийти к выводу, что ЭМ выражает субъективную оценку говорящим того, что то или иное событие, явление, положение дел будет являться истинным или ложным в рамках одного из возможных миров. А. П. Бабушкин предлагает выделить «мир сомнений, догадок и гипотетических допущений» [21, с. 61], тождественный семантической рамке ЭМ.

Таким образом, высказывания, эксплицирующие значение ЭМ, представляют собой выводное знание, полученное при помощи рассуждения или логического умозаключения. Под ЭМ будет пониматься коммуникативно-прагматическая категория, в основе которой лежит понятие достоверности, которое отражает степень знаний говорящего о явлениях объективной действительности. При этом необходимо принять во внимание тот факт, что ЭМ в

лингвистике представляет собой субъективную категорию (в отличие от ЭМ в философии и логике), поскольку оценка вероятности воплощения в объективной действительности того или иного положения дел осуществляется на основе знаний, рассуждений, мнений и опыта самого говорящего, а значит, она преломляется через его мыслительную и эмоционально-психическую сущность. В рамках данной работы в качестве основных средств выражения эпистемической семантики в английском языке будут рассмотрены модальные глаголы (далее – МГ) и модальные слова (далее – МС), которые регулярно используются носителями языка для экспликации ЭМ и являются наилучшими её представителями.

1.4 Семантические особенности основных средств выражения эпистемической модальности

1.4.1 Модальные глаголы

Неугасающий исследовательский интерес к МГ обуславливается их функционированием в качестве наиболее частотных экспликаторов ЭМ в английском языке. МГ не выражают действие; они служат для выражения отношения говорящего к совершаемому действию или состоянию, обозначенному инфинитивом глагола. Согласно Ф. Р. Палмеру, функцией эпистемических МГ является сделать суждение о возможности того, что что-то имеет или не имеет места быть в объективной реальности [295, с. 50]. Таким образом, МГ не используются самостоятельно без инфинитива смыслового глагола, за исключением эллиптических ответных конструкций. На выбор того или иного МГ оказывает влияние не только общий фон знаний говорящего, но и его точка зрения, представления об определённом положении дел или обстоятельствах, и отношение не только к предмету разговора, но и взаимоотношения между собеседниками (дружелюбные / нейтральные / враждебные, формальные / неформальные и так далее).

К числу собственно МГ традиционно относятся глаголы *must, can / could, may / might, shall / should, will / would* [232, с. 73]. В предложении они могут употребляться в конструкциях типа МГ + Infinitive и МГ + Perfect Infinitive. Но существует также группа немодальных полнозначных глаголов, которые в определённых контекстах могут функционировать в качестве модальных. Эту группу можно подразделить на маргинальные вспомогательные глаголы – это *ought to, need, dare* и *used to* [232, с. 73], (которые некоторые источники [315, 384] относят к полумодальным глаголам, другие же рассматривают модальный глагол *ought to* в качестве собственно модального [333, с. 6]; полумодальные / квазимодальные глаголы – *(had) better, have to, (have) got to, be supposed to, be going to* [232, с. 73], *be to, be allowed to, be willing to*; катенативные глаголы – *be able to, appear to, happen to, seem to*. В рамках данного исследования будут рассмотрены собственно МГ в их вторичной (эпистемической) функции, а также маргинальный вспомогательный глагол *ought to*.

К семантическим значениям МГ английского языка относятся значения возможности, способности, необходимости, предположения, сомнения, вероятности, запрета и другие. С семантической точки зрения, если говорить о МГ, выражающих степень знания и уверенности / неуверенности говорящего, мы имеем дело с маркерами ЭМ, в то время как значения разрешения, долженствования и способности выражаются маркерами корневой (деонтической) модальности. В отличие от своей первичной (корневой, деонтической) функции во вторичной (эпистемической) функции МГ указывают не только на соответствие пропозитивной основы высказывания объективной реальности, но также свидетельствуют о той степени ответственности, которую берёт на себя говорящий, квалифицируя предоставляемые сведения как достоверные / недостоверные. МГ в эпистемической функции передают субъективную точку зрения говорящего касательно сомнения или уверенности в достоверности пропозиции высказывания. В круг семантических значений МГ во вторичной функции входят вероятность, возможность, предположение. Деонтическая модальность имеет дело с действиями или событиями, контролируемыми

говорящим. МГ в своей первичной функции выражают долженствование, волеизъявление, разрешение и способность. Как отмечает Е. Свитсер, в предложениях, описывающих прошлое, МГ имеют тенденцию употребляться в своей вторичной (эпистемической) функции вследствие «замороженности» событий прошлого, утрате связи с реальным миром и невозможности обязать слушающего сделать что-то или дать ему разрешение на что-то. Напротив, в предложениях, описывающих будущее, МГ чаще используются в первичной (корневой, деонтической) функции, хотя эпистемическое прочтение также не исключается [323, с. 64].

Согласно А. Папафрагоу [300, с. 40], описательное соответствие может быть достигнуто только при учёте особенностей семантики и прагматики МГ. Говоря о разнообразии значений МГ (его «неопределённости»), Дж. Коутс (1983) вводит понятие расплывчатого множества (см. также Дж. Лич и Дж. Коутс (1980) [цит. по 300, с. 40]. «Неопределённость» значения обусловлена тем, что семантика МГ включает в себя семантическое ядро и периферию: например, ядерным значением МГ *can* является способность, а периферийным – возможность. Стоит отметить, что недостаточно рассматривать функционирование МГ в процессе речевого взаимодействия с опорой лишь на их семантику в отрыве от прагматики, включающей в себя, помимо прочих компонентов, вежливость, стиль общения и иллокутивную силу высказывания [300, с. 41]. Е. Свитсер утверждает, что полисемия часто мотивируется метафорическим отображением от конкретного, внешнего мира социально-физического опыта к абстрактному, внутреннему миру рассуждения и умственной деятельности в целом [323, с. 20]. При этом необходимо наличие эпистемической силы, «препятствия», в роли которых выступает умственная деятельность, не позволяющая прийти к определённому умозаключению во внутреннем мире [300, с. 60-64, 74].

Как отмечали многие лингвисты (Л. Карттунен (1972), Дж. Гронендик и М. Стокхоф (1975), Дж. Лайонз (1977), А. Кратцер (1991, 2002), А. Джианнакидоу (1999), Т. Вернер (2006), К. фон Финтель и С. Иатридоу (2009) и другие), пропозиция с введённым маркером ЭМ является слабее, чем пропозиция с

семантикой простой достоверности, утверждающей истинность или ложность определённого суждения, так как в ней говорящей абсолютно уверен в предоставляемой информации. На первый взгляд может показаться, что высказывание усиливается за счёт маркера ЭН, однако, как показывает ежедневное использование языка, это не соответствует действительности [284, с. 808], поскольку введение эпистемического маркера сигнализирует о том, что говорящий не располагает достаточными сведениями для формулирования пропозиции с семантикой простой достоверности. Аналогичную точку зрения высказывал ещё Л. Карттунен [270, с. 13], согласно которому косвенное знание, то есть знание, основанное на логическом выводе из имеющихся в наличии сведений, отличается меньшей степенью уверенности, чем «прямое» знание, которое не предполагает размышления. Таким образом, пропозиция с модальным маркером с семантикой необходимости слабее, чем пропозиция без модальных маркеров, при этом актуализация ЭН не подразумевает обязательной достоверности содержания высказывания [333, с. 8]: уверенность говорящего основывается на различных прямых и косвенных источниках информации, отличающихся степенью своей надёжности и достоверности.

В ходе изучения семантической наполненности анализируемых МГ в их вторичной (эпистемической) функции, были рассмотрены статьи из основных британских (Oxford Advanced Learner's Dictionary [390], Cambridge Advanced Learner's Dictionary [384], Collins English Dictionary [385], Longman Dictionary of Contemporary English [387], Macmillan Dictionary [388]) и американского (Merriam-Webster's Dictionary [389]) словарей.

Общим для дефиниций МГ *must* является указание на высокую степень вероятности воплощения в реальности чего-либо. Данное значение указывает на предположение, основанное на фактах, знаниях, обладающее высокой степенью вероятности, а потому, скорее всего, достоверное, и граничащее с уверенностью. Oxford Advanced Learner's Dictionary [390] содержит отсылку на то, что вероятность, достоверность чего-либо при употреблении МГ *must* основана на логических умозаключениях субъекта коммуникации относительно какого-либо

события или действия. В связи с этим рассматриваемое значение можно охарактеризовать как логико-эпистемическое, поскольку в большинстве случаев логические умозаключения базируются на полученных сведениях о каком-либо событии и зачастую опираются на личный опыт участника коммуникации. Рассматривая в своей работе МГ *must*, Ф. Р. Палмер отмечает, что он имеет некоторые характеристики маркера эвиденциальности. Вслед за Дж. Коутс (1983) Ф. Р. Палмер приходит к выводу, что уверенность в достоверности высказывания, которую выражает говорящий при помощи МГ *must*, основана на дедукции, исходящей из фактов и имеющихся данных, известных говорящему [295, с. 53].

Следует заметить, что существуют два варианта эпистемического значения для МГ *can / could*. В утвердительных предложениях МГ *can / could* функционирует для передачи семантики возможности, вероятности. Если же он функционирует в отрицательных предложениях, указанный МГ сигнализирует о невозможности или крайне низкой степени вероятности происхождения определённого события в объективной действительности, что основано на вере или уверенности говорящего. Рассмотренное значение может быть названо фидуциарно-эпистемическим, поскольку умозаключение формируется на основе веры, психического восприятия говорящим поступающей информации об объективной действительности.

Все словарные статьи, посвященные МГ *may / might*, указывают на возможность или вероятность того, что пропозиция высказывания соответствует реальному положению дел. Обозначим это значение как гипотетико-эпистемическое, так как теоретически существует возможность актуализации пропозиции высказывания в одном из возможных миров, но она маловероятна. Как отмечают Р. Хаддлстон и Дж. К. Пуллум [266, с. 182], используя МГ *may*, говорящий подразумевает, что он не знает, достоверна ли пропозиция высказывания, иначе была бы использована пропозиция с семантикой простой достоверности.

Несмотря на то, что МГ *shall* и *should* исторически являлись формами одного глагола, выражающего обязательство, на современном этапе развития

английского языка они рассматриваются как два абсолютно разных глагола, что иллюстрируют словарные дефиниции. МГ *shall* рассматривается в словарных статьях в качестве маркера уверенности в неизбежности реализации некоего события в будущем и в данном значении относится к книжному стилю. Напротив, большинство словарей в своих дефинициях МГ *should* предлагают выделить значение вероятности или ожидаемости в качестве критерия, согласно которому говорящий будет определять достоверность пропозиции высказывания. В то же время Macmillan Dictionary [388] содержит указание на то, что говорящий уверен в соответствии содержания высказывания объективной действительности в силу наличия у него серьёзных доказательств и причин. Говорящий формально выражает сомнение в достоверности определённого события, положения дел или действия, но в то же время уверен в этом. Внутренние сомнения определяются недостатком доказательной основы для выражения семантики простой достоверности. Поэтому несмотря на то, что по своей семантике МГ *should*, как и проанализированный ниже МГ *ought to*, сближается с МГ *must*, являясь его частичным синонимом, он в то же время эксплицирует значение предположения, основанного на фактах, и степень вероятности в данном случае снижена. Также в качестве отличия стоит отметить, что МГ *must* чаще встречается в контекстах, описывающих события прошедшего или настоящего времени, в то время как МГ *should* чаще всего имеет ориентацию на будущее время. В силу того, что в дефинициях несколько раз фигурирует лексема *expect*, обозначим значение данного МГ как ожидаемо-эпистемическое. Говорящий не может быть уверен в том, что текущие события в реальном мире будут гарантировать достоверность пропозиции. Он может лишь опираться на свои убеждения или веру в то, каким является нормальное / ожидаемое течение событий. Этим объясняется появление значений вероятности, ожидаемости, предсказания в дефинициях рассматриваемого МГ. В случае, если события развиваются согласно ожиданиям говорящего, можно утверждать, что пропозиция высказывания соответствует истине. Таким образом, МГ *should* используется, когда мы имеем дело с вероятностью, которая основана на ожидании актуализации верифицируемого

события в будущем; в случае с МГ *must* существует некая догадка, верифицируемая в настоящем при помощи прямых доказательств и сведений.

Как показывают словарные дефиниции, по своей семантике МГ *ought to* аналогичен проанализированному выше МГ *should* и указывает на достаточно высокую степень вероятности достоверности пропозиции, основанную на ожиданиях и мыслях говорящего.

МГ *would*, являясь маркером ЭВ, указывает на вероятность, возможность воплощения содержания высказывания в объективной действительности и используется для передачи сниженной субъективной уверенности говорящего в предоставляемых им фактах. Вместе с тем стоит отметить, что примеры, приведённые в словарных статьях, содержат некоторый негативный прагматический компонент значения, что можно трактовать как то, что при использовании данного МГ говорящий сомневается в соответствии высказывания положению дел в действительности. Значение вышеобозначенного МГ можно определить как ожидаемо-эпистемическое, по аналогии с МГ *should* и *ought to*. Также отметим, что в своей семантике гипотетичности МГ *would* сближается с МГ *should*. МГ *will* выражает уверенное предположение, тем не менее высказывание с семантикой простой достоверности будет сильнее, так как будет выражать то, что известно говорящему, факт. По своей эпистемической силе МГ *will* равнозначен МГ *must* и взаимозаменяем с ним в некоторых контекстах. МГ *must* передаёт заключение говорящего и обычно используется для объяснения, в то время как МГ *will* – для выражения предположения или ожидания, которое, скорее всего, подтвердится в будущем.

В своём труде «The Semantics of the Modal Auxiliaries» [239] Дж. Коутс приводит следующую семантическую карту эпистемических модальных значений: *must* – уверенный вывод (confident inference); *should* – предварительный вывод (tentative inference), гипотеза (hypothesis); *ought to* – предварительный вывод (tentative inference); *can* – корневая возможность (root possibility); *may* – ЭВ (epistemic possibility) > корневая возможность (root possibility); *might* – ЭВ (epistemic possibility) > корневая возможность (root possibility), гипотеза

(hypothesis); *could* – гипотеза (hypothesis); *would* – гипотеза (hypothesis) > предсказание, предположение (prediction); *will* – предсказание, предположение (prediction); *shall* – предсказание, предположение (prediction).

Как видно из данного диапазона значений, МГ *must* является самым сильным по степени уверенности, эксплицируемой говорящим относительно достоверности пропозиции высказывания и основанной на его логическом выводе, который построен в соответствии с располагаемыми сведениями. МГ *should* и *ought to* синонимичны друг другу по своей эпистемической семантике; МГ *may / might* является маркером ЭВ, в то время как МГ *shall, will / would* выражают предположение. Форма МГ *can – could* – является более слабой, выражая гипотезу в противовес высокой степени возможности, вероятности.

Расположив рассмотренные оттенки эпистемического значения в порядке снижения степени уверенности говорящего в достоверности пропозиции высказывания, получим следующее:

1) МГ *must* – высокая степень уверенности говорящего; вероятность, которая основана на предугадывании («предсказание» актуализации какого-либо положения дел, реализации событий объективной действительности в будущем), основанном на личном опыте говорящего, дедукции, основанной на доказательствах, и догадке, которая, напротив, выражает точку зрения, не подкреплённую доказательствами. В случае актуализации этого МГ высока вероятность того, что содержание пропозиции соответствует реальному положению дел;

2) МГ *can / could* в отрицательной форме – высокая степень уверенности говорящего; теоретическая или фактическая невозможность. Аналогично использованию МГ *must*, МГ *can* вводит информацию, скорее всего, соответствующую действительности в плане уверенности говорящего в невозможности, невероятности, неправдоподобности пропозиции. В случае сомнения в вероятности реализации какого-либо события, действия в объективной действительности МГ *can / could* выражает семантику возможности. При этом *could* выражает меньшую степень уверенности, чем *can* [249, с. 54].

3) МГ *will, shall* – высокая степень уверенности говорящего в том, что какое-либо событие актуализируется и будет достоверным в будущем.

4) МГ *should, ought to* – средняя степень уверенности говорящего, вывод, основанный на ожидаемости или вероятности реализации определённого события или положения дел в объективной действительности. МГ *should* имеет широкий спектр значений, эксплицируя как гипотетический, так и уверенный вывод (в этом значении наиболее близок семантике МГ *must*, являясь в некоторых случаях взаимозаменяемым с ним) говорящего о достоверности пропозиции. Р. Хаддлстон и Дж. К. Пуллум [266, с. 186] отмечают, что в контексте высказывания, относящегося к прошлому, практически невозможна эпистемическая интерпретация МГ *should* и *ought to*, которые в большинстве случаев будут иметь деонтическое значение;

5) МГ *may / might* – низкая степень уверенности говорящего; предположение, возможность или вероятность, которая, как и в случае актуализации в речи МГ *must*, основывается на предугадывании будущих событий, дедукции и догадке. Как отмечают К. фон Финтель и С. Иатридоу, в случае употребления МГ *must* уверенность говорящего формируется исходя из доступной информации, в то время как в случае с МГ *might* степень уверенности не противоречит доступной информации [333, с. 3];

6) МГ *would* – низкая степень уверенности говорящего; гипотеза, предположение.

В следующем пункте будут рассмотрены семантические особенности функционирования лексических маркеров выражения ЭМ в английском языке – МС.

1.4.2 Модальные слова

В отечественном языкознании идея выделения МС в качестве особой категории восходит к А. А. Потебне, согласно которому МС происходят из вводных предложений и занимают независимое положение среди других членов

предложения. Обозначение МС понятием вводные слова служило лишь внешним определением их места в связной речи, но не раскрывало их внутренней грамматической природы в современном языке [цит. по 50, с. 74]. Под МС академик В. В. Виноградов понимает такие слова, которые выражают точку зрения говорящего на отношение высказывания к действительности или «на выбор и функции отдельных выражений в составе речи» [49, с. 594] и функционируют в роли «модально-вводных членов предложения» [50, с. 67]. Использование МС как маркеров ЭМ указывает на желание коммуниканта убедить собеседника в истинности своего высказывания. Вслед за Н. И. Кондаковым под убеждением мы понимаем «твёрдую веру в истинность своих взглядов, непоколебимую уверенность в чём-либо, основанную на ясном сознании и глубоком понимании закономерностей объективной действительности и той роли, которую человек играет в коллективе и в общественном производстве» [378].

Несмотря на то, что природа МС получила освещение в трудах как отечественных, так и зарубежных лингвистов (Е. И. Беляевой, Е. М. Галкиной-Федорук, Ф. де Хаана, Я. Ньютса, Й. Буша, Г. Хельбига, У. Шпрангера, У. Энгеля и других), до сих пор нет единой точки зрения по частеречному статусу МС. В разных источниках можно найти различные подходы к определению данного класса слов. Их относят к МС (modal words) [49, с. 594; 85, с. 164; 98, с. 198], модальным наречиям (modal adverbs) [243, с. 18; 266, с. 102; 274, с. 4; 295, с. 67; 303, с. 14; 308, с. 233; 316, с. 1; 321, с. 1; 341, с. 1], эпистемическим наречиям (epistemic adverbs) [291, с. 448], вводным словам (parenthetic words) [71, с. 45], наречиям, модифицирующим предложение (sentence adverbs) [246, с. 201; 271, с. 69; 294, с. 55; 321, с. 1], дизъюнктам, квалифицирующим содержание пропозиции (content disjuncts) [307, с. 620], операторам вероятности (probability operators) [344, с. 916], позициональным наречиям (stance adverbials) [232, с. 131]. Несложно заметить, что в зарубежной лингвистике традиционно принято определять данный класс слов как модальные наречия, в то время как в отечественном языкознании их принято называть МС. Б. А. Ильиш в качестве характеристик, отличающих МС

от наречий, выделяет следующие: 1) значение: МС выражают отношение говорящего к реальности действия, мысли, выраженной в высказывании в целом; 2) синтаксическая функция: МС являются не обстоятельствами, а вводными членами предложения [85, с. 164]. Что касается синтаксического признака, следует заметить, что МС в предложении стоят обособленно, не входят в состав отдельно взятой синтаксической группы (могут относиться к слову, к фразе, к части сложного предложения или ко всему предложению в целом) и выполняют функцию вводного члена предложения (иногда слова-предложения в случае ответа на общий вопрос), тем самым не неся рематической нагрузки и выступая лишь как средства описательного выражения модальной рамки. Наличие двух компонентов – семантического и синтаксического – позволяет сделать обоснованный вывод о возможности выделения МС в самостоятельную часть речи. Вслед за Р. Бартш и Т. Своном А.-М. Симон-Ванденберген и К. Аймер отмечают, что модальные наречия имеют два значения: эмотивное (обозначают степень уверенности говорящего) и перформативное (функционируют как акт заверения / убеждения говорящим слушающего) [316, с. 64].

С семантической точки зрения все МС могут быть объединены общностью значения субъективного отношения говорящего к пропозиции в плоскости:

– уверенности / отсутствия сомнения: *certainly, of course, sure, surely, absolutely, no doubt, really, indeed, naturally, exactly, undoubtedly, actually, in fact, decidedly, definitely, necessarily, admittedly, assuredly, avowedly, incontestably, incontrovertibly indisputably, indubitably, unarguably, undeniably, unquestionably;*

– предположения: *perhaps, maybe, probably, possibly, evidently, obviously* (вслед за Р. Квирком и другими, мы относим *evidently* и *obviously* к наречиям убеждения, уверенности [307, с. 620]), *apparently, presumably, (most / quite / very) likely, most probably, allegedly, arguably, conceivably, doubtless, purportedly, reportedly, reputedly, seemingly, supposedly;*

– желательности / нежелательности: *luckily / unluckily, fortunately / unfortunately, happily / unhappily* [85, с. 164; 98, с. 198–199; 307, с. 620].

Последнюю группу Р. Квирк и другие рассматривают в числе наречий, выражающих оценку или отношение к тому, что сказано, и наряду с ней рассматривают наречия, выражающие правильность / неправильность (*correctly, incorrectly, justly, unjustly, rightly, wrongly*), мудрость (*artfully, cleverly, cunningly, foolishly, prudently, reasonably, sensibly, shrewdly, unreasonably, wisely, unwisely*), странность / неожиданность (*amazingly, astonishingly, curiously, funnily, incredibly, ironically, oddly, remarkably, strangely, suspiciously, unexpectedly*), удовлетворённость / неудовлетворённость (*annoyingly, delightfully, disappointingly, disturbingly, pleasingly, refreshingly, regrettably*) и другие [307, с. 621–622].

С другой стороны, Д. Байбер и другие [232, с. 854–856] в дополнение к предложенной выше классификации в числе эпистемических наречий (МС) выделяют всего 6 разновидностей значений:

1) уверенность / сомнение: МС выражают как абсолютную уверенность говорящего, так и веру с различной степенью вероятности (*no doubt, undoubtedly, certainly, perhaps, probably, maybe, arguably, decidedly, definitely, incontestably, incontrovertibly, most likely, very likely, quite likely, of course*);

2) актуальность и реальность: МС комментируют статус суждения как соответствующего реальным фактам (*in fact, really, actually, in actual fact, for a fact, truly*);

3) источник знаний: МС используются, чтобы показать, что пропозиция основана на каких-либо доказательствах без указания конкретного источника сведений (*evidently, apparently, reportedly, reputedly*) или с отсылкой на конкретный источник (*according to ..., as ... notes*);

4) ограничение пропозиции (*mainly, typically, generally, largely, in general, in most cases*);

5) точка зрения: эпистемические модальные маркеры указывают на точку зрения, с которой пропозиция является достоверной (*in ... view, in ... opinion, from ... perspective*);

6) неточность пропозиции (*like, about, kind of, sort of, roughly, so to speak, if you can call it that*).

А.-М. Симон-Ванденберген и К. Аймер, анализируя модальные наречия со значением уверенности, выделяют следующие семантические подгруппы:

1) эпистемические наречия, которые выражают высокую степень уверенности говорящего в достоверности пропозиции (*certainly, definitely, undoubtedly, no doubt, indeed, surely, decidedly, for sure, for certain, assuredly, indubitably*);

2) эвиденциальные наречия, которые выражают уверенность, основанную на индукции из имеющихся сведений и доказательств (*obviously, clearly, plainly, evidently, manifestly, patently*);

3) наречия, выражающие ожидание: уверенность говорящего основана на том, что положение дел будет соответствовать ожиданиям (*of course, naturally, inevitably, necessarily*);

4) наречия, относящиеся к речевым актам, которые эксплицитно выражают уверенность посредством сопоставления точки зрения говорящего с альтернативными точками зрения, которые могут либо совпадать, либо нет (*avowedly, admittedly, arguably, incontestably, indisputably, unarguably, undeniably, unquestionably, incontrovertibly*) [316, с. 84].

Между тем ряд зарубежных лингвистов (У. Чейф (1986), Д. Байбер, Э. Финеган (1999), Г. Б. Друбиг (2001), Ф. де Хаан (2006) и другие) относит модальные наречия *apparently, obviously, presumably, evidently* к маркерам эвиденциальности. Наречия *seemingly, apparently, clearly* Я. Ньютс, наречие *evidently* Г. Радден и Р. Дирвен [308, с. 236] относят к маркерам эвиденциальности, нежели ЭМ, а наречие *presumably*, согласно Я. Ньютсу, принадлежит обеим категориям [294, с. 55–57].

МС могут выполнять две основные, противоположные по значению функции:

1) проявление вежливости и солидарности: МС используются для «выравнивания» точек зрения и для выделения общей точки зрения со слушающим, а не для того, чтобы противопоставить точки зрения говорящего и слушающего. Признаётся существование аргументов слушающего, в то же время

предотвращаются возможные разногласия между собеседниками за счёт предсказания возможных контраргументов;

2) демонстрация власти и авторитета: МС сигнализируют о желании говорящего навязать свою точку зрения слушающему, убедить его в том, что предоставляемая говорящим информация является достоверной и не должна быть подвергнута сомнению со стороны слушающего.

С точки зрения Э. Пик и Г. Фурманиака, мнение которых мы разделяем, МС могут быть использованы для выражения предположения; смягчения прямолинейности высказывания, где выражение сомнения вторично; уступки (говорящий признаёт достоверность или возможность пропозиции, но считает это иррелевантным положению дел в объективной действительности); приблизительной оценки достоверности высказывания; межличностного взаимодействия (говорящий предусматривает возможную реакцию или ожидания слушающего на то, что было сказано); подстраивания / приспособления (в этом значении МС предшествует союз *or*, который вводит альтернативное и лучшее понятие для описания ситуации в пропозиции высказывания); вымысла; теоретической возможности актуализации положения дел, описанного в пропозиции высказывания, без указания на степень его вероятности; ЭВ; усиления в комбинации с МГ *can / could* [303, с. 26–28].

Эпистемические модальные наречия изменяют весь речевой акт, следовательно, охватывают всю пропозицию. Среди характеристик модальных наречий по сравнению с модальными прилагательными Л. Вулф, А. Коэн и А. Симчон отмечают ориентированность наречий на личность говорящего, то есть высказывание, содержащее модальные наречия, выражает суждение самого говорящего; с ними сложно образовать отрицательные или вопросительные конструкции (*Impossibly / Not possibly, Improbably / Not probably, Uncertainly / Not certainly John will come. Will John possibly / probably / certainly come?*); они не используются в качестве антецедента в условных предложениях [341, с. 2–3]; они не могут подстраиваться под время (*The socialists possibly / probably / certainly won the elections* – в этом примере невозможна трактовка, что в прошлом была

возможность / вероятность / уверенность, что социалисты победили на выборах; правильным прочтением будет то, что в настоящем есть возможность / вероятность / уверенность, что в прошлом социалисты победили на выборах) [342, с. 6]; модальные наречия могут заменять утвердительный ответ на общий вопрос (Did the socialists win the elections? a. Yes / No. b. Probably, Possibly, Evidently, Certainly, Undoubtedly. c. #It's probable, It's possible, It's evident, It's certain, It's undoubted) [305, с. 5]; их способность использоваться без какого-либо пропозиционального материала предполагает, что в них есть компоненты силы утверждения [341, с. 21].

Рассуждая о наречиях с эпистемической семантикой, Я. Ньютс располагает наречие *certainly* и его синонимичные варианты *undoubtedly* и *surely* на положительном конце шкалы значений, как выражающие высокую степень уверенности говорящего, *possibly* и его альтернативные формы *maybe* и *perhaps* – посередине, на нейтральной границе между положительным и отрицательным значениями, *probably* и его альтернативный вариант *likely* – между нейтральной и положительной отметкой. По мнению лингвиста, незначительная разница между альтернативными формами заключается в силе эпистемической оценки: *maybe* немного сильнее, чем *possibly*, или же имеют место региональные / стилистические вариации (как в случае с наречиями *certainly*, *undoubtedly* и *surely* или *maybe* и *perhaps*) [294, с. 55-56]. Аналогичной точки зрения придерживаются Л. Вулф, А. Коэн и А. Симчон, отмечая, что степень уверенности говорящего при использовании модального наречия $possibly \geq 0$, наречия $probably \geq 0,5$, наречия $certainly = 1$ [341, с. 8]. Э. Пик и Г. Фурманиак, анализируя в своей статье функционирование наречий вероятности *perhaps*, *maybe* и *possibly*, приходят к выводу о том, что в данных наречиях отсутствует эвиденциальный компонент значения. В то время как МГ *must*, *may / might* имеют в себе эвиденциальный компонент, поскольку они указывают, что догадка говорящего основана на некоторых имеющихся доказательствах, модальные наречия основаны на неожиданной догадке, возникшей внезапно гипотезе без указания на то, что модальная оценка опирается на какие-либо доказательства [303, с. 35–36].

Употребление МС *perhaps, maybe* в начальной позиции придаёт пропозиции высказывания гипотетический характер, где предположение не подтверждается никакими доказательствами, а внезапно возникает у говорящего, который стремится объяснить какой-то факт читателю [303, с. 41]. Модальное наречие *surely* используется с намерением убеждения и предполагает согласие с точкой зрения говорящего. Эпистемическое наречие *certainly* выражает сильную уверенность говорящего, но не предполагает рассуждения, основанного на каких-либо доказательствах [266, с. 207].

По замечанию Р. Хаддлстона и Дж. К. Пуллума [266, с. 182, 207], МГ *must, may* и *should* гармонично сочетаются соответственно с модальными наречиями сходного значения *surely / necessarily, perhaps / possibly* и *probably*. В таких высказываниях оба модальных элемента служат для усиления друг друга: *It must surely be valid. He may perhaps have left already. It should probably be in the desk drawer.*

Таким образом, эпистемическая семантика МС иррадируется на всё высказывание, охватывая всю пропозицию и позволяя оценивать её в плоскости уверенности / неуверенности говорящего в её достоверности. Высокую степень уверенности передают МС *certainly, of course, surely, undoubtedly*, среднюю степень уверенности – *probably, likely* и низкую степень уверенности – *possibly, maybe, perhaps* и другие. Как было отмечено ранее, основанием для формирования мнения говорящего о достоверности пропозиции могут выступать выводные знания, поэтому необходимо подчеркнуть неразрывную связь ЭМ и эвиденциальности, рассмотрению которой посвящён следующий параграф настоящего исследования.

1.5 О соотношении эпистемической модальности и эвиденциальности

С ЭМ связано другое явление – эвиденциальность (в отечественном языкознании также известная, как засвидетельствованность, пересказывательность, очевидность), изучению которой в отечественной

лингвистике дал толчок выход в свет работы Р. О. Якобсона «Shifters, Verbal Categories, and the Russian Verb» (1957), в которой эвиденциальность рассматривается лингвистом как грамматическая категория, основанная на событиях трёх видов: рассказанное событие (narrated event), речевое событие (speech event) и рассказанное речевое событие (narrated speech event) [268]. Информативной базой высказывания могут выступать чьё-либо сообщение, сновидение / мечты, предположение, догадка или предшествующий опыт говорящего. По справедливому замечанию А. Мустайоки, в случаях экспликации эвиденциальности говорящим высказываются одновременно факт и сомнение в достоверности информации, потому что она получена «из вторых рук» [129, с. 289]. Говоря о категории эвиденциальности, стоит отметить, что существуют различные мнения относительно классификации источника информации. Некоторые лингвисты выделяют лишь информацию, полученную говорящим от кого-то ещё; другие разграничивают сведения «из первых рук» (firsthand) и «не из первых рук» (nonfirsthand); существуют классификации, основанные на данных, получаемых органами чувств.

Согласно Т. Гивону, в сферу ЭМ входят следующие значения: очевидная истина (правда) / предположение; фактическая истина / утверждение реалис; возможная истина / утверждение ирреалис; неправда / отрицательное утверждение [257, с. 301]. С точки зрения лингвиста, явление эвиденциальности в определённой степени перекрывает ЭМ. Связь между двумя понятиями схематически можно представить следующим образом: эвиденциальный источник > эвиденциальная сила > эпистемическая уверенность [257, с. 326].

Существуют две основные точки зрения на соотношение категорий ЭМ и эвиденциальности:

1. Узкий подход к пониманию двух рассматриваемых категорий: эвиденциальность и ЭМ качественно отличаются и не зависят друг от друга. В данном случае средства выражения эвиденциальности выступают в роли языковых маркеров, которые указывают на тип полученных сведений или источник информации. К приверженцам узкого подхода относятся Ф. де Хаан

(2001), Г. Лазард (2001), А. Айхенвальд (2005, 2007) и другие. В защиту данной точки зрения А. Айхенвальд заявляет, что лингвистическая категория эвиденциальности демонстрирует, как была получена информация, и лишь факультативно может содержать указания на степень уверенности говорящего в достоверности пропозиции высказывания [229, с. 3]. В рамках данного подхода в своём труде П. Портнер выделяет два полярных взгляда:

1) эвиденциальность выступает видом перформативности (М. Фаллер (2002, 2006);

2) эвиденциальность связана с категориями времени, аспекта и дейксиса (К.-С. Чанг (2007) [306, с. 259]. У. Фроли [254] определяет эвиденциальность как модальный дейксис, в то время как Ф. де Хаан (2001) называет эвиденциальность чисто дейктической, немодальной категорией. С выделением эвиденциальности в качестве субкатегории модальности или времени также категорически не согласна А. Айхенвальд, рассматривающая её в качестве самостоятельной грамматической категории [228].

2. При широком подходе эвиденциальность рассматривается в качестве составляющей ЭМ, её подвид, что видим из следующего определения, предлагаемого лингвистическим онлайн-справочником «Glossary of linguistic terms»: ЭМ – модальность, которая сигнализирует о степени уверенности говорящего и о том количестве сведений, которые необходимы ему для экспликации пропозиции высказывания. Эвиденциальность – это ЭМ, которая представляет собой оценку говорящим располагаемых им сведений [386]. С этой точки зрения средства выражения эвиденциальности рассматриваются как лингвистические маркеры, которые указывают на тип информации через призму степени её надёжности, вероятности или достоверности. Сторонниками широкого подхода являются Дж. Байби (1985, 1994), Ф. Р. Палмер (1986), Т. Уиллет (1988), Э. Гаррет (2001), Э. Ифантидоу (2001), Л. Мэтьюсон, Г. Дэвис, Х. Рулман (2007), Э. МакКриди и Н. Огата (2007), Т. Петерсон (2010) и другие. Однако позднее Ф. Р. Палмер (2001) уже разделяет ЭМ и эвиденциальность, рассматривая обе лингвистические категории как подвиды пропозициональной модальности.

Можно также выделить другую точку зрения, являющуюся симбиозом двух предшествующих: несмотря на то, что эвиденциальность указывает на тип источника информации, а ЭМ является отражением степени уверенности говорящего в достоверности пропозиции высказывания и возможности актуализации информации в одном из возможных миров, именно источник информации во многих случаях оказывает прямое влияние на уверенность говорящего. При такой трактовке можно сделать вывод, что эвиденциальность, не являясь подвидом ЭМ, в то же время имеет с ней точки соприкосновения и в определённых ситуациях данные категории могут накладываться друг на друга (Дж. Рурик (2001), К. фон Финтель и Э. Джиллис (2006, 2007), К. Дэвис, К. Потс, М. Спиз (2007). К. фон Финтель и Э. Джиллис приходят к выводу, что средства выражения ЭМ сигнализируют о наличии косвенного вывода или дедукции, а не непосредственного наблюдения, из чего следует, что они включают в себя своего рода семантический компонент эвиденциальности [329, с. 38–39]. Как заметил ещё Ф. Кифер, в случае актуализации ЭМ говорящий делает определённые выводы относительно обоснованности данного высказывания на основе того, что он знает [271, с. 59], следовательно, нельзя рассматривать категории эвиденциальности и ЭМ независимо друг от друга.

В каждом языке есть способы указания на источник получения информации, но не каждый язык располагает грамматическими средствами его выражения; таким образом, можно говорить о том, что несмотря на то, что категории эвиденциальности и ЭМ представлены во всех языках, ЭМ располагает более широким спектром лингвистических средств своего выражения. При этом не всегда можно чётко отличить, несут ли языковые средства эвиденциальную или эпистемическую семантическую нагрузку; в таких случаях необходимо опираться на широкий коммуникативный контекст, то есть принимать во внимание прагматический фактор.

Подводя итог вышеизложенного, можно сделать вывод, что ЭМ и эвиденциальность не следует изучать в отрыве друг от друга как абсолютно несвязанные лингвистические категории. В большинстве коммуникативных

ситуаций степень ответственности, которую берёт на себя говорящий в связи с оценкой пропозиции высказывания как достоверной, зависит от наличия у него сведений, полученных посредством третьих лиц или чувственного восприятия, что позволяет рассматривать эвиденциальность как подвид ЭМ. Следовательно, при рассмотрении контекстных реализаций эпистемической модальной семантики в следующих главах в ситуациях, в которых будет анализироваться источник сведений говорящего, в сущности будет подразумеваться эвиденциальный компонент семантики. Как верно отметили К. фон Финтель и С. Иатридоу, все эпистемические модальные маркеры несут в себе эвиденциальный сигнал [333, с. 13].

Выводы по главе 1

Первая глава посвящена рассмотрению теоретических вопросов, связанных с понятием модальности в целом и ЭМ в частности, её связью с эвиденциальностью, а также семантических особенностей средств выражения ЭМ в английском языке.

Изначально модальность рассматривалась в рамках философии и логики перипатетиками, в числе которых можно упомянуть Аристотеля, Платона, Сократа, Теофраста, Евдема Родосского и других. Изучение модальности продолжалось в средние века и в Новое время, где раскрытию сущности понятия модальности посвящены труды И. Канта, который в качестве основных модальных значений выделял возможность и невозможность, существование и несуществование, необходимость и случайность [117, с. 277–278].

В настоящее время в модальной логике выделяются следующие основные типы модальности: ассерторическая, аподиктическая, алетическая, деонтическая, каузальная и аксиологическая модальности, при этом первые четыре типа традиционно относятся к объективной модальности. Наряду с указанными типами модальности выделяются ЭМ, темпоральная, булетическая модальности и другие, которые философы и логики относят к субъективной модальности.

Отсутствие общепринятой точки зрения на категорию модальности в лингвистике обусловлено многокомпонентностью и сложностью её структуры. Среди отечественных и зарубежных лингвистов, посвятивших свои труды изучению модальности, можно отметить В. В. Виноградова, А. В. Бондарко, В. З. Панфилова, Е. И. Беляеву, а также Ш. Балли, Дж. Лайонза, Ф. Р. Палмера, М. Халлидея, Я. Ньютса, Т. Гивона, Ф. де Хаана, К. Хенгевельда и многих других. В рамках широкого подхода категория модальности трактуется как выражение отношения говорящего к содержанию высказывания и отношения содержания высказывания к действительности. Вместе с тем конкретизация рассматриваемого понятия приводит к тому, что модальность может выступать как функционально-семантическая и семантико-прагматическая, семантико-синтаксическая, синтаксическая, грамматическая, логическая категория и так далее. В рамках настоящего исследования под модальностью будет пониматься коммуникативно-прагматическая категория, которая выступает в тесном взаимодействии с категорией субъективности и отражает отношение говорящего к действительности и к содержанию высказывания.

В то время как в зарубежной лингвистике популярность получила идея разграничения ЭМ, деонтической и динамической модальностей (Й. ван дер Аувера, Ф. де Хаан, Дж. Лайонз, Я. Ньютс, Ф. Р. Палмер, У. Фроли, Р. Хаддлстон), в отечественном языкознании принято выделять объективную и субъективную модальность (И. М. Кобозева, М. А. Кронгауз, В. З. Панфилов, Д. А. Парамонов, Н. Ю. Шведова и другие). Однако некоторые лингвисты (А. П. Бабушкин, А. В. Бондарко, Т. И. Дешериева, Г. В. Колшанский, Т. И. Краснова, Т. А. Сергунина, Р. Г. Шишкина) указывают на условность данного разграничения, поскольку коммуниканты выражают своё субъективное отношение к пропозиции высказывания, таким образом, их личность всегда накладывает отпечаток на выбор языковых средств выражения модальности. Область основных модальных значений может как расширяться за счёт включения коммуникативной целеустановки, качественной оценки, эмоционально-экспрессивной оценки, так и сужаться за счёт выделения и концентрации на превалирующем значении.

ЭМ (в различных источниках имеющая синонимические обозначения модальности достоверности, модальности истинности, модальности предположения, персуазивной модальности, внешней субъективной модальности, модализации), выступающая объектом данного исследования, представляет собой коммуникативно-прагматическую категорию, которая отражает степень соответствия пропозиции высказывания действительности, степень уверенности / неуверенности говорящего в том, что предоставляемые им сведения являются достоверными. Среди отечественных и зарубежных лингвистов, посвятивших свои труды изучению ЭМ, можно отметить Е. И. Беляеву, В. Н. Бондаренко, А. В. Бондарко, В. З. Панфилова, В. А. Плунгяна, И. Б. Шатуновского, А. Айхенвальд, Дж. Байби, Р. Перкинса и У. Пальюку, Й. ван дер Ауверу, Ф. Кифера, Я. Ньютса, Ф. Р. Палмера, Дж. Саида, Е. Свитсер, Ф. де Хаана и других.

Наиболее регулярными средствами выражения ЭМ являются МГ и МС. К собственно МГ, которые будут рассмотрены в настоящем исследовании, относятся *must, can / could, may / might, shall / should, will / would*, а также МГ *ought to*, который разные источники причисляют как к собственно модальным, так и к маргинальным вспомогательным или полумодальным глаголам. Маркерами ЭН выступают МГ *must, cannot / could not, shall, will*, ЭВ – *can, could, may / might, should, would, ought to*. Семантически наиболее сильным является МГ *must*, выражающий высокую степень уверенности говорящего в достоверности пропозиции высказывания, основанную на выводном знании, доказательствах, догадке или предугадывании; наиболее слабыми – *may / might, would*, указывающие на низкую степень уверенности говорящего, незначительную возможность, вероятность соответствия пропозиции высказывания действительности. Сходные по своей семантике МГ *should* и *ought to* находятся по середине шкалы уверенности говорящего и выражают вывод, основанный на предположении, гипотезе.

Другими основными языковыми средствами выражения ЭМ являются МС, которые в разных источниках трактуются также как модальные наречия, эпистемические наречия, вводные слова, наречия, модифицирующие

предложение, дизъюнкты, квалифицирующие содержание пропозиции, операторы вероятности, позициональные наречия. Наличие семантического и синтаксического признака позволяет выделить МС в самостоятельную часть речи.

С семантической точки зрения Б. А. Ильиш, Н. А. Кобрина, Р. Квирк и другие выделяют три группы МС, выражающих уверенность / отсутствие сомнения, предположение, желательность / нежелательность. В то же время Д. Байбер и другие в числе значений МС указывают на наличие значений уверенности / сомнения, актуальности и реальности, источника знаний, ограничения пропозиции, точки зрения, неточности пропозиции. Согласно А.-М. Симон-Ванденберген и К. Аймер, МС, выражающие уверенность, в свою очередь распадаются на несколько семантических групп: высокая степень уверенности говорящего; уверенность, основанная на индукции из имеющихся сведений и доказательств; уверенность, основанная на том, что положение дел будет соответствовать ожиданиям; уверенность говорящего в собственной точке зрения.

С понятием ЭМ тесно связано понятие эвиденциальности, которое имеет дело со сведениями, полученными из различных источников информации, которыми оперирует говорящий в процессе реализации высказывания. Существует три подхода к рассмотрению взаимосвязи данных категорий: узкий, в рамках которого ЭМ и эвиденциальность рассматриваются как качественно различные и несвязанные категории; широкий, который включает эвиденциальность в состав ЭМ; и смешанный, в рамках которого лингвисты отмечают, что эвиденциальность, не являясь подвидом ЭМ, в то же время с ней взаимосвязана, и в определённых ситуациях данные категории могут накладываться друг на друга.

Следующая глава настоящего исследования посвящена анализу коммуникативно-прагматических особенностей выражения эпистемической модальности в рамках коммуникативной ситуации, составляющими элементами которой являются личности коммуникантов и их коммуникативная интенция.

Глава 2. Коммуникативно-прагматические особенности выражения эпистемической модальности в рамках коммуникативной ситуации

2.1 Вводные замечания

Первостепенное положение диалога по отношению к монологу подчёркивают многие лингвисты (В. В. Виноградов, Р. Клёпфер, Е. В. Падучева, К. А. Филиппов, вслед за Л. В. Щербой и Л. П. Якубинским, и другие), указывая на его естественность и то, что именно в диалоге язык реализует свою основную коммуникативную функцию. Рассуждая о коммуникативной функции высказывания, Е. В. Милосердова указывает, что она рассматривается как одна из основных составляющих категории модальности, помогающих раскрыть намерение говорящего [122, с. 7]. Реализации коммуникативной функции высказывания способствует использование языковых единиц, и каждая группа, будь то лексические или лексико-грамматические единицы, выполняет коммуникативно-прагматические функции, указывающие на определённую прагматическую ориентацию высказывания, к числу основополагающих компонентов которой относятся информация о личности коммуникантов, их межличностных отношениях, социальном и психологическом статусе, интенции, мотивы общения и так далее [122, с. 12].

В понимании Г. П. Грайса диалог представляет собой совместную деятельность коммуникантов, которые в какой-то степени признают наличие общей цели или хотя бы «направления» диалога [133, с. 221–222]. Перед началом коммуникативного взаимодействия каждый из участников продумывает стратегию своего коммуникативного поведения, которая может неоднократно меняться в ходе развёртывания диалога в зависимости от реакции собеседника. Следует принять во внимание тот факт, что в распоряжении участников общения находится широкое разнообразие лингвистических и паралингвистических средств выражения уверенности или неуверенности (сомнения), оперируя которыми коммуниканты способны коренным образом менять направление

общения. В случае искажения говорящим достоверности информации в силу объективных или субъективных причин становится затруднительной, а иногда и невозможной интерпретация содержательной стороны высказывания слушающим, следовательно, ставится под угрозу достижение взаимопонимания между собеседниками. По этому поводу Н. Н. Панченко высказывается мысль, что предоставление достоверной информации возможно при реализации, по меньшей мере, одного из трёх условий: искренности, истинности и доверия. Данные условия взаимодействуют между собой и коррелируют с компонентами прагматической структуры дискурса: условие искренности соотносится с намерением говорящего быть правдивым, условие доверия слушателя к информации, предоставляемой говорящим, – с потенциалом восприятия, условие истинности – с отражаемой в речи действительностью [144, с. 79]. В следующих параграфах будут освещены вопросы, связанные с ситуацией речевого взаимодействия, личностью участников коммуникативного взаимодействия и их коммуникативной целеустановкой.

2.2 Коммуникативно-прагматический потенциал ситуации речевого взаимодействия и типы коммуникативных ситуаций

Согласно Н. Д. Арутюновой, прагматика изучает вопросы, связанные с говорящим, слушающим, их взаимодействием в коммуникации, ситуацией общения [14, с. 390]. При этом учёным предлагается дальнейшая конкретизация вопросов, которые могут быть рассмотрены при изучении прагматического компонента речевого взаимодействия. Так, в связи с субъектом речи изучаются: 1) цели высказывания (это соответствует термину «иллокутивные силы» в теории речевых актов Дж. Остина); 2) речевая тактика и типы речевого поведения; 3) правила разговора в соответствии с принципом сотрудничества; 4) установка говорящего (прагматическое значение высказывания); 5) референция говорящего; 6) прагматические пресуппозиции; 7) отношение говорящего к тому, что он сообщает: а) оценка содержания высказывания, б) введение в фокус интереса

одного из тех лиц, о которых говорящий ведёт речь, или эмпатия, в) построение высказывания в зависимости от того, чему в сообщении придаётся наибольшее значение. В связи с адресатом речи изучаются: 1) интерпретация речи; 2) воздействие высказывания на адресата (что соответствует понятию перлокутивный эффект в теории речевых актов Дж. Остина); 3) типы речевого реагирования на полученный стимул. В числе прагматических вопросов, изучаемых в связи с отношениями между коммуникантами, выделяют следующие: 1) формы речевого общения; 2) социально-этикетная сторона речи; 3) соотношение между коммуникантами в тех или иных речевых актах. И, наконец, в связи с ситуацией общения важным является рассмотрение такого комплекса вопросов, как: 1) интерпретация дейктических знаков, а также индексальных компонентов в значении слов; 2) влияние речевой ситуации на тематику и формы коммуникации.

Стоит отметить, что в процессе развёртывания диалога основная коммуникативная нагрузка лежит не только на говорящем. По справедливому замечанию М. М. Бахтина, нельзя рассматривать роль слушающего лишь как участника общения, пассивно воспринимающего высказывание говорящего [26, с. 245]. Сходной точки зрения придерживается Н. Д. Арутюнова, указывая на особое положение адресата речевого высказывания как лица, в зависимости от которого коммуникация принимает ту или иную направленность [17, с. 358]. Именно корректное понимание слушающим входящей реплики определяет воплощение в реальности иллокутивного замысла говорящего. Несмотря на возможность пассивного восприятия слушающим высказывания собеседника (это может наблюдаться, когда слушающий не заинтересован либо в общении с говорящим, либо в получаемой информации), в большинстве случаев происходит анализ, интерпретация полученных сведений, с последующей ответной репликой, содержащей определённую реакцию.

Говорящий и слушающий являются активными участниками речевого взаимодействия, в котором в результате обмена репликами в ходе актуализации диалога происходит постоянная смена ролей. М. Ю. Олешков так описывает этот

процесс: для поддержания коммуникативного баланса в ходе коммуникации собеседники, меняясь ролями, взаимодействуют друг с другом, контролируют параметры коммуникативной ситуации и в зависимости от происходящих в ней изменений проявляют свою реакцию [138, с. 16].

Понимание высказывания «зависит от контекста в самом широком смысле слова», в качестве основных компонентов которого можно выделить речевую ситуацию, фонд знаний коммуникантов, их цели и стратегии поведения [109, с. 301–302]. Вслед за Н. И. Формановской под коммуникативной ситуацией мы будем понимать «сложный комплекс внешних условий общения и внутренних состояний общающихся, представленных в речевом произведении – высказывании, дискурсе» [200, с. 42]. Вместе с тем А. Мустайоки обращает внимание на то, что ситуация имеет лишь косвенное отношение к тому, что говорящий хочет выразить, поскольку он всегда ограничивает и толкует ситуацию, учитывая свои коммуникативные потребности [129, с. 26]. Иными словами, коммуниканты накладывают отпечаток субъективности на высказывание, так как в процессе речевого взаимодействия происходит не только элементарный обмен репликами, отмеченными информационной нагрузкой: говорящий посредством своего высказывания эксплицирует своё отношение к положению дел, явлениям реальной действительности. Таким образом, индивидуально-личностные характеристики самих коммуникантов, время и место общения оказывают непосредственное влияние на интерпретацию языковых единиц при произнесении и восприятии пропозиции высказывания, при этом указанные критерии постоянно меняются.

Схематичное представление структуры коммуникативной ситуации представлено в работе П. Браун и К. Фрейзера (1979), в которой в целом выделяются обстановка (обстоятельства общения), участники речевого взаимодействия и их межличностные взаимоотношения, а также их иллокутивные намерения и конечная цель коммуникации – желаемый перлокутивный эффект [233, с. 34–35]. Данные положения основаны на утверждении Дж. Фишмана (1972) о том, что коммуникативная ситуация представляет собой интеракцию

двух или более собеседников, которые связаны между собой определённым способом, общаются на определённую тематику и при определённых обстоятельствах [253, с. 48]. Более детально указанную схему можно описать следующим образом: коммуникативная ситуация представляет собой совокупность обстоятельств и участников общения. Далее обстоятельства подразделяются на обстановку (сюда относятся пространственно-временные характеристики и свидетели, пассивные участники коммуникации) и цели (тип деятельности и тематика общения). В свою очередь участники общения являются симбиозом индивидуальных участников и отношений (межличностных и ролевых) между ними. Индивидуальные участники могут быть подразделены на два вида: это индивиды, которые являются обладателями постоянных и переменных качеств, а также индивиды как представители определённой социальной общности [233, с. 35].

Отправной точкой возникновения коммуникативной ситуации с семантикой ЭМ является интенция говорящего сообщить собеседнику сведения о положении дел в объективной действительности с выражением степени своей уверенности в достоверности предоставляемой информации. Говорящий может быть абсолютно уверен в достоверности сведений (ЭН) либо может выразить сомнение, неуверенность (ЭВ). Таким образом, актуализация коммуникативной ситуации невозможна без первоначального воплощения в реальности иллокутивного намерения коммуникантов. Благодаря эксплицируемым репликам становится возможным понимание того уровня межличностного взаимодействия, который репрезентируют участники коммуникации.

Исходя из вышеизложенного, в качестве компонентов коммуникативной ситуации можно выделить самих коммуникантов, их коммуникативные намерения и цель общения, темпорально-пространственный параметр, определяющие выбор языковых средств выражения ЭМ.

Иллокутивное намерение говорящего оказывает большое влияние на выбор эпистемических модальных маркеров. Как отмечает А. Ж. Греймас, коммуникация представляет собой действие, в процессе которого она производит

отбор одних значений и отвергает другие, что позволяет говорить об ограниченности её свободы [64, с. 50–51]. На связь словесной формы высказывания с коммуникативной целью говорящего указывает также А. Мустайоки [129, с. 26]. Таким образом, можно утверждать, что личность коммуникантов, а также их межличностные взаимоотношения оказывают большое влияние на выбор средств выражения ЭМ.

Акцентируя внимание на реализации эпистемических модальных маркеров в ходе развёртывания коммуникативного действия, в первую очередь остановимся на самом распространённом виде диалога, представляющем собой обмен репликами на бытовом уровне и отражающем тематику повседневного общения. В большинстве случаев подобного рода речевое взаимодействие происходит на межличностном уровне в неформальной форме, и это оказывает влияние на выбор модальных маркеров коммуникантами. В качестве общей черты можно выделить установку собеседников на обмен достоверной информацией, которая будет способствовать более быстрой реализации иллокутивного намерения. В следующем примере слушающий действительно сожалеет о том, что не мог быть дома к приходу говорящего, эксплицируя это МГ ЭН *can't*, и стремится донести до говорящего эту информацию:

«But you should have been home when I got home.»

«I wish I had been, but it wasn't possible. <...> I *can't* make the impossible possible» [351].

В другом примере слепая девочка задаёт давно мучивший её вопрос своей близкой знакомой. Использование МС ЭН *really* указывает на надежду и страстное желание девочки увидеть Бога, но в то же время она не желает этого, так как боится своей слепоты, которая не позволит ей этого сделать. Ответная реплика с МГ ЭВ *might* призвана вселить в девочку надежду. Это наглядно демонстрирует то, что модальные маркеры с эпистемической семантикой не только сообщают субъективное отношение говорящего к пропозиции высказывания, но также являются средством выражения его эмоционально-психического состояния:

«Do you think, Madame, that in heaven we will *really* get to see God face-to-face?»

«We *might*» [350].

Если принимать во внимание ситуацию общения в гостях, то здесь речь может идти о диалогах на бытовые, политические, экономические, религиозные и другие темы в зависимости от личностных особенностей и предпочтений коммуникантов. Преобладает групповая или межличностная коммуникация, тяготеющая к неформальной форме общения. На подобных мероприятиях присутствуют люди, состоящие в родственных или близких отношениях. Отсутствие выраженных социальных различий позволяет не использовать различного рода ухищрения, лесть, сокрытие или искажение информации – это ведёт к превалирующему фигурированию в речи модальных маркеров, отражающих фактическую степень уверенности говорящего в пропозиции своего высказывания, будь то высокая степень уверенности либо сильное сомнение. В качестве примера приведём следующий диалог, где МС ЭВ *probably* маркирует неуверенность говорящего:

«The first one accidentally ended up in the water.»

«That's too bad,» Ronnie sympathized.

«Yeah, but it taught me that I should *probably* read all the directions next time» [368].

Далее раскроем особенности речевого взаимодействия в зале суда (по социальной организации это формальная форма коммуникации, по количеству коммуникантов – групповая). Важной особенностью судебного процесса является то, что все участники приносят клятву о том, что обязуются говорить только правду, следовательно, все их слова должны соответствовать объективной действительности. Приведём пример:

«So your conclusion was that he drowned?»

«Yes.»

«Was that unequivocal? Was there any doubt?»

«Yes, *of course* there's doubt. There's always doubt» [354].

В данном диалоге МС ЭН *of course* указывает на уверенность слушающего в возможности воплощения в действительности нескольких вариантов развития событий. В случае, когда говорящий не уверен в достоверности предоставляемых сведений, он прибегает к помощи модальных маркеров с семантикой возможности. Проиллюстрируем это следующим примером, в котором сомнение свидетеля эксплицирует МС ЭВ *apparently*:

«The defendant had no spare battery aboard his boat? He'd gone out fishing without one?»

«*Apparently*, yes, sir, he did» [354].

Наряду с органами суда к системе правоохранительных органов относятся органы внутренних дел. Рассмотрим разговор между окружным шерифом Артом Мораном и его помощником Абелем Мартинсоном. Несмотря на то, что в момент реализации речевого взаимодействия персонажи находятся наедине, род их деятельности накладывает отпечаток на выбор маркеров ЭМ. В ходе расследования уголовных дел всё строится на догадках и гипотезах, поэтому сотрудники правоохранительных органов, ведущие расследование, часто оперируют модальными маркерами с семантикой возможности, подразумевая при этом, что озвученная версия может быть в корне неверной и подлежит дальнейшему рассмотрению. Экспликаторы ЭМ в данном случае маркируют не отсутствие персональной уверенности говорящего, а наличие у него профессиональной компетенции, не позволяющей смешивать личное мнение и наличествующие факты и доказательства. Например:

«Where'd he go, you figure?»

«*Probably* up North Bank,» said Abel. «*Maybe* Ship Channel. Or Elliot Head. That's where the fish been running» [354].

В ходе следствия также могут возникнуть ситуации, когда необходимо использовать своего рода уловки, чтобы заставить людей придерживаться официальной точки зрения и не допустить паники:

«Ain't this just a accident?»

«*Of course* it is» [354].

Теперь кратко продемонстрируем отличительную особенность профессии врача. Превалирующим в медицинской практике является принцип «не навреди», в соответствии с которым врач не должен предоставлять ложные или сомнительные сведения. Вся информация, которую пациент получает от лечащего врача, должна соответствовать реальному положению дел и подтверждаться анализами и клиническими исследованиями.

«You have more than a few days.»

«Weeks?»

«Yes, *of course...*» <...>

«Do I have a year?»

This time, the doctor didn't respond [368].

В приведённом выше примере МС ЭН *of course* указывает на уверенность онколога в своём прогнозе. Однако наличие многоточия и последующее молчание доктора (паралингвистическое средство выражения ЭМ) свидетельствуют о том, что он не может взять на себя ответственность за столь долгосрочный прогноз.

Больничная палата – это место, где звучат самые искренние слова. Докажем это примером, в котором прощение, полученное персонажем от дочери, не подлежит сомнению:

«Can you forgive me?» <...>

«*Of course* I forgive you» [368].

Для священнослужителей и людей, приходящих на исповедь, свойственно предоставление достоверных сведений, соответствующих реальной действительности, каких бы моральных мучений это не стоило, из-за страха перед небесной карой. Проиллюстрируем это положение примером:

He was so... proud, so happy, and that night, when I prayed, I thanked God for that. Because your dad *really* struggled when he moved back here [368].

В ситуациях общения на банкетах и светских раутах могут фигурировать доля лести и проявление излишней вежливости вследствие социального неравенства некоторых участников речевого взаимодействия:

It's a great honor, Mr. Linley. My eleven-year-old granddaughter studied your sonatina for her final exam in violin and *really* loved it [364].

Подводя итог вышеизложенного, можно отметить, что коммуникативная ситуация накладывает отпечаток на выбор эпистемических модальных маркеров. Если говорить о диалогах в зале суда, диалогах, в которых в качестве по крайней мере одного коммуниканта выступает представитель органов правопорядка, священнослужитель или врач, то очевидно стремление к предоставлению достоверных сведений, следовательно, маркеры с семантикой возможности и необходимости будут использоваться соответственно в случае наличия у говорящего сомнений и наличия уверенности в достоверности пропозиции. На светских мероприятиях социальный статус коммуникантов позволяет оказывать непосредственное влияние на выбор средств выражения ЭМ. В то же время, анализируя общение на бытовом уровне, нужно принимать во внимание тот факт, что зачастую собеседники способны исказить достоверность предоставляемой информации из-за межличностных отношений.

2.3 Личность участников коммуникативного взаимодействия и особенности их межличностных взаимоотношений как прагматический фактор выбора эпистемических модальных маркеров

С точки зрения И. П. Сусова, посредством вербальных или невербальных сообщений участники коммуникации, находящиеся в отношении взаимной перцепции, обмениваются «своими знаниями и оценками противостоящего им мира вещей и / или мира людей» и «согласуют друг с другом свои индивидуальные действия» [189]. Взаимодействие между говорящим и слушающим представляет собой сложную систему отношений, которые разворачиваются на эмоциональном, социальном и культурно-национальном уровнях. По мнению Е. В. Милосердовой, общение можно трактовать как взаимодействие, взаимоотношение как минимум двух личностей, а значит, двух уникальных внутренних миров [121, с. 29]. Как отмечал ещё в начале XX века

немецкий философ и социолог Г. Зиммель (1908 [2009]), имя которого связывают с введением понятия социальной дистанции, первым условием построения коммуникации с собеседником является знание о том, *кто* ваш собеседник [314, с. 307]. Относительно личности субъектов коммуникации, благодаря которым происходит субъективная оценка явлений реальной действительности, важно рассмотреть такие её характеристики, как социальную и эмоционально-психическую. К числу первой относятся возраст, пол, социальный статус собеседников и социальная дистанция между ними, а также расовая принадлежность. В. И. Карасик [92, с. 9–10], вслед за М. Зелдичем, добавляет к представленному выше перечню независимых характеристик национальность и культурное происхождение собеседников, а также выделяет образование, профессию и степень владения языком в качестве усвоенных характеристик. Уделяя в своей работе большое внимание ценностной оценке индивидуумов, Т. Парсонс выделяет 6 групп дифференцирующих признаков [301, с. 848–849]: 1) родственные связи; 2) личные качества – гендерно-возрастные, интеллектуальные и физические особенности; 3) материальные / нематериальные достижения; 4) имущество, которое может быть выражено в материальных и идеальных носителях; 5) авторитет и 6) власть.

Изложенные выше характеристики несомненно определяют выбор тех или иных средств выражения ЭМ в процессе коммуникации. Следует подчеркнуть, что этот процесс происходит путём преломления не только через личность говорящего, который, используя определённое средство выражения ЭМ, стремится выразить своё *я*, эксплицировать уверенность или сомнение в достоверности пропозиции высказывания, но и через его представление о личности слушающего, его отношении к нему, желание предоставить достоверные или заведомо недостоверные, сомнительные или ложные сведения. Касательно пола собеседников, как будет показано в дальнейшем, отметим, что в большинстве ситуаций речевого общения женщинам, в отличие от мужчин, при построении ответной реплики свойственно давать полный, досконально продуманный ответ, в то время как мужчины могут частично игнорировать

реплику собеседника. Вместе с тем вышеизложенное может трактоваться двояко: полнота ответа не всегда свидетельствует о его достоверности и соответствии реальной действительности. Пренебрежение или игнорирование реплики, напротив, может трактоваться как отсутствие уверенности говорящего, следовательно, как нежелание намеренно вводить в заблуждение собеседника.

В широкое употребление термин «социальный статус» был введён Р. Линтоном (1936), определяющим его как институционально определённую позицию индивида, обладающего комплексом прав и обязанностей, в социальной структуре общества. О.И. Шкаратан указывает, что социальный статус отдельно взятого человека представляет собой позицию индивида относительно положения других людей [219, с. 54]. Именно благодаря различию социальных статусов возникают социальные связи между индивидуумами. Руководствуясь определением, предложенным В. И. Карасиком, под социальным статусом человека в данном исследовании будет пониматься «соотносительное положение человека в социальной системе, включающее права и обязанности и вытекающие отсюда взаимные ожидания поведения» [92, с. 5]. Социальный статус может быть симметричным, то есть статус говорящего соответствует статусу слушающего, и асимметричным, при этом статус говорящего может быть как выше, так и ниже статуса слушающего.

Благодаря наличию у человека определённого социального статуса становится возможным появление социальной дистанции, которая в то же время обеспечивает поддержание социального статуса индивидуума. На основе показателей физической удалённости собеседников друг от друга и восприятия, основанном на данных, поступающих от органов чувств, Э. Т. Холл придерживается разграничения интимной дистанции – характерна для хороших друзей, влюблённых и близких родственников; персональной – характерна для дальних родственников, малознакомых или незнакомых людей; социальной – характерна для коллег, деловых партнёров, участников различных социальных общностей, групп, кружков по интересам, а также людей, ежедневно вовлекаемых в десятки ситуаций речевого общения на бытовом, профессионально-

ориентированном и других уровнях; публичной – возникает во время публичной речи президента, концертов, спектаклей, представлений и так далее [260, с. 114]. В последнем случае межличностные связи между участниками отсутствуют.

Отечественный лингвист Д. Ф. Коморова [104, с. 13] предлагает подразделить социальную дистанцию на нулевую, нейтральную и близкую, с точки зрения близости участников общения. При нулевых отношениях коммуниканты не знакомы друг с другом и общение происходит впервые. Нейтральные отношения могут характеризовать людей, мало знакомых друг с другом, а также официальную или приближенную к ней обстановку. Близкие отношения отличают коммуникантов, обладающих близкими родственными (члены семьи) или душевно-психологическими (друзья) связями.

Приводя точку зрения основоположника функционализма в лингвистике С. Дика, отметим, что учёный говорит о физических, социально-культурных и лингвистических факторах, которые обуславливают обстоятельства, при которых протекает речевое взаимодействие между коммуникантами [245, с. 21–28].

Исходя из вышеизложенного, можно отметить, что лингвистика на современном этапе своего развития характеризуется антропоцентричностью, поэтому невозможно рассматривать ЭМ в отрыве от личности участников речевого взаимодействия. Среди основных характеристик можно выделить гендерно-возрастные, или независимые характеристики, а также приобретённые – социальный статус, который можно разделить на симметричный и асимметричный, и социальную дистанцию между собеседниками, которая может быть нулевой, нейтральной и близкой.

2.3.1 Влияние социальных характеристик коммуникантов на функционирование эпистемических модальных маркеров в современном английском языке

Современные лингвистические исследования исходят из наличия человеческого фактора в языке, что означает активную деятельность мыслящего

субъекта в процессе порождения и интерпретации высказываний, отражающих объективную действительность. К числу основных социальных характеристик собеседников относятся пол, возраст, социальный статус и социальная дистанция между ними, которые оказывают непосредственное влияние на выбор лексических и лексико-грамматических эпистемических маркеров.

2.3.1.1 Гендерно-возрастной аспект прагматического потенциала эпистемических модальных маркеров

Одним из прагматических факторов, оказывающих влияние на выбор средств выражения ЭМ и на достоверность предоставляемой информации, выступают гендерно-возрастные характеристики говорящего. Для сравнения были отобраны два совершенно разных типа художественных персонажей: мужчина среднего возраста, сочетающий в себе качества положительного героя произведения, и обобщённый образ положительной героини (девушки-подростка), которая обладает выраженной фемининностью, а не маскулинностью. Мы не рассматривали отрицательных героев, личностные качества которых могут предполагать намеренное предоставление ложных сведений или искажение достоверности информации.

Как для мужчины, так и для девушки характерно оперирование маркерами ЭН в случае наличия убедительной доказательной базы, опоры на факты и достоверные сведения о событиях и явлениях объективной действительности. В примере (а) мужчина с уверенностью говорит о том, как его отец и дед проводили время вместе, вводя в речь МС ЭН *of course*; в примере (b) девушка рассказывает о своём музыкальном таланте, настоящем даре, подтверждённом учителями, используя при этом маркер ЭН *actually*:

(a) *Of course, my father's father took him hunting and fishing, taught him to play ball, showed up for birthday parties, all that small stuff that adds up to quite a bit before adulthood [367].*

(b) She was good, too. Very good, *actually*, and because of her father's connection to Juilliard, the administration and teachers there were well aware of her ability [368].

Если мы говорим о ретроспекции с позиции мужчины, то чем раньше произошло событие, чем больше истекло времени со дня происшествия до момента, когда говорящий вспоминает о нём, и чем меньшее влияние происходящие в тот момент события оказали на жизнь говорящего, тем меньшую степень уверенности в достоверности своих суждений он демонстрирует. В приводимом ниже примере рассказчик вспоминает своё детство:

As I walked slowly past, and indeed I *may* even have paused, or faltered, rather, he stuck the toe of his plimsoll into the gravel to stop the swinging gate <...> [345].

Для девушки также характерно наличие некоторых сомнений в достоверности информации, однако связано это не с количеством прошедших лет, а с переполнявшими её в тот момент чувствами. Мелкие детали, не представляющие особой значимости для предоставления высказывания в качестве достоверного, могут стереться из памяти, если человек находился в состоянии высокой степени возбуждения и волнения:

«Papa, Papa.» She *must* have said it a hundred times as she hugged him in the kitchen and wouldn't let go [374].

В бытовом сознании мужчина чаще всего понимается как защитник, как человек, способный оберегать любимую женщину, будь то мать, жена или дочь. При этом для достижения своей цели он готов сделать всё; если же он терпит неудачу, он готов привести весомые доказательства и подтвердить свою правоту:

Having persuaded her to throw up what *should* have been her life's work in favour of a futile social gesture, the blackguard absconded, leaving my misfortunate girl in the lurch [345].

В следующем примере, напротив, развеивается существующее убеждение о мужчинах как о сильном поле, который не способен испытывать боль и страдать и стойко переносит все жизненные тяготы и невзгоды, готов выдержать любые лишения и потери. МС ЭН *of course* маркирует отсутствие сомнений говорящего в

правоте его жены, тем не менее признаться в этом он готов лишь самому себе после смерти жены:

She was right, *of course*, I have always been a moaner, fussing over every slightest twinge or ache [345].

Девушка зачастую готова поддаться панике, при этом преувеличивая свои страхи, выдавая за достоверную информацию то, что на самом деле не имело места быть:

That meant that if the mayor himself used the library, he *must* have seen them. He *must* have asked why they were there [374].

Однако с возрастом женщины учатся бороться со страхами, что может быть проиллюстрировано следующим примером, в котором Лизель с уверенностью говорит о том, что она достаточно взрослая, чтобы самостоятельно справляться с ночными кошмарами. Использование МГ ЭВ *should*, сближающегося в своей семантике с маркерами ЭН, убеждает в достоверности её слов, в их осознанности:

The only thing that changed was that Liesel told her papa that she *should* be old enough now to cope on her own with the dreams [374].

Традиционно считается, что интуиция больше присуща женскому полу, чем мужскому. Приводимые ниже примеры подтверждают данную устоявшуюся точку зрения. Если мужчина не спешит настаивать на своих предположениях и выдавать их за достоверные сведения (МГ ЭВ *may* и МС ЭВ *possibly*), то девушка категоричнее в своих суждениях и не оставляет пространства для сомнений (МС ЭН *no doubt*):

Her friend Serge, who at one time in the far past *may possibly* have been more than a friend <...> [345].

«My sister and I make them.»

«To support a worthy cause, *no doubt*» [368].

Девушки склонны верить в существование высших сил, во что-то, что помогает нам в трудных жизненных ситуациях (пример (a)), в то время как мужчины (пример (b)) отказываются настаивать на достоверности событий,

которым они не были свидетелями или объективных доказательств которых они не имеют, либо делают это не в столь категоричной форме:

(a) Rosa would never tell Hans about these moments, but Liesel believed that it *must* have been those prayers that helped Papa survive the LSE's accident in Essen [374].

(b) She *may* have been there all that time, watching me watching the others [345].

Девушка способна солгать и предоставить недостоверные сведения для собственной выгоды, при этом настаивая на достоверности своего высказывания. Проиллюстрируем следующим примером:

«Some of it's missing. What happened, Liesel?»

«They *must* have given me less than usual» [374].

У мужчин, напротив, существует нерушимый моральный кодекс, не позволяющий им предоставлять категоричные недостоверные сведения:

We *might* be criminals, but we're not totally immoral [374].

И мужская, и женская уверенность, основанная на предположении, отмечена маркером модальности ЭВ, а именно МГ *might*:

One day he formed a theory about what *might* have occurred and he went back to the place in the fence where the pile of clothes had been found a year before [348].

Whenever she walked to and from school now, Liesel was on the lookout for discarded items that *might* be valuable to a dying man [374].

Мужчина, как правило, не предоставляет категоричных сведений, бросающих тень на имя женщины, не будучи полностью уверенным в их достоверности:

He always called her Annie, which no one else did; <...> it *might* have been his old love name for her [345].

Представляется возможным также отметить такой феномен, как «женская логика», под которым понимается менее рациональное и в большей степени эмоциональное и интуитивное мышление женщин в некоторых ситуациях, которое отличает их от мужчин. В приведённом ниже примере несмотря на то, что девушка видела фотографии сыновей соседки, она принимает совершенно

незнакомому мужчине за одного из них, причём свою догадку высказывает в довольно категоричной форме, эксплицируя это МГ ЭН *must*:

Her first thought was that the man *must* have been one of her sons, but he did not look like either of the brothers in the framed photos by the door [374].

В следующем примере находит отражение стремление мужчин совершать необдуманные, не вписывающиеся в контекст ситуации поступки. Для эмоционально зрелого, состоявшегося мужчины подобное поведение в целом не свойственно, поэтому, чтобы скрыть приступ минутной слабости, его суждение, предполагающее полную уверенность, становится некатегоричным. Говорящий намеренно ставит под сомнение то, о чём он сообщает:

It was not the damp and the chill <...> but a determination to get closer to those lights <...>; I *may* even have had some idea of wading into the sea and swimming out to meet them [345].

Порой поведению девушки присуща некоторая доля кокетства, желание привлечь внимание собеседника противоположного пола, поэтому она не настаивает на своей точке зрения, позволяя мужчине самому решить, была она права или нет:

«I thought,» she told him, «you *might* like to do the crossword to pass the time» [374].

Что касается представителей мужского пола, можно подчеркнуть наличие у них своего женского идеала и собственного восприятия женской красоты (как внешней, так и внутренней), которое не должно подвергаться сомнению, так как именно мужчина является её истинным ценителем:

«You've never been more beautiful,» he said. «*In fact*, I don't know if there's anyone more beautiful in the entire world» [374].

Исходя из вышеизложенного, представляется возможным прийти к выводу, что для зрелого мужчины с твёрдой жизненной позицией характерно предоставление достоверной, с его точки зрения, информации. Если сведения не обладают достаточной степенью доказательности, то мужчина предпочтёт произнести высказывание с использованием маркеров ЭВ. В то время как

девушка (в силу юношеского максимализма и особенностей женского характера) чаще всего оперирует модальными маркерами ЭН даже в ситуациях, в которых степень достоверности предоставляемых сведений может быть поставлена под сомнение и требует более убедительной доказательной базы.

2.3.1.2 Регистры общения и социальный статус собеседников

На успешное осуществление коммуникации, несомненно, оказывают влияние такие прагматические факторы, как социальный статус собеседников и социальная дистанция между ними, которые могут быть включены в рамки так называемых «регистров общения». Под последними Л. С. Бархударов понимает определённые условия или ситуацию общения, обуславливающие выбор тех или иных языковых средств [24, с. 110]. Основными составляющими регистра общения автор называет участников коммуникативного процесса (их служебное и социальное положение, степень близости), а также условия, в которых протекает процесс языковой коммуникации (место, время, обстановка общения). В этой связи Л. С. Бархударов отмечает наличие 5 регистров: фамильярного, непринуждённого, нейтрального, формального и возвышенного [24, с. 111]. Говоря о прямом устном межличностном общении, которое можно рассматривать как наиболее распространённый тип коммуникации, в качестве релевантных факторов Е. И. Беляева выделяет обстановку общения и отношения между коммуникантами. Обстановка общения может быть официальной и неофициальной, в то время как отношения между участниками речевого взаимодействия подразделяются на субординативные отношения (неравные, позиционные роли), несубординативные отношения (равные роли) и отсутствие отношений (общение с незнакомыми людьми) [28, с. 30]. Таким образом, социальный статус собеседников может быть симметричным (далее – символ =), то есть статус говорящего соответствует статусу слушающего, либо асимметричным, когда статус говорящего выше (далее – символ >) или ниже (далее – символ <) статуса слушающего. Важно также учитывать такой

прагматический параметр, как степень близости между говорящим и слушающим или социально-психологическую дистанцию между ними, которая может быть далёкой и близкой. Как указывалось ранее, в зависимости от близости участников общения Д. Ф. Коморова [104, с. 13] подразделяет социальную дистанцию на нулевую, нейтральную и близкую. Из всего вышеизложенного Е. И. Беляевой делается следующий обобщающий вывод:

- фамильярный регистр: неофициальная обстановка, несубординативные отношения, близкая социально-психологическая дистанция;
- непринуждённый регистр: неофициальная обстановка, субординативные отношения и близкая дистанция или несубординативные отношения и далёкая дистанция;
- нейтральный регистр: официальная обстановка, любой тип отношений между коммуникантами, близкая психологическая дистанция или неофициальная обстановка, субординативные отношения, далёкая социально-психологическая дистанция;
- формальный регистр: официальная обстановка, субординативные отношения, степень психологической близости нерелевантна;
- возвышенный регистр: релевантны торжественная обстановка и наличие повода, в то время как отношения и степень социально-психологической близости коммуникантов не имеют значения [28, с. 30–31].

Итак, рассмотрим несколько коммуникативных ситуаций. К первой группе относятся ситуации, в которых социальные статусы симметричны. При этом:

а) говорящий = слушающий, отношения нулевые:

Perhaps he was a kind of yeti [359].

После первоначального беглого знакомства женщина не решается делать категоричных утверждений о сущности молодого человека. МС ЭВ *perhaps* указывает на высокую степень сомнения в собственных выводах.

б) говорящий = слушающий, отношения нейтральные:

Look, I read your outline. It's *certainly*... original, but it won't work [370].

Данная реплика характеризует чисто деловые, партнёрские отношения. Главное в процессе совместной деятельности – своевременно предоставлять достоверную информацию, поэтому говорящий не прибегает ко лжи, поскольку это может лишь навредить работе. В вышеизложенном примере уверенность говорящего маркируется МС ЭН *certainly*.

Или другой пример, в котором во время судебного разбирательства свидетель, понимая, что все предоставляемые им сведения должны быть достоверны, оперирует МС ЭВ *apparently*, будучи не полностью уверенным в причинах, которыми обусловлено отсутствие запасной батареи на борту рыболовного судна обвиняемого:

«The defendant had no spare battery aboard his boat? He'd gone out fishing without one?»

«*Apparently*, yes, sir, he did» [354].

в) говорящий = слушающий, отношения близкие. При общении с близкими людьми (друзьями или родственниками) коммуниканты склонны предоставлять объективные сведения, то есть если говорящий не уверен в достоверности информации, он предпочтёт выразить её при помощи модального маркера ЭВ (пример (a)), в случае же отсутствия сомнений более вероятно использование модального маркера ЭН (пример (b)):

(a) «Why doesn't he say where he is, Werner?»

«*Maybe* because he doesn't want us to know?» [350] – разговор между братом и сестрой;

(b) *Of course* we have to pay the bus fare to get Yule May back up here on the weekends [370] – разговор между близкими подругами.

Тем не менее в процессе коммуникации часто возникают ситуации, требующие намеренного изменения иллокутивной силы высказывания для оказания требуемого перлокутивного эффекта. Проиллюстрируем несколькими примерами:

Maybe Miss Walter didn't tell her lies Miss Hilly started. You never know [370].

В разговоре с лучшей подругой Эйбилин заведомо снижает степень уверенности в достоверности предоставляемых сведений, используя МС ЭВ *maybe*, чтобы подбодрить женщину, хотя в данном случае требовалось МС ЭН, учитывая тот факт, что она владела достоверной информацией.

В следующем примере женщина выражает категорическую уверенность в том, что факты, которые она собирается предоставить, являются достоверными и единственно возможными. Однако это мнение основано на исторически сложившейся в США убеждённости, что существуют две расы, высшая («белые» люди) и низшая (темнокожие), при этом вторая призвана служить и подчиняться первой. Вместе с тем для реципиента информации, не придерживающегося идей расовой сегрегации и считающего, что все люди равны, последовавшее за этим высказывание не предоставляет информативной ценности и, очевидно, не может трактоваться как достоверное:

It's time you learned, Eugenia, how things *really* are [370].

Ко второй группе причисляются коммуникативные ситуации, в которых социальный статус асимметричен, а именно говорящий > слушающий, с дальнейшим подразделением на:

а) говорящий > слушающий, отношения нулевые:

«Well <...> that's *certainly* an honorable subject» [370].

В приведённом выше примере жена сенатора прямо доводит свою уверенность до сведения слушающего, общение с которым происходит впервые. В следующем примере на введение в пропозицию высказывания МС ЭН *really* наряду с нулевыми отношениями оказывает влияние желание говорящего вызвать сочувствие у слушающего своими переживаниями:

I just don't *really* know anybody. I don't... get out too much [370].

б) говорящий > слушающий, отношения нейтральные:

«I reckon <...> after you go to the store and pick up what we need.» <...>

«*Maybe* you ought to go, Minny, since you know what to buy and all» [370].

Здесь стоит отметить, что Селия – девушка, у которой до этого никогда не было прислуги, она не знает, какие существуют правила и порядки обращения со

служанкой. Вследствие этого она разговаривает с Минни практически как с равной себе по положению, не боясь показать прислуге свою слабость, беспомощность и неуверенность, маркируя это МС ЭВ *maybe*.

Другой пример, в котором Хилли просит знакомую Дину приготовить к завтрашнему дню 500 пирожных. МС ЭН *really* указывает не на то, что Комитету требуется именно Дина; Хилли использует своё положение и авторитет, чтобы заставить девушку поверить в то, что в ней действительно нуждаются. Свою просьбу Хилли облакает в следующую форму:

The bake sale committee *really* needs somebody like you [370].

в) говорящий > слушающий, отношения близкие. Во всех анализируемых примерах с социальным неравенством интерактантов, но близкими отношениями между ними, можно отметить стремление к передаче достоверных сведений и истинных мыслей. В приведённом ниже примере на достоверность информации указывает использование МС ЭН *really*. Для коммуникантов нет необходимости заведомо предоставлять недостоверную информацию из-за разницы в положении на социальной лестнице благодаря их дружеским отношениям, отсутствию официальности или подхалимства:

Aibileen, do you *really* think they'd ... hurt us? I mean, like what's in the papers? [370].

И, наконец, в третьей группе будет раскрыто функционирование модальных маркеров, эксплицирующих семантику достоверности, в коммуникативных ситуациях, в которых социальный статус также асимметричен (говорящий < слушающий), в совокупности с:

а) нулевыми отношениями. В подобной ситуации говорящий не склонен открыто выразить свою уверенность в достоверности информации и зачастую использует модальные маркеры ЭВ для снижения категоричности высказывания. Вместе с тем наблюдаются отклонения от типичных ситуаций. Приведём пример, в котором женщина слишком взволнована встречей с семьёй сенатора штата, чтобы давать себе отчёт в том, что она говорит. Вследствие этого высказывание, которое по правилам субординации необходимо было замаскировать под

добродушное предположение, звучит как категорическая убежденность в своей правоте:

Surely you must feel some obligation, for the sake of history [370].

б) нейтральными отношениями:

Maybe we ought to just build you a bathroom outside, Hilly [370].

В рассматриваемом примере положение девушек в обществе примерно одинаковое, обе принадлежат к расе «белых» людей, к привилегированному классу, являются приглашёнными гостями на многих званых ужинах. Тем не менее слушающий является непосредственным начальником говорящего, поэтому последний вынужден своё убеждение завуалировать МС ЭВ *maybe*.

в) близкими отношениями. В следующем примере, несмотря на то, что второе высказывание относится уже к внутреннему монологу темнокожей служанки, оно служит импликацией уверенности в достоверности информации, предоставляемой в первом высказывании, основанной на данных, полученных посредством органов чувств. Включение МС ЭН *evidently* в рамки первого предложения абсолютно не изменяет его иллокутивную силу: I – I said *evidently* you got him now, Miss Celia. МС *evidently* эксплицирует логический вывод коммуниканта, сделанный в ходе наблюдения за каким-либо событием или вытекающий из оперирования достоверными, очевидными фактами. Следовательно, уверенность говорящего приближается к абсолютной:

«I – I said you got him now, Miss Celia,» I say. But *evidently*, Miss Celia doesn't think so [370].

Из вышеизложенного анализа можно сделать вывод, что коммуниканты осуществляют передачу достоверной информации в случае, если говорящий = слушающий, отношения нейтральные; говорящий > слушающий, отношения нулевые. В коммуникативных ситуациях, в которых отношения между коммуникантами близкие (независимо от их социального статуса), также наблюдается стремление к предоставлению достоверных сведений. Вместе с тем отмечены ситуации, в которых достоверность информации может искажаться из-за личных мотивов (использование авторитета для манипуляции); стремления

оградить близкого человека от истины из-за возможных эмоционально-психических реакций реципиента; вследствие различного рода предубеждений (расовых, национальных, гендерных и так далее); отношений субординации, если правда может навредить говорящему, и из-за этого зачастую возникает необходимость завуалировать её под сомнение или совет. Также следует упомянуть, что при ярко выраженных отношениях субординации в совокупности с тесными, дружескими отношениями, говорящий, занимающий нижнюю ступень в социальной иерархии, не будет испытывать страх или неуверенность при предоставлении достоверной информации, зачастую в весьма категоричной форме.

2.3.2 Ментальное состояние коммуникантов и его влияние на достоверность высказывания

В данном параграфе рассматривается влияние ментальных (психических) состояний на выбор лексических и лексико-грамматических средств, выражающих ЭМ, с опорой на ресурсы художественного текста. Под ментальным состоянием нами понимается психическое состояние индивида, возникающее вследствие восприятия и логической интерпретации каузально обусловленных процессов, происходящих во внешнем мире. Ю. В. Щербатых [222] выделяет шесть уровней проявления психических (ментальных) состояний – физиологический, моторной сферы, эмоциональный, когнитивный, поведенческий, социальный. Из них лишь три представляют интерес для нашего исследования: это эмоциональный, когнитивный и социальный. Причины, повлекшие за собой подобный выбор, заключаются в следующем.

В качестве одной из категорий, характеризующих познавательную деятельность человека, Г. В. Колшанский предлагает выделить истинность / ложность фактов, добытых в результате практической и теоретической деятельности человека [100, с. 88]. М. А. Шелякин, рассуждая о семантической системе языка, отмечает, что она отражает все структурные уровни сознания, к

которым относится и истинность / ложность как установка на адекватность знания о действительности [216, с. 130]. Отношение говорящего к действительности подразумевает «готовую, лексикализованную или грамматикализованную оценку, которая встроена непосредственно в содержательную сторону языковых единиц» [10, с. 136], и в качестве одного из параметров которой выступает истинность. Роль эмоционального состояния говорящего в выражении его отношения к объективной действительности несомненно велика, поскольку степень достоверности информации, предоставляемой говорящим в момент переживания им сильных положительных или негативных эмоций, скорее всего будет иной, нежели в состоянии спокойствия или равнодушия. В силу того, что в коммуникативной ситуации, в которой говорящий не способен объективно воспринимать и трансформировать поступающую извне информацию посредством логического мышления, не приходится говорить о высокой степени достоверности высказывания – в этом находит отражение когнитивный уровень проявления ментальных состояний. Переходя к социальному уровню, следует отметить, что именно на этом уровне в ходе коммуникации между говорящим и слушающим реализуется иллокутивный замысел говорящего и достигается желаемый перлокутивный эффект.

Возвращаясь к вопросу о роли ментальных состояний при выборе лексических и лексико-грамматических средств выражения ЭМ, отметим, что в рамках данного исследования было выделено три типа героев. К первому типу относится подросток, страдающий выраженным дефицитом социального взаимодействия и общения, а также обладающий узким кругом интересов. Литературный персонаж – герой произведения М. Хэддона «Загадочное ночное убийство собаки» Кристофер Джон Френсис Бун, пятнадцатилетний аутист, увлечённый математикой. Второй тип – умственно отсталый, по мнению отдельных персонажей романа, человек. Литературный персонаж – герой дилогии Д. Лессинг «Пятый ребёнок» и «Бен среди людей» Бен Ловатт, ребёнок, которого собственные родители не считают психически нормальным. Его социальные и коммуникативные навыки находятся на самой низкой ступени развития, поэтому

многие люди считают, что он является неандертальцем или йети. Третий тип – психически развитые, стабильные и здоровые люди, персонажи из упомянутых выше произведений.

Вначале обратимся к эмоциональному уровню проявления ментальных состояний. Рассмотрим два вида эмоций: положительные (среди которых в проанализированных произведениях были выделены надежда, любопытство) и отрицательные (гнев, злость, страх, грусть, шоковое состояние, неприязненное отношение), и их влияние на использование коммуникантами МГ и МС ЭМ для выражения субъективной оценки событий объективной действительности.

Примечательно, что представитель первого типа (подросток-аутист с узким кругом интересов) не демонстрирует положительные эмоции вследствие особенностей своего психического расстройства. В большинстве случаев герой демонстрирует спокойствие, граничащее с апатией:

But whoever had killed him had *probably* killed him with Mrs. Shears's fork [355].

Вследствие того, что говорящий прибегает к хладнокровному и отстранённому рассуждению, его предположения как не перерастают в уверенность, так и не утрачивают вероятности подтверждения. В приведённом ниже примере опасения и страх говорящего ничем не подтверждены, поэтому он не делает твёрдых умозаключений, используя МГ ЭВ *might*:

And I thought she *might* be ringing the police and then I'd get into much more serious trouble because of the caution [355].

В ситуациях, когда какое-либо событие выходит за рамки чётко и логично выстроенного мира говорящего, представитель первого типа демонстрирует недоумение и стремится как можно скорее найти разумное и соответствующее объективной реальности объяснение, опираясь на цепочку умозаключений, основанных на фактах:

I looked at the letter and thought *really* hard. It was a mystery and I couldn't work it out. *Perhaps* the letter was in the wrong envelope and it had been written before Mother had died. But why was she writing from London? The longest she had been

away was a week when she went to visit her cousin Ruth, who had cancer, but Ruth lived in Manchester.

And then I thought that *perhaps* it wasn't a letter from Mother. *Perhaps* it was a letter to another person called Christopher, from that Christopher's mother [355].

В шоковом, паническом состоянии говорящему требуется приложить все усилия, чтобы адекватно воспринимать реальность, не искажая объективную действительность. Он понимает, что комната не может кружиться, и причиной всему является его внутреннее смятение, маркируя это МГ ЭН *could* с отрицанием *not* и МГ *must*:

But I knew that the room *couldn't* be swinging backward and forward, so it *must* have been something which was happening inside my head [355].

Второй тип литературного персонажа, представленный пятым ребёнком Беном, как и в случае с рассмотренным ниже третьим типом, при переживании положительных эмоций демонстрирует склонность к субъективному повышению степени уверенности в оценке достоверности происходящих в реальности событий. Присутствие в высказывании МС ЭН *surely* и МГ ЭН *must* связано с положительно окрашенной эмоцией надежды, которая неоправданно повышает уверенность героя в том, что его мысли совпадают с реальностью:

So he took the old, old road to London, rich London, where *surely* there *must* be a little something for him too [359].

В следующем примере незнание некоторых реалий современного мира не позволяет страху полностью завладеть разумом действующего лица, оставляя место для сомнений, эксплицируемых при помощи МС ЭВ *probably*:

Each of these noisy machines Ben knew was *probably* hostile to him [359].

И, наконец, третий тип (психически здоровые люди):

«When he's gone, *perhaps* we could go and have a holiday together somewhere.»

«Well, *perhaps* we could» [360].

Надежда, которую испытывают коммуниканты, не позволяет им объективно оценивать собственную жизнь, поэтому вероятность того, что они действительно

смогут отдохнуть, и, следовательно, достоверность данных высказываний, приближена к нулю, несмотря на использование МС ЭВ *perhaps*.

В следующем примере в состоянии гнева даже при отношениях субординации мужчина не считает нужным снизить степень достоверности своего высказывания – это выражается МС ЭН *of course*:

Of course I'm bloody angry [355].

Когнитивный уровень ментальных состояний, как уже указывалось ранее, связан со способностью индивида к логическому мышлению. Выводы, полученные на основе логического осмысления фактов и событий действительности, в большинстве случаев являются объективными и обладающими высокой степенью достоверности. В наибольшей мере это проявляется у первого типа литературного героя, Кристофера, который увлечён математикой и строит всю свою жизнь, базируясь на логических умозаключениях. Приведём пример, в котором мальчик знает о требованиях к профессии и своём заболевании, из-за которого даже при наличии хороших физиологических показателей он вряд ли сможет рассматриваться как подходящая кандидатура в астронавты:

<...> and even though I *probably* won't become an astronaut, I am going to go to university [355].

Здесь следует упомянуть о втором типе героя, представленном Беном. Поскольку Бен, будучи ребёнком, подростком, не относится к тем личностям, которые достигли высшей ступени своего развития, мы не можем говорить о наличии и каком-либо проявлении у него когнитивного уровня. Отсутствие примеров из первого романа дилогии подтверждает это умозаключение. Тем не менее во взрослом возрасте Бен начинает демонстрировать способность осмысливать и интерпретировать поступающие извне данные на базовом уровне:

And out of the front door came small children, running. He did not know them, and thought, *Of course*, they've moved. His mother *wouldn't* be here now [359].

Следующий пример является высказыванием представителя третьего типа литературного персонажа, при интерпретации которого необходимо принять во

внимание тот факт, что миссис Грейвз, директор школы, как и остальные жители города, никогда не сталкивалась с подобным Бену явлением. Вследствие этого, основываясь на данных, полученных за счёт зрительных анализаторов (неусидчивость мальчика, трудности с концентрацией внимания, чрезмерная любознательность, импульсивность), она приходит к логическому выводу, что у ребёнка, возможно, наблюдается синдром дефицита внимания и гиперактивности. По сравнению с выводом о космическом происхождении Бена, который высказывает его отец, данный вывод является более здравым, а потому более близким к истине:

He's a good little chap. He tries so hard. <...> He is hyperactive, *perhaps*? [360].

Далее рассмотрим социальный уровень проявления ментального состояния, на котором реализуется не столько стремление говорящего передать достоверную, соответствующую объективной действительности информацию и достичь адекватной интерпретации её слушающим, сколько желание сделать это при помощи языковых средств, соответствующих сложившейся коммуникативной ситуации. В приведённом далее примере, стремясь быть тактичной и не задеть чувства подростка, женщина намеренно снижает степень своей уверенности, эксплицируя это МС ЭВ *perhaps* и *maybe*. Вместе с тем её коммуникативный замысел остаётся открытым для второго участника коммуникации:

Perhaps it would be best not to talk about these things, Christopher. <...> Because *maybe* your father is right and you shouldn't go around asking questions about this [355].

Другой пример, в котором, не дождавшись какой-либо реакции на первую реплику, Кристофер усиливает её иллокутивную силу следующей репликой. Использование МС ЭВ *probably* указывает на сомнения говорящего в достоверности пропозиции, так как у него нет доказательств для подтверждения собственной догадки. Однако благодаря логическим рассуждениям он приходит к вполне обоснованному выводу о том, что убийство безобидной собаки могло быть совершено с единственной целью: причинить душевную боль её владельцу,

поэтому МГ ЭВ *might* сближается в своей семантике с МГ ЭН *must*, сигнализируя об уверенности говорящего в достоверности излагаемых сведений:

I think Mr. Shears *probably* killed Wellington. <...> Because I think someone *might* have killed Wellington to make Mrs. Shears sad [355].

В приведённом ниже примере МС оказывают двойной перлокутивный эффект: МС ЭВ *perhaps* вселяет надежду в собеседников, в то время как МС ЭН *surely* демонстрирует уверенность говорящего и призвано убедить собеседников в том, что предположение говорящего соответствует действительности:

Well, *perhaps* this baby will be born early. *Surely* it must [360].

Обобщая вышеизложенное, можно сформулировать несколько выводов о связи ментального состояния коммуникантов с достоверностью пропозиции их высказываний. Во-первых, испытывая положительные эмоции, говорящий больше склонен преувеличивать достоверность своих суждений, эксплицируя это МГ и МС ЭН, в то время как использование аналогичных языковых средств при негативных эмоциях часто указывает на проявление истинных мыслей и суждений коммуникантов, которые в другой ситуации, возможно, не были бы высказаны из-за отношений субординации или родства. Тем не менее, не стоит забывать о том, что любая негативно окрашенная эмоция, будь то гнев или страх, накладывает свой отпечаток на говорящего, поэтому лишь наличие способности сохранять рассудительность и ясность ума позволяет утверждать, что высказывание достоверно. Во-вторых, в случае, если человек не достигает высшей точки своего психического развития (вследствие различных генетических отклонений), нельзя говорить о наличии необходимых навыков для успешного осуществления коммуникации или необходимых условий для появления логического типа мышления. Следовательно, подобный человек может предоставлять недостоверную информацию, которую сам, вполне вероятно, будет оценивать как соответствующую истине. И, наконец, в-третьих, общение становится продуктивным лишь в том случае, когда иллокутивный замысел говорящего становится понятным слушающему, и высказывание достигает предполагаемого перлокутивного эффекта. Это невозможно, если коммуниканты

предоставляют недостоверные сведения. Вместе с тем в повседневном общении нередки ситуации, в которых степень достоверности информации снижена или, наоборот, завышена. В подобных случаях необходимо принимать во внимание такие социально-прагматические факторы, как социальный статус собеседников и степень их близости.

2.4 Интенциональный аспект коммуникативного взаимодействия с эпистемической семантикой

В процессе коммуникативного взаимодействия коммуникативная роль слушающего, главным образом, заключается в предоставлении ответной реакции на реплику собеседника. Процесс актуализации ответной реплики проходит несколько этапов:

- 1) восприятие поступающих сведений;
- 2) анализ полученных данных;
- 3) поиск наиболее адекватного варианта интерпретации прагматической наполненности пропозиционального содержания высказывания с учётом его семантической наполненности. Факторами влияния на обозначенный процесс выступают особенности восприятия слушающим личности говорящего, динамика их межличностного взаимодействия, пространственно-темпоральный континуум, предшествующий узкий и в ряде случаев широкий контекст (в рамках которого можно обозначить воплощение в реальность предшествующего коммуникативного ожидания слушающего), а также сама коммуникативная ситуация;
- 4) реализация ответной реплики с учётом коммуникативной целеустановки слушающего, целеустановки говорящего (того варианта, каким её видит слушающий), последующего возможного развития коммуникативного взаимодействия в случае адекватной интерпретации слушающим интенции говорящего.

Теперь обратимся непосредственно к анализу целеустановок говорящего и слушающего. По мнению М. Ю. Олешкова, при описании различных видов дискурса необходимо учитывать целевое назначение речи, организация которой представляет собой последовательность речевых актов, ведущих к решению коммуникативных задач, поскольку именно в речи находит отражение интенция говорящего [138]. Т. Г. Винокур отмечает, что результат речевого взаимодействия зависит от адресата, который, реагируя определённым образом на интенцию говорящего, осуществляет свою коммуникативную роль, указывая на свою готовность к общению [51, с. 91]. В самом широком смысле интенцию участников коммуникации можно определить как стремление оказать определённое влияние на собеседника и добиться желаемого эффекта, что находит отражение в определении, предложенном Г. П. Грайсом. Он рассматривает коммуникативное намерение или интенцию как субъективное значение высказывания, при помощи которого говорящий намерен получить определённый результат при условии осознания этого намерения слушающим [134, с. 15]. Произнося высказывание, говорящий выражает своё субъективное мнение и стремится вызвать определённую реакцию у слушающего, полагая, что слушающий опознает его намерение [134, с. 137]. Интерпретируя данное определение, П. Ф. Стросон добавляет ещё одно минимальное условие для осуществления общения – желание говорящего, чтобы слушающий распознал его коммуникативное намерение побудить слушающего распознать его коммуникативное намерение побудить слушающего прийти к определённому умозаключению [134, с. 138]. Аналогичной точки зрения при изучении иллокутивных актов придерживается Дж. Сёрль и отмечает, что, совершая иллокутивный акт и употребляя слова в буквальном смысле, говорящий хочет получить определённый результат благодаря опознанию слушающим его намерения [134, с. 160]. Согласно В. Н. Куницыной, Н. В. Казариновой и В. М. Погольше [114, с. 27], можно выделить два основных вида коммуникативной интенции или целей говорящего: ближайшую цель, которая непосредственно выражается говорящим, и долговременную цель. В свою очередь, ближайшая цель в дальнейшем может быть подразделена на

интеллектуальную цель (получение информации, в том числе оценочной; выяснение позиций; поддержка мнения; развитие темы; разъяснение; критика) и цель, связанную с установлением характера отношений (развитие или прекращение коммуникации, поддержка или отвержение партнёра; побуждение к действию).

Как полагает П. Ф. Стросон, если высказывание с определённой иллокутивной силой не воспринимается слушающим как таковое, значит данный иллокутивный акт не был осуществлён. Резюмируя свои наблюдения, учёный приходит к выводу, что знание иллокутивной силы высказывания «равносильно знанию того, какой иллокутивный акт, *если таковой вообще имел место*, был реально осуществлён при произнесении этого высказывания» [134, с. 131]. Подвергая критике некоторые положения теории Дж. Остина, П. Ф. Стросон акцентирует внимание на том, что можно выделить множество случаев, в которых иллокутивная сила высказывания «не обусловлена никакими *конвенциями*, кроме тех, которые помогают приписывать высказыванию его значение» [134, с. 134].

Г. П. Грайс в своей статье «Meaning» (1957) останавливается на понятии значения, выделяя две его разновидности: естественное или объективное значение (*natural sense*) и неестественное или субъективное значение (*nonnatural sense*) [258, с. 378]. Различие между ними достаточно явно: в первом случае то, что говорящий подразумевает под *p*, эксплицируя *p*, означает, что *p* соответствует объективной действительности. Во втором случае то, что говорящий подразумевает под *p*, эксплицируя пропозицию высказывания, не означает, что *p* соответствует объективной действительности, следовательно, возможно дальнейшее толкование пропозициональной наполненности высказывания.

Таким образом, коммуникативное взаимодействие невозможно без наличия определённой коммуникативной интенции у собеседников. Чаще всего в ходе речевого взаимодействия коммуниканты придерживаются общей цели, заключающейся в достижении взаимопонимания и соглашения по поводу тех или иных вопросов. Вместе с тем каждый из них может преследовать частные субъективные цели, которые в то же время должны согласовываться с общей

целестановкой речевого взаимодействия. Коммуникативная интенция не просто отражает мысли, мотивы и потребности говорящего, но и содержит в себе желание, чтобы слушающий правильно распознал его намерение для обеспечения успешности коммуникации. Для того, чтобы запланированный эффект был достигнут, слушающий должен верно истолковать семантическую наполненность высказывания и понять, какой реакции и ответной реплики ожидает от него говорящий. Однако вследствие того, что говорящий не всегда располагает сведениями о фоновых знаниях слушающего, его интеллектуальном и социальном уровне, у собеседников не всегда наблюдается сходство образов мира, входящая информация может быть воспринята и истолкована слушающим неадекватно истинной целестановке говорящего.

Необходимо отметить, что, вовлекаясь в коммуникативный процесс, говорящий не может руководствоваться лишь собственными желаниями и потребностями. Постановка личных коммуникативных целей выше общей коммуникативной целестановки и отрицание значимости слушающего как активного субъекта коммуникации являются достаточными условиями для коммуникативной неудачи. В качестве примера коммуникативной неудачи можно рассмотреть следующий отрывок, в котором отец, не желая говорить о человеке, которого он ненавидит, умалчивает о причинах своей неприязни, не предоставляя сыну достоверную информацию, что приводит к неверному толкованию его высказывания слушающим, и к неадекватности ответного репликового шага:

Then he shouted, «I will not have that man's name mentioned in my house.»

I asked, «Why not?»

And he said, «That man is evil.»

And I said, «Does that mean he *might* have killed Wellington?»

Father put his head in his hands and said, «Jesus wept»[355].

Приведём пример успешного развёртывания диалогического единства:

«You *really* love her, don't you,» she said.

«With all my heart.» <...>

«What's your heart telling you to do?»

«I don't know.»

«*Maybe*,» she said gently, «you're trying too hard to hear it.»

The next day I was better with Jamie [367].

Благодаря пониманию говорящим эмоционального состояния слушающего, эксплицирующегося при помощи МС ЭН *really*, и совета в мягкой, ненавязчивой форме с использованием МС ЭВ *maybe* слушающий осознаёт неправильность своих действий и меняет линию своего поведения.

Коммуникативная интенция во многом обуславливает отбор и использование языковых средств говорящим, при этом она обусловлена мотивами коммуникантов, их внутренним, эмоционально-психическим состоянием. В ходе анализа примеров из современной англоязычной литературы были выделены следующие частные интенции, которые преследуют коммуниканты в процессе осуществления коммуникативного взаимодействия.

1. Побудительная коммуникативная целеустановка, предполагающая манипулирование сознанием собеседника, стремление повлиять на его чувства и желания. Побудить собеседника можно к выполнению какого-либо действия или к принятию решения, находящегося в сфере интересов говорящего. Вышеобозначенная целеустановка также может быть рассмотрена с позиции говорящего, который посредством демонстрации своего внутреннего состояния стремится изменить целеустановку слушающего.

Степень воздействия на адресата может быть различной и зависеть от намерений говорящего. Поясним на примерах: в примере (а) коммуниканты обсуждают тематику предстоящего праздника, выбирая наиболее соответствующую их представлениям о светских вечеринках. Несомненно, общая коммуникативная цель – прийти к обоюдному согласию. Говорящий, пользуясь своим высоким положением в обществе, предлагает тематику «Унесённых ветром», однако отчётливо прослеживается ненавязчивое стремление (маркеры ЭВ – МГ *might* в связке с МС *maybe*) вызвать единогласное принятие выдвинутого предложения. В примере (б) коммуникантам также необходимо прийти к своего рода соглашению, поскольку говорящий не склонен принять предложение

слушающего, так как это может привести к негативным для него последствиям. Слушающий, замечая это, прибегает к психологической уловке, чтобы переубедить собеседника. Паралингвистические средства общения (мимика при состоянии волнения, медленный темп речи, паузация) вступают во взаимодействие с чисто лингвистическими (для данного исследования интерес представляет прежде всего МГ ЭВ *might*), апеллируя к сознанию собеседника, для того, чтобы склонить его к принятию довольно спорного, с точки зрения пользы и личной безопасности, решения.

(a) «I was thinking next year we *might* do a Gone With the Wind theme for the Benefit,» Hilly says, «*maybe* rent the old Fairview Mansion?»

«What a great idea!» Lou Anne says [370].

(b) «And what thing is that? *Maybe* you just want me to tell you all this stuff so I get in trouble.»

My face is burning red. I speak slowly.

«We want to show your perspective... so people *might* understand what it's like from your side. We – we hope it *might* change some things around here» [370].

2. Аргументативно-убеждающая интенция. Данная целеустановка имеет сходство с предыдущей, однако стремление склонить собеседника к своей позиции обусловлено не личными желаниями, а совокупностью существующих в объективной действительности фактов и доказательств. Это положение может быть проиллюстрировано нижеизложенным примером, в котором аргумент и, соответственно, уверенность говорящего маркируются МГ ЭН *must*:

«He banged his head,» whispered Abel Martinson, pointing to a wound Art hadn't noticed in Carl Heine's blond hair. «*Must* have banged it against the gunnel going over» [354].

3. Целеустановка на обман. В приведённом ниже примере слушающий намеренно прибегает к сокрытию истины, чтобы не разочаровывать младшего брата. Нежелание предоставлять недостоверные сведения в совокупности с вынужденной необходимостью совершения данного действия не позволяет

слушающему оперировать МГ ЭН и обуславливает введение в речь маркера ЭВ *maybe*:

«You're going to play tennis?»

«In case the raccoon comes. You know. If it tries to attack us.»

«It's not going to attack you.»

«*Really?*» He sounded almost disappointed.

«Well, *maybe* it is a good idea,» Ronnie agreed [368].

Напротив, ситуации, в которых один из коммуникантов настойчиво стремится убедить собеседника в достоверности ложной пропозиции в целях извлечения личной выгоды, отмечены преимущественным оперированием маркеров ЭН, например:

«You do know who Miss Myrna is, don't you?»

«*Of course*. We... girls read her all the time,» I say, and again we stare at each other long enough for a distant telephone to ring three times [370].

4. Антагонистической по отношению к предшествующей целеустановке является коммуникативная интенция разоблачения. В процессе речевого взаимодействия у коммуникантов могут возникнуть сомнения относительно того, достоверную ли информацию они получают. В следующем примере МС ЭН *really* указывает на скептицизм говорящего относительно искренности собеседника, поскольку буквально пару месяцев назад слушающий придерживался противоположной точки зрения:

«I can't explain it. I got this feeling. That *maybe* things is happening just how they should.»

«*Really?*» <...>

«Lord, I'm starting to sound like you, ain't I? *Must* be getting old» [370].

В то же время в случае, если говорящий не уверен в неискренности слушающего, не обладает достаточным количеством фактов и доказательств или не хочет оскорбить его необоснованными подозрениями, сомнение может эксплицироваться модальным маркером ЭВ. В приведённом ниже примере

женщина не может поверить в то, что её служанка не умеет печь шоколадный пирог, поэтому своё удивление и недоверие маркирует МС ЭВ *maybe*:

«I don't know how to cook no chocolate pie,» I lie. <...>

«You can't? Gosh, I thought you could cook anything. *Maybe* we ought to get us a recipe» [370].

5. Коммуникативная интенция высокой оценки моральных качеств собеседника. Проиллюстрируем примером, в котором в ходе обмена репликами собеседники (парень и девушка) стремятся прийти к соглашению по поводу репетиции пьесы. Присутствие в качестве сторонних наблюдателей друзей молодого человека приводит к реализации второстепенной целеустановки у девушки, связанной с необходимостью подчеркнуть важность поступка молодого человека и охарактеризовать его как настоящего мужчину. Имея небольшое представление о том, что ценится в кругу его друзей, девушка выражает своё предположение с помощью МГ ЭВ *should*:

I know you've got a lot of lines to learn, but I'm sure you're going to get them all real soon. And I just wanted to thank you for volunteering like you did. You're a real gentleman. <...> Your friends *should* be proud of you [367].

6. Стремление одного из коммуникантов войти в доверие к другому, расположить к себе, повлиять на сложившиеся у собеседника представления о собственной личности. В следующем примере наряду с общей коммуникативной установкой коммуникантов поддержать друг друга чётко прослеживается личная интенция слушающего вызвать симпатию к себе со стороны говорящего, что маркируется МГ ЭН *must*:

«I miss my mom, too,» she said, «even though I never even knew her.»

«It *must* be hard for you,» I said sincerely. «Even though my father's a stranger to me, at least he's still around» [367].

7. Целеустановка на поддержку, приободрение, возникающая в коммуникативных ситуациях, когда один из собеседников находится в затруднительном, тяжёлом положении. Реализация данной целеустановки возможна как при помощи модальных маркеров ЭН, если говорящий уверен в

том, что положение дел нормализуется, либо ЭВ, если говорящий понимает, что, вероятнее всего, это невозможно, но вместе с тем стремится подбодрить собеседника или не хочет, чтобы он впал в панику. Проиллюстрируем примерами из ресурсов художественного текста, содержащими, соответственно, МС ЭН *certainly* и ЭВ *maybe*:

«Now stop that, Eugenia. It can't be helped.»

«But what can I... I can't just sit here and watch you...»

«You most *certainly* will not just sit here. Carlton is going to be a lawyer and you... <...> Don't think you can just let yourself go after I'm gone» [370].

«Well. *Maybe* Miss Walter didn't tell her them lies Miss Hilly started. You never know.» But even I ain't fool enough to believe this [370].

В следующем примере неудачный выбор лексической наполненности высказывания слушающим приводит лишь к усилению страха говорящего, услышавшего о возможных последствиях издания их совместной книги:

«Aibileen, do you *really* think they'd... hurt us? I mean, like what's in the papers?» <...>

«They'd beat us. They'd come out here with baseball bats. *Maybe* they won't kill us but...» [370].

8. Коммуникативная интенция «возвращения с небес на землю». В приведённом ниже примере в конфликтной ситуации каждый из коммуникантов стремится отстоять и доказать собственную точку зрения, но в ходе спора становится очевидным, что говорящий пребывает в заблуждении, которое не позволяет ему трезво оценивать положение вещей в действительности. Стремясь не обострять конфликт и не разрушать дружеские отношения, слушающий прибегает к мягкой форме выражения своей точки зрения при помощи МГ ЭВ *might*. Прагматической особенностью реализации данной интенции при общении коммуникантов, находящихся в близких или родственных отношениях, является снижение степени уверенности говорящего в достоверности пропозиции, так как осознание слушающим собственной неправоты иногда может быть весьма болезненным:

«I am about to be a politician's wife <...>. How is William ever going to get elected in Washington, D.C., one day if we have integrational friends?»

«Washington? <...> William's running for the local senate, Hilly. And he *might* not win» [370].

9. Нравственно-воспитывающая коммуникативная целеустановка, которая может быть проиллюстрирована примером, в котором, стремясь помочь молодому человеку осознать свои ошибки, девушка мягко указывает ему на необходимость вести себя так, как это подобает настоящему мужчине, вводя в оборот МГ ЭВ *might*:

«Because,» went on Nathan, «it is unpleasant to be met with a perennial glare of exasperation.»

«Not exasperation. Disappointment.»

«Worse. What is nastier for a man than to be on perpetual notice that he is a disappointment!»

«Such a man *might* undertake to behave differently» [366].

10. Последнюю интенцию, которая будет рассмотрена в данном параграфе, можно охарактеризовать как поучительную или наставническую в зависимости от личности говорящего и его позиции по отношению к слушающему. В следующем примере говорящий напоминает собеседникам, как они должны вести себя по отношению к близким людям не только в минуты их триумфа, но и в моменты неудач:

Joe said, «My mother used to buy us children chocolate when we brought a bad report card home, on the principle that we *must* need cheering up» [366].

Таким образом, наряду с общей коммуникативной интенцией собеседников было выявлено десять наиболее часто употребляемых частных целеустановок, которые в силу ряда прагматических факторов могут возникнуть в процессе обмена репликами в диалоге. Актуализации побудительной целеустановки, целеустановок на обман (в случае, если говорящий вынужденно предоставляет недостоверные сведения), разоблачение и поддержку в случаях, если говорящий сомневается в соответствии высказывания объективной действительности,

целестановок на высокую оценку моральных качеств собеседника и «возвращения с небес на землю» характерно использование модальных маркеров ЭВ. Напротив, аргументативно-убеждающая и поучительная (наставническая) интенции, интенции разоблачения и поддержки в случаях, если говорящий уверен в достоверности пропозиции высказывания, интенция вхождения в доверие и нравственно-воспитывающая целестановка чаще всего эксплицируются при помощи модальных маркеров ЭН.

Выводы по главе 2

Вторая глава посвящена описанию коммуникативно-прагматических особенностей выражения ЭМ в английском языке в рамках коммуникативной ситуации, основными компонентами которой являются коммуниканты и их коммуникативная целестановка, неверная реализации которой может привести к коммуникативной неудаче. Рассмотрение участников коммуникативного взаимодействия включает в себя анализ гендерно-возрастных особенностей коммуникантов, их социального статуса, который может быть симметричен (статус говорящего соответствует статусу слушающего) и асимметричен (положение одного из коммуникантов выше положения другого на социальной лестнице), и социальной дистанции между ними, которая, в свою очередь, может быть подразделена на нулевую, нейтральную и близкую.

Развитие языкознания на современном этапе невозможно представить в отрыве от антропоцентричности – ориентации на личность субъекта коммуникации, как творца речевого произведения. Преломление явлений и событий объективной действительности происходит под воздействием языковой личности, придающей высказыванию высокую, среднюю или низкую степень уверенности, предоставляющей слушающему достоверную или недостоверную информацию. При этом стоит подчеркнуть, что слушающий является не пассивным, а активным участником коммуникации, задача которого заключается в предоставлении ответной реплики собеседнику.

Анализ основных типов коммуникативных ситуаций, в рамках которых коммуниканты вводят в речь эпистемические модальные маркеры, показал, что в ходе развёртывания диалогов в зале суда, а также между представителями правоохранительных органов, священнослужителем со своими прихожанами или врачом с пациентами семантическая нагрузка вводимых эпистемических маркеров в большинстве случаев совпадает с реальной степенью уверенности коммуникантов. В то время как в ходе повседневного диалогического взаимодействия близких людей или на светских мероприятиях на выбор лексических и лексико-грамматических средств выражения ЭМ дополнительное влияние оказывают социальный статус и социальная дистанция между собеседниками.

Параметры для рассмотрения личности коммуникантов включают в себя их социальные характеристики (гендерно-возрастные особенности коммуникантов, их социальный статус и социальную дистанцию между ними) и ментальное состояние. Анализ гендерно-возрастных особенностей двух типов литературных персонажей (мужчины средних лет и молодой девушки) на основании ресурсов художественного текста позволил сделать вывод о том, что мужчина склонен предоставлять достоверные сведения. В случае, если он не уверен в достоверности пропозиции из-за давности произошедших событий, интуитивности предоставляемых сведений, отсутствия доказанности информации, необдуманности собственных поступков, в его речи появляются маркеры ЭВ. Мужчины меньше подвержены страху, чем девушки; последние в силу сильных отрицательных эмоций склонны завышать достоверность пропозиции. Также для девушек характерна опора на интуицию или веру в высшие силы при произнесении высказываний с семантикой ЭН. В то же время предположение говорящих в обоих случаях отмечено маркерами ЭВ. В целом, можно прийти к выводу, что зрелые мужчины чаще предоставляют достоверные сведения, чем девушки, которые способны исказить достоверность высказывания из-за возрастных и личностных особенностей.

Влияние социального статуса и социальной дистанции между собеседниками на выбор маркеров ЭМ проявляется в следующем: при равном социальном статусе коммуниканты чаще всего предоставляют достоверные сведения, при этом неуверенность в достоверности пропозиции отмечена маркерами ЭВ, а уверенность – ЭН. Вместе с тем близкие отношения между собеседниками способствуют искажению достоверности пропозиции в случаях, если говорящий хочет подбодрить слушающего, вселить в него надежду, либо навязать ему свою точку зрения. Если социальный статус говорящего выше статуса собеседника, возможны различные варианты: при нулевых отношениях отмечено использование маркеров ЭН; нейтральные и близкие отношения характеризуются использованием МС и МГ как с семантикой необходимости, так и возможности в зависимости от ситуации речевого взаимодействия. И, наконец, в ситуациях, в которых социальный статус говорящего ниже статуса слушающего, могут использоваться маркеры ЭВ вследствие отношений субординации.

Результаты рассмотрения трёх уровней проявления ментальных состояний, эмоционального, когнитивного и социального, у героев произведений (подростка-аутиста, умственно отсталого молодого человека и психически здоровых и стабильных людей) представляется возможным сформулировать следующим образом: наличие сильных положительных или отрицательных эмоций искажает достоверность пропозиции у всех героев, поскольку они не могут объективно оценивать происходящие события, при этом отрицательные эмоции чаще отмечаются использованием маркеров ЭН. На когнитивном уровне проявления ментальных состояний наблюдается тенденция к экспликации достоверных суждений либо же к введению маркеров ЭВ в случае, если говорящий сомневается в своей правоте. На социальном уровне функционирование маркеров ЭВ объясняется межличностными взаимоотношениями между коммуникантами (субординация, нежелание задеть собеседника), в то время как средства выражения ЭН реализуют цель убеждения собеседника в достоверности собственной точки зрения.

Основной интенцией коммуникантов является стремление к достижению взаимопонимания и соглашения по поводу тех или иных вопросов. Особенности языковой реализации выделенных в исследовании частных коммуникативных целеустановок являются следующие: побудительная целеустановка, целеустановки на обман, «возвращение с небес на землю» и стремление дать высокую оценку моральным качествам собеседника отмечены частым использованием маркеров ЭВ, в то время как аргументативно-убеждающая, поучительная / наставническая интенции, нравственно-воспитывающая целеустановка, интенции вхождения в доверие к собеседнику, расположения к себе чаще эксплицируются при помощи МС и МГ ЭН. Интенции разоблачения и поддержки в случаях, если говорящий уверен в достоверности пропозиции высказывания, эксплицируются при помощи модальных маркеров ЭН, если же говорящий не уверен в достоверности предоставляемых сведений – ЭВ.

В последней главе настоящего исследования будут рассмотрены коммуникативные стратегии и тактики при выражении ЭМ, а также случаи искажения достоверности информации в коммуникативных ситуациях с эпистемической семантикой, влияющие на успешное осуществление коммуникативной интенции собеседников, направленной на достижение определённого перлокутивного эффекта.

Глава 3. Успешность коммуникативного взаимодействия собеседников в коммуникативных ситуациях с эпистемической семантикой

3.1 Вводные замечания

Слушающий, наряду с говорящим, является активным участником коммуникативного взаимодействия, поэтому говорящим должны учитываться не только собственные мотивы и желания, но и фактор адресата, отрицание значимой роли которого может привести к коммуникативной неудаче. Коммуникативные неудачи являются результатом спонтанности диалогической речи, в рамках которой проявляется неспособность коммуникантов ясно и чётко выразить свои мысли, распознать коммуникативные интенции друг друга, нежелание слушать и слышать и, как следствие, невозможность корректно проинтерпретировать речевое послание собеседника и адекватно на него отреагировать.

Коммуникативную неудачу вслед за Е. А. Земской и О. Н. Ермаковой мы трактуем как «полное или частичное непонимание высказывания» слушающим, в результате которого не реализуется коммуникативная интенция говорящего, а также «возникающий в процессе общения не предусмотренный говорящим нежелательный эмоциональный эффект: обида, раздражение, изумление» [77, с. 31]. Результатом коммуникативной неудачи может быть как непредусмотренная говорящим ответная реакция слушающего (достижение незапланированного перлокутивного эффекта), так и её полное отсутствие. Изучению причин коммуникативных неудач посвящены статьи отмеченных выше Е. А. Земской и О. Н. Ермаковой (1993), а также Б. Ю. Городецкого, И. М. Кобозевой, И. Г. Сабуровой (1985), Б. А. Гудмана (1989), Н. И. Формановской (2002), Е. В. Сморгонской (2008), С. Е. Бугровой (2012), А. Ю. Серебряковой (2013), Е. А. Поповой (2014), А. Мустайоки (2015) и других.

Условиями осуществления успешной коммуникации являются заинтересованность обоих собеседников в общении, настроенность собеседников

на внутренний мир друг друга, отсутствие вторжения в личное пространство, правильная интерпретация слушающим коммуникативной интенции говорящего, одинаковые пресуппозиции, подготовленность речи, способность коммуникантов варьировать лексическое наполнение своей речи, правильный выбор коммуникативных стратегий и тактик их реализации, психологический комфорт ситуации общения, доброжелательность, уважительность и благожелательность коммуникантов по отношению друг к другу, нейтральное эмоциональное состояние коммуникантов, соблюдение принципа Кооперации Г. П. Грайса, принципа Вежливости Дж. Лича и кодекса речевого поведения Т. В. Шмелёвой, кооперативность и другие.

Следующие параграфы будут посвящены рассмотрению коммуникативных стратегий и тактик, способствующих успешному достижению запланированного перлокутивного эффекта высказываний с эпистемической семантикой, а также искажению достоверности информации как основной причине неуспешной коммуникации.

3.2 Коммуникативные стратегии и тактики коммуникантов как один из основных прагматических факторов, влияющих на выбор средств выражения эпистемической модальности

3.2.1 Понятие стратегии и тактики в современной лингвистике

В рамках неконфликтного речевого взаимодействия общей интенцией партнеров по коммуникации является передача в ходе построения диалога тех или иных сведений об объектах реальной действительности без значительного искажения их достоверности. Передача такого рода способствует формированию объективного представления о получаемых данных, и последующему оказанию влияния на восприятие слушающего, достижению соглашения и взаимопонимания. Данная интенция реализуется при помощи стратегии коммуникативной комфортности, оказывающей влияние на создание

дружелюбной и эмоционально стабильной, психологически комфортной атмосферы, способствующей возникновению у коммуникантов желания продолжать общение. Стоит подчеркнуть, что собственная интенция в большинстве случаев осознаётся коммуникантами и даёт возможность прогнозировать результат речевого взаимодействия и выбирать соответствующие стратегии и тактики.

В настоящее время коммуникативные стратегии и тактики остаются предметом исследования не только коммуникативной лингвистики, но и лингвистической прагматики, психолингвистики, социолингвистики. Интерес исследователей обусловлен отсутствием единого определения данных понятий, а также общепринятой классификации стратегий и тактик, реализуемых в рамках того или иного дискурса. С точки зрения О. С. Иссерс, это связано, в первую очередь, с разнообразием коммуникативных ситуаций [88, с. 105]. В разных источниках можно найти термины «коммуникативная стратегия / тактика» (В. П. Зернецкий, Е. В. Ключев, Н. И. Формановская, И. А. Стернин, М. Ю. Олешков, Т. Е. Янко), «речевая стратегия» (С. А. Сухих, О. С. Иссерс, О. Я. Гойхман и Т. М. Надеина, О. Н. Паршина, А. П. Сковородников), «дискурсивная стратегия» (диссертационные исследования Л. А. Фирстовой, П. М. Дайнеко, Г. В. Димовой). При этом необходимо отметить, что выделение одних коммуникативных явлений в качестве стратегий, а других – в качестве тактик является достаточно субъективным и основывается на особенностях дискурса в целом и ситуации общения в частности.

В широком смысле коммуникативную стратегию можно определить как общее представление коммуникантов о средствах достижения их коммуникативного намерения, в соответствии с которым осуществляется организация и корректировка их речевого поведения и речевых действий. Стоит отметить, что на выбор коммуникативной стратегии оказывает влияние не только ситуация общения и личность говорящего, но также и личность слушающего, так называемый фактор адресата, учитывающий особенности аудитории, на которую оказывается речевое воздействие, личностные характеристики адресата,

социальное положение и дистанция, межличностные отношения между коммуникантами и так далее. Благодаря наличию фактора адресата, общение приобретает интерактивный характер, поскольку адресат, являясь активным реципиентом поступающей извне информации, не только воспринимает, но и интерпретирует её, на основе этого выстраивая линию своего речевого поведения и реализуя собственные стратегии и тактики в зависимости от ситуации общения. Говоря о речевых тактиках, О. Я. Гойхман и Т. М. Надеина указывают на то, что они варьируются в зависимости от той социальной группы, на которую оказывается воздействие, и представляют собой речевые приёмы, позволяющие достичь поставленных целей в конкретной ситуации [60, с. 145]. Учёт фактора адресата во многом предопределяет успешность протекания речевого взаимодействия, реализацию коммуникативного намерения собеседников и выбор адекватных ситуации стратегий и тактик, а также языковых средств их реализации. Правильный выбор коммуникативной стратегии и тактики позволяет манипулировать сознанием собеседника на когнитивном, эмоционально-психологическом и интеллектуальном уровнях, «подталкивая» его к проявлению необходимой для говорящего реакции и совершению коммуникативного хода, соответствующего представлениям говорящего о желаемом развёртывании коммуникативного взаимодействия. Коммуникативный ход определяется Т. А. ван Дейком как функциональная единица последовательности действий, которая способствует решению локальной или глобальной задачи под контролем стратегии [44, с. 274].

О. Я. Гойхман и Т. М. Надеина описывают речевую стратегию как воздействие на собеседника для достижения коммуникативного намерения при осознании коммуникативной ситуации и определении направления её развития [60, с. 145]. Т. А. ван Дейк рассматривает стратегию как характеристику когнитивного плана общения, которая контролирует оптимальное решение системы задач и характеризуется гибкостью и управляемостью в условиях недостатка информации об ответных коммуникативных действиях собеседника и собственных действиях говорящего, определяемых локальными

контекстуальными ограничениями [44, с. 274]. На наш взгляд, определение, предложенное А. П. Сковородниковым, обобщает вышеизложенные; в его трактовке речевая стратегия – это «общий план или «вектор» речевого поведения», представляющий собой систему поэтапных речевых действий; «линия речевого поведения», соответствующая коммуникативной ситуации и направленная на достижение определённой коммуникативной цели в ходе речевого взаимодействия [181, с. 6]. Стратегия представляет собой последовательность действий, способствующих максимально успешному осуществлению интенции (-ий) коммуникантов, и характеризуется выбором, накладываемым особенностями ситуации общения, в первую очередь, невозможностью с точностью спрогнозировать реакцию партнера, его коммуникативное поведение и будущие ходы, а также то направление, в котором продолжит развёртываться диалог после ответной реплики слушающего. Следовательно, задачей говорящего является максимальная адаптация к изменяющимся условиям ситуации общения с целью нахождения оптимальной альтернативы предусмотренным заранее коммуникативным стратегиям и тактикам. Выбор осуществляется в зависимости от предварительного «образа» развёртывания диалога в сознании участников общения, от результативности предшествующей стратегии, от полученных и ожидаемых ответных реплик собеседника и корректируется на каждом этапе коммуникативного взаимодействия. Я. Т. Рытникова рассматривает коммуникативную стратегию как основную задачу, генеральную интенцию в рамках коммуникативного процесса [162, с. 94]. Под тактикой понимается одна из последовательно решаемых задач в границах определённой стратегической линии. И. Н. Борисова разграничивает понятия интенции и стратегии, обозначая коммуникативную стратегию как способ организации речевого поведения в соответствии с замыслом, интенцией коммуниканта. В широком смысле она может быть определена как сверхзадача речи, диктуемая практическими целями говорящего, и «предполагает отбор фактов и их подачу в определённом освещении с целью воздействия на интеллектуальную, волевою и эмоциональную сферу адресата». Под речевыми

тактиками И. Н. Борисова понимает средство реализации коммуникативных стратегий, «динамическое использование коммуникантами речевых умений построения диалога». В рамках своего исследования она выделяет два основных типа коммуникативных стратегий в диалогах: осознанные стратегии, поддающиеся рефлексивному выявлению и связанные преимущественно с достижением предметно-практической или социально-практической цели, а также подсознательные стратегии, не определяемые обдуманном планом, рациональным замыслом, а заданные общей установкой [37]. Схожей точки зрения на определение коммуникативной стратегии придерживается И. А. Стернин, характеризуя её как общие стереотипы построения коммуникативного воздействия, зависящие от личности коммуникантов, их коммуникативной интенции и условий общения [186, с. 11]. Выбор коммуникативной тактики тесно связан с наличием обратной связи, то есть поступающих внешних сведений о том, какой эффект производит на слушающего оказываемое на него речевое воздействие, вследствие которого в ходе реализации коммуникативной стратегии говорящего может происходить смена тактик, что будет способствовать наиболее успешному достижению поставленной интенции.

О. С. Иссерс рассматривает речевую стратегию как «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативных целей» [88, с. 54], при этом принимая во внимание важную роль таких прагматических факторов, как условия общения и личность участников речевого взаимодействия, которые оказывают непосредственное влияние на то, какие коммуникативные результаты ожидаются, и какие действия коммуниканты осуществляют для достижения своих коммуникативных планов, являющихся показателем планирования речевой деятельности. Анализируя теорию деятельности А. Н. Леонтьева и сопоставляя её с речевым общением, автор также отмечает, что движущей силой речевой деятельности выступает наличие определённого мотива. Грамотное истолкование мотива речевого действия собеседника позволяет организовать речевое общение в соответствии с принципом сотрудничества и прийти к взаимопониманию. Следовательно, в основе механизма речевых стратегий лежат мотивы,

потребности, целеустановки и способы их достижения говорящим и слушающим [88, с. 58]. Под речевой тактикой О. С. Иссерс понимает одно или несколько действий, реализующих стратегию [88, с. 110].

Как видим, понятия коммуникативной и речевой стратегии и тактики в интерпретации различных лингвистов являются тождественными. Общим во всех определениях стратегии можно отметить указание на наличие некой генеральной интенции коммуникантов, инструментом достижения которой выступает последовательность речевых действий. Следовательно, коммуникативная стратегия – это теоретический план, включающий в себя совокупность определённых коммуникативных (речевых) действий, оказывающих речевое воздействие на слушающего и строящихся в рамках основной коммуникативной интенции говорящего с учётом прагматических факторов. Под коммуникативной тактикой будут пониматься практические действия, предпринимаемые говорящим в ходе реализации коммуникативной стратегии.

Выбор наиболее эффективных коммуникативных стратегий и тактик их осуществления, их корректировка в процессе развёртывания речевого взаимодействия, а также использование адекватных стилистических и языковых средств обусловлены ситуацией и правилами речевого общения, этикетностью речи, и свидетельствуют о сформированности не только коммуникативной, но и прагматической компетенции говорящего, способного адаптироваться к изменяющейся ситуации общения.

В связи с наличием или отсутствием установки на кооперацию О. С. Иссерс выделяет два основных типа речевых стратегий: кооперативные и некооперативные (конфронтационные) [88, с. 70]. Стоит подчеркнуть, что первые максимально учитывают не только интересы говорящего, но и интересы слушающего, в то время как последние ориентированы лишь на интересы говорящего и не учитывают принцип сотрудничества и категорию вежливости. С точки зрения «глобальности» О. С. Иссерс различают общие (которые в свою очередь делятся на основные (семантические, когнитивные) и вспомогательные (прагматические, диалоговые, риторические) и частные стратегии [88, с. 105].

Выбор коммуникативных стратегий и тактик, а также языковых средств их выражения определяется совокупностью прагматических факторов, обуславливающих ситуацию общения. Неверное прогнозирование ситуации общения может привести к ошибочному выбору коммуникативной стратегии и сопутствующих тактик, в результате этого может произойти коммуникативная неудача. В числе стратегий, необходимых для понимания связного текста, Т. А. ван Дейк и В. Кинч выделяют стилистические стратегии, при помощи которых коммуниканты производят выбор между альтернативными способами выражения схожих значений, при этом важную роль играет широкий контекст (тип ситуации, уровень неформальности общения, типы участников и характер общих целей) [43, с. 170]. В зависимости от выбранных говорящим языковых средств у слушающего будет изменяться модель мира, представление о говорящем, его личностном отношении к слушающему, особенностях социальных отношений между ними и так далее. В следующем параграфе будут подробно рассмотрены коммуникативные стратегии и тактики, определяющие выбор маркера ЭМ.

3.2.2 Коммуникативные стратегии и тактики, реализующие эпистемическую необходимость и эпистемическую возможность

В ходе исследования были проанализированы коммуникативные ситуации, имеющие отношение к ЭМ и содержащие лексические и лексико-грамматические маркеры ЭН и ЭВ. Полученные результаты позволяют выделить несколько коммуникативных стратегий и тактик: к кооперативным коммуникативным стратегиям можно отнести стратегии искренности, доброжелательности, позитивной самопрезентации, создания атмосферы эмоционально-психологического комфорта; к некооперативным (конфронтационным) – стратегии неискренности, манипулирования, создания атмосферы эмоционально-психологического дискомфорта, дискредитации; стратегия мистификации выступает чем-то пограничным, так как коммуникант не идет на открытый конфликт, однако и не стремится к сотрудничеству. Остановимся более подробно

на данных стратегиях и тактиках их реализации с обращением к ресурсам художественного текста.

1. Коммуникативная стратегия искренности, при которой говорящий стремится предоставить достоверные сведения, может быть представлена следующими тактиками:

а) аргументирующая тактика: говорящий убеждает слушающего при помощи аргументов, научно-доказанных фактов, доказательств. Это может быть продемонстрировано в следующем примере с использованием МС ЭВ *maybe* и ЭН *absolutely*, подчёркивающих уверенность автора о количестве прошедших часов:

«What about three? Or four, Horace? What about twenty-four?»

«Twenty-four is out of the question. The wound was fresh, Nels. Four hours – *maybe*, at the outside. No more than four, *absolutely*» [354].

б) тактика приведения примера:

«Mr. Gillanders. <...> I want you to ponder this matter of murder – of first-degree murder, premeditated. Of planning to kill someone in advance of the fact, then executing the following strategy: approaching your victim while he fished at sea, tying up to his boat against his will, leaping aboard, and hitting him in the head with the butt of a fishing gaff. <...> Is this the plan a fisherman would make if he wanted to kill someone?» <...>

«That, Mr. Gudmundsson, would be the most cockeyed procedure imaginable. *Absolutely* the most cockeyed, see. If one fellow wanted to kill another he could find a way less foolhardy and dangerous, I guess you'd have to say» [354].

В данном примере адвокат приводит возможный вариант развития событий, тем самым помогая свидетелю прийти к выводу, что спланированное таким образом преступление было слишком опасно, поэтому оно является крайне маловероятным; это маркируется МС ЭН *absolutely*.

в) тактика апелляции к «достоверности» / логике:

«With all those lights drawing, sheriff? Batteries still strong?»

«*Must* have been. Because she started with no trouble» [354].

Несмотря на то, что включённый свет должен был снизить заряд аккумулятора на судне, слушающий приводит неопровержимое логическое доказательство (эксплицируя это МГ ЭН *must*) того, что батареи имели необходимое количество энергии: двигатель сразу завели.

г) тактика апелляции к авторитету используется, если собственного авторитета говорящего недостаточно для того, чтобы убедить собеседника, при этом ссылка может быть:

– на достоверный и известный адресату источник:

Missus Stein said somebody *must*'ve felt sorry for us in the Harper and Row publicity department and made some calls. She said we're the first book she's handled with a publicity budget of zero [370].

– на реального человека, авторитетное лицо:

This final wish, I must admit to myself, is not something I can readily count on, for if I do not pass on in the next ten years I will *certainly* do so in the next twenty. My life is drawing to a close. <...> I say this because as an older man I am prone to ponder matters in the light of death in a way that you are not [354].

д) тактика усиления категоричности высказывания, при которой собеседник использует маркеры ЭН, чтобы подчеркнуть высокую степень уверенности в достоверности собственных суждений:

«But you're a waiter,» he said slowly. «And you peel the vegetables for dinner. How can you be a doctor too?»

«Young man,» said Pavel <...>, «I *certainly* am a doctor. Just because a man glances up at the sky at night does not make him an astronomer, you know» [348].

2. Коммуникативная стратегия неискренности используется тогда, когда говорящий стремится предоставить недостоверные или ложные сведения. Данная стратегия раскрывается при помощи таких тактик, как:

а) тактика лжи. В приведённом ниже примере говорящий знает, что его обучение не принесёт ему положительных результатов, однако стремление утешить и обнадёжить сестру меняет семантику отрицания на семантику предположения, что маркируется МС ЭВ *maybe*:

«It's not forever, Jutta. Two years, *maybe*. Half the boys who get admitted don't manage to graduate. But *maybe* I'll learn something; *maybe* they'll teach me to be a proper engineer. *Maybe* I can learn to fly an airplane, like little Siegfried says. Don't shake your head, we've always wanted to see the inside of an airplane, haven't we? I'll fly us west, you and me, Frau Elena too if she wants. Or we could take a train. <...> *Maybe* we could ride all the way to Paris.»

«Don't tell lies. Lie to yourself, Werner, but don't lie to me» [350].

б) тактика отвлечения. В следующем примере женщина, не желая отвечать на вопросы, связанные с её мужем, отвлекает внимание собеседника вопросом о том, как он оценивает происходящую ситуацию, вводя в речь МГ ЭН *must*:

«Does he need something?»

«I don't care.»

«But he's your husband, and I think he needs something.» <...> I asked her what she was feeling, because that's what he would ask.

«You *must* think this is very unusual,» she said.

«I think a lot of things are very unusual,» I said [351].

в) тактика уклонения / смены темы:

«And isn't it kind of expensive, carting all this tin across the world to Ethiopia?» Mary Joline asks. «Doesn't it make more sense just to send them a check?»

«You cannot give these tribal people money, Mary Joline. <...> how would we know if they're even feeding their kids with it? They're *likely* to go to the local voodoo tent and get a satanic tattoo with our money» [370].

Понимая, что собеседница права, но не желая признавать данный факт, героиня переводит тему разговора с прямой отправки чека голодным детям в Эфиопии на то, что их родители на эти деньги будут делать себе татуировки.

г) тактика контратаки:

«Mother <...> did you fire Constantine?»

«Did I ... what? <...> Eugenia, I told you, her sister was sick so she went up to Chicago to live with her people. Why? Who told you different?» <...>

«I heard it this afternoon. In town.»

«Who would talk about such a thing? <...> It *must*'ve been one of the other Nigras» [370].

Уличённая во лжи, женщина меняет свою роль с обвиняемого на обвиняющего, заставляя дочь признаться, кто из афроамериканцев рассказал дочери правду, вводя в речь МГ ЭН *must*.

3. В коммуникативной стратегии манипулирования, характеризующейся желанием говорящего добиться необходимой для него ответной реплики от слушающего, можно выделить две группы коммуникативных тактик с точки зрения эмоционального воздействия.

1) позитивные и нейтральные тактики:

а) тактика апелляции к нравственности, совести адресата:

«I want them back, Hilly. You took them and they don't belong to you.»

«*Of course* I took them. You have no business carrying around something like that. What if somebody saw those things? <...> You know well as I do, people won't buy so much as a slice of pound cake from an organization that harbors racial integrationists!» [370]

Преследуя личные цели, слушающий в то же время стремится защитить собеседника от возможных последствий защиты прав афроамериканцев в небольшом американском городе в 60-е годы XX века, маркируя уверенность в своей правоте МС ЭН *of course*.

б) провокационная тактика. В приведённом ниже примере прокурор, желая добиться от свидетеля необходимых показаний, намеренно задаёт провокационные вопросы, давая понять при помощи МГ ЭВ *would* и МС ЭВ *perhaps* то, как поступил бы среднестатистический человек на месте свидетеля:

Why didn't you tell anyone? It seems like the sort of thing that *would* constitute news. It would seem you might tell your mother, for example, or your sisters, *perhaps* – someone [354].

в) тактика намека. В следующем примере путём ненавязчивых вопросов и использования МС ЭВ *probably* адвокат намекает свидетелю о том, что обвинение его подзащитного поспешно, следовательно, может быть ошибочным:

Does this seem odd to you? If this fishing gaff were in fact used to inflict a head wound, would you not expect to see evidence of that? In the shape of, say, strands of hair? Or bits of skull bone? Or particles of scalp? <...> Because, as you've said, one of every ten Caucasian males has blood of the B positive type, don't they? And on an island like this one that means, *probably*, two hundred men, doctor? Would that be about right? [354]

г) тактика разоблачения, которая предполагает использование модальных маркеров ЭН, так как коммуникант, желая выяснить правду, чаще всего напрямую выражает свою точку зрения, подчёркивая знание того, что ему предоставляют недостоверные сведения:

«Good soil. Good rain. Sunshine. Six children.»

«There *must* be a secret you're not mentioning. I've tried growing strawberries myself, a few times, and with most of the same ingredients.» <...>

«More children, yes, that is the secret. That is important, Mr. Chambers» [354].

д) тактика убеждения, которая также отмечена преобладающим использованием маркеров ЭН, так как уверенность говорящего оказывает психологический эффект на слушающего, заставляя задуматься над своими умозаключениями:

«That's the same thing. It's forever.»

«There's a shore somewhere right now where the tide is up. And that's the end of the ocean.»

«It doesn't end. It meets another one and pretty soon the water is back and it all mixes together.»

«Oceans don't mix. They're different temperatures. They have different amounts of salt.»

«They mix underneath. It's all *really* just one ocean» [354].

е) тактика совета чаще всего реализуется при помощи эпистемических маркеров с семантикой возможности, так как задача говорящего – не навязывать своё мнение, а в некатегоричной форме указать собеседнику, как ему лучше поступить, например:

«You've sweat clean through your shirt.»

«Oh, that? <...> I just sweat a lot sometimes.»

«*Maybe* you should have it checked by a doctor» [367].

ж) тактика уговоров. В приведённом ниже примере женщина, пытаясь убедить слушающего, сначала прибегает к помощи МС ЭВ *perhaps* и *maybe*, но, замечая, что её слова не оказывают необходимого перлокутивного эффекта, вводит в речь МС ЭН *obviously*:

«*Perhaps* it would be best not to talk about these things, Christopher.»

And I asked, «Why not?»

And she said, «Because <...> *maybe* your father is right and you shouldn't go around asking questions about this.»

And I asked, «Why?»

And she said, «Because *obviously* he is going to find it quite upsetting» [355].

з) тактика неожиданности. В следующем примере, отмеченном использованием МС ЭН *actually* и МГ ЭВ *would*, слушающий застаёт говорящего врасплох своей ответной репликой, заставляя в дальнейшем сменить коммуникативную тактику:

«We'd been dating since we were fifteen. You know how it is, when you've been steady with somebody that long.» <...>

«*Actually*, I *wouldn't* know. I've never dated anybody» [370].

и) тактика предостережения о возможных негативных последствиях предполагает использование маркеров ЭВ, поскольку никогда невозможно сказать наверняка, к чему приведёт человека то или иное действие, как оно отразится на его жизни:

And she said, «*Perhaps* you should be talking to your father about this.»

And I explained that I couldn't ask my father because the investigation was a secret because he had told me to stay out of other people's business.

She said, «Well, *maybe* he has a point, Christopher.»

And I said, «So, you don't know anything which *might* be a clue.»

And she said, «No,» and then she said, «You be careful, young man» [355].

к) статусно-ролевая тактика:

– игра на понижение:

Are you sure I have to? I was thinking *maybe* we could wait [370].

Здесь стоит отметить, что при соотношении социальных статусов собеседников в виде «говорящий > слушающий», говорящему свойственно использовать в своей речи языковые средства реализации ЭН. Однако в случае доверительных, уважительных отношений между коммуникантами может наблюдаться замена семантики необходимости (прямой приказ) на семантику возможности (просьба) – это иллюстрируется приведённым выше примером. В коммуникативных ситуациях, в которых социальные статусы распределяются как «говорящий < слушающий», речь говорящего характеризуется МС и МГ с семантикой возможности, например:

– игра на повышение:

«*Maybe* you ought to go make some friends» [370].

2) негативные тактики:

а) тактика запугивания, которая в зависимости от того, является ли целью говорящего действительно запугать или только припугнуть / зло подшутить, маркируется соответственно языковыми средствами с модальной семантикой необходимости или возможности:

The first voice is suddenly right beside her ear. «They're mad for blind girls, you know.» <...>

Someone else says, «They'll *probably* take the blind girls before they take the gimps» [350].

б) тактика угрозы всегда выражается модальными маркерами ЭН, указывая на серьёзность намерений говорящего:

«I am here to inform your mother of what you've done.»

«You're going to tell my mother on me?»

«I most *certainly* am» [370].

4. Коммуникативная стратегия доброжелательности, направленная на выражение вежливости, дружелюбного, уважительного отношения говорящего к слушающему, может быть представлена приведёнными ниже тактиками:

а) тактика одобрения:

«You did *really* well today,» she said. «With your lines, I mean.»

«Thanks,» I said, feeling proud and dejected at exactly the same time [367].

В приведённом выше примере с использованием МС ЭН *really* девушка выражает своё одобрение и восхищение стараниям и успехам молодого человека на репетициях.

б) тактика похвалы, которая может выражаться как модальными маркерами ЭВ, так и ЭН, в зависимости от значимости и объёма проделанной работы собеседника:

«Well, you did *really* well this week at rehearsals,» she said to me [367].

в) тактика комплимента предполагает лестный отзыв говорящего о ком-либо. Данную тактику можно проиллюстрировать примером, в котором женщина благожелательно отзывается о кулинарных талантах подруги:

Minnie near bout the best cook in Hinds County, *maybe* even all a Mississippi [370].

г) тактика снижения категоричности высказывания чаще всего встречается в ситуациях общения, в которых коммуниканты находятся в близких, дружественных или родственных отношениях, вследствие этого, как видим в приведённом ниже примере, прослеживается желание не обидеть, не оскорбить, не задеть категоричностью своего суждения, эксплицируемое модальными маркерами ЭВ:

«But all those rehearsals... those long days... *maybe* you shouldn't have—»

«*Maybe,*» she said, reaching for my hand and cutting me off. «Doing the play was the thing that kept me healthy for so long» [367].

5. Коммуникативная стратегия позитивной самопрезентации, находящая отражение в ситуациях, в которых говорящий хочет произвести на аудиторию

максимально положительное впечатление о себе или изменить её представление о собственном образе в лучшую сторону, выражается при помощи:

а) тактики самооправдания:

He's a good person, Mother, you know his family, he's *really* a very good person. But none of that matters, does it? I wanted to tell him it was over, Mother, but I was leaving... it was all confused, I couldn't get the words out, and, besides, I didn't *really* know what I felt. I was confused [354].

В приведённом выше примере желание говорящего оправдать свои нелогичные действия эксплицируется МС ЭН *really*.

б) тактики самозащиты, предполагающей приведение определённых доводов, которые смогут оправдать поведение говорящего и изменить точку зрения собеседника, чаще с использованием маркеров с семантикой ЭВ. В следующем примере, отмеченном введением в пропозицию МГ ЭВ *would* и МС ЭВ *probably*, женщина описывает ужасные условия, в которых находился её ребёнок в лечебном заведении, пытаясь объяснить своё решение забрать мальчика обратно домой:

She said, «He *would* have been dead in a few months. Weeks, *probably*.»

<...>

He said deliberately, «I thought that was the idea» [360].

в) тактика извинения направлена на восстановление доброжелательных отношений между коммуникантами, возвращение утраченного доверия и уважения и чаще всего выражается при помощи маркеров ЭН:

«I'm *really* sorry,» Blaze continued in a low voice. «I never should have put those things in your bag» [368].

6. Коммуникативная стратегия создания атмосферы эмоционально-психологического комфорта, которая способствует снятию психологического напряжения у слушающего и поддержанию дружелюбной атмосферы, представлена тактикой юмора. В приведённом ниже примере молодой человек в шуточной форме доводит до сведения девушки, что, если её родители узнают об их отношениях, это приведёт к неблагоприятным последствиям. МС ЭВ *probably*

указывает не на реальную вероятность убийства, а на опасения и страх говорящего, в то же время на его нежелание покончить со сложившейся ситуацией:

If they knew we were out here in this tree together... <...> Your father'd *probably* kill me with a machete. He'd slice me into little pieces» [354].

7. Коммуникативная стратегия создания эмоционально-психологического дискомфорта, напротив, используется для усиления напряжённой атмосферы общения и может быть реализована при помощи коммуникативной тактики иронии / сарказма, проиллюстрированной следующим примером с введённым в пропозицию маркером ЭВ *might*, эксплицирующим ироничное отношение говорящего к способам, при помощи которых его собеседник стремился привлечь внимание понравившейся ему девушки:

«I could tell that she felt embarrassed.»

«I was just trying to be nice.»

«You *might* have tried too hard» [351].

8. Коммуникативная стратегия дискредитации выражается в стремлении говорящего зародить сомнения в достоверности высказываний слушающего, снизить его авторитет, умалить достоинства в глазах окружающих и реализуется посредством:

а) тактики сомнения, которая отмечена использованием языковых средств, выражающих ЭВ, если говорящий сомневается в собственных суждениях, либо ЭН, если говорящий сомневается в достоверности суждений слушающего, например:

But after her, you *really* think other maids will talk to you? [370]

б) тактики критики:

«How's your mama? <...> She get settled in the home alright?»

«I guess. <...> *Of course* she doesn't appreciate a thing I do. I had to fire that maid for her, caught her trying to steal the damn silver right under my nose» [370].

В данном примере девушка пытается перенести вину за то, что её мать оказалась в доме для престарелых, на саму женщину и обвиняет мать, которая никогда не ценила того, что дочь для неё делала, вводя в речь МС ЭН *of course*.

в) тактики обвинения:

Maybe you just want me to tell you all this stuff so I get in trouble [370].

Использование в данном примере МС ЭВ *maybe* обусловлено, во-первых, нижестоящим положением женщины на социальной лестнице, во-вторых, её неуверенностью в достоверности собственных обвинений.

г) тактики упрёка, чаще маркируемой семантикой ЭВ, так как основная задача говорящего не обидеть или оскорбить собеседника, а в мягкой форме помочь ему переосмыслить своё поведение или действия. В следующем примере при помощи МС ЭВ *perhaps* учитель доводит до сведения ученика, что его самооценка слишком завышена и не соответствует реальному положению и значимости мальчика в обществе:

Perhaps you believe you are somebody now? Somebody of importance? [350]

д) тактики оскорбления / издёвки, которая, напротив, эксплицирует семантику необходимости, поскольку целью собеседника является унижение, принижение собеседника в глазах общества:

«Sounds like a ploy to me, to find a husband. Becoming an expert on keeping house.»

«Well, you *must* be a genius. You've figured out my whole scheme» [370].

9. Коммуникативная стратегия мистификации применяется в тех случаях, когда говорящий вводит в заблуждение слушающего, намеренно искажая положение дел в объективной действительности, преследуя собственные цели. Данная стратегия находит отражение в тактике маскировки (говорящий «примеряет» на себя роль «незнайки», стремясь избежать неприятного или нежелательного разговора). В приведённом ниже примере женщина ссылается на свою забывчивость, маркируя это МГ ЭН *must*, не желая предоставлять говорящему сведения, способные привести к опасным для её жизни последствиям:

«Aibileen. <...> You *really* think Constantine was fired?» But Aibileen's face has gone blank as the blue sky.

«I *must* be misremembering» [370].

Рассмотрев вышеизложенное, представляется возможным прийти к нескольким выводам. Можно заметить, что каждая коммуникативная стратегия и соответствующие тактики реализуются при помощи определённых языковых средств. Так, стратегия искренности отмечена преобладанием модальных маркеров ЭН, в то время как стратегия неискренности, наоборот – маркерами ЭВ в случаях, когда говорящий использует ложь во благо или для самозащиты. В стратегии манипулирования чаще встречаются маркеры ЭВ; это объясняется тем, что прямому воздействию слушающий, вероятнее всего, не подчинится. В противоположность этому стратегия дискредитации реализуется при помощи модальных маркеров ЭН, так как говорящий преследует цель максимально снизить авторитет слушающего в глазах окружающих. Как видно из примеров, в остальных коммуникативных стратегиях и тактиках чаще фигурируют языковые средства выражения ЭВ, свидетельствующие о желании говорящего снизить силу своего речевого воздействия. Стоит подчеркнуть, что различные прагматические факторы оказывают влияние на выбор эпистемических маркеров, например, стратегия создания эмоционально-психологического дискомфорта в зависимости от межличностных отношений между коммуникантами может выражаться как языковыми средствами ЭВ (дружеские отношения), так и ЭН (враждебные отношения); при общении коммуникантов, находящихся на разных ступенях социальной иерархии, стратегия доброжелательности будет эксплицироваться маркерами ЭВ (подчиненный – начальник) и ЭН (начальник – подчиненный) и другое.

3.3 Искажение достоверности информации в ходе развёртывания диалога

В настоящее время самореализация личности и её успешное функционирование в социуме напрямую зависят от качества поступающей

информации, немаловажной характеристикой которой выступает именно достоверность. Тем не менее во многих коммуникативных ситуациях собеседники намеренно предоставляют сомнительные или недостоверные сведения. Как подчёркивает Н. Д. Арутюнова, развитие языка осуществляется в двух направлениях: первое отмечено стремлением к выражению истины, а второе – стремлением к его сокрытию или желанием замаскировать под правдоподобие [13, с. 5].

В процессе осуществления совместной деятельности, её участники вовлекаются в диалогическое взаимодействие, которое всегда характеризуется наличием у коммуникантов общей коммуникативной целеустановки, к достижению которой они стремятся. С точки зрения И. П. Сусова, в ходе осуществления успешной коммуникации происходит обмен знаниями и оценками противостоящего собеседникам мира вещей / мира людей посредством вербальных или невербальных сообщений [189].

В зависимости от иллокутивных намерений говорящего, он может либо предоставлять максимально полные, детальные, а главное, достоверные сведения о событиях и явлениях объективной действительности, либо исказить достоверность информации в зависимости от объективных или субъективных причин. Под искажением достоверности нами будет пониматься намеренное (сознательное) или ненамеренное (неосознанное) предоставление говорящим недостоверных и не соответствующих объективной действительности сведений, фактов, что вводит в заблуждение слушающего вследствие искажения явлений и событий реальности.

3.3.1 Причины искажения достоверности информации

В данном параграфе освещаются наиболее распространённые причины предоставления недостоверных сведений, сопровождаемые примерами из ресурсов художественного текста.

1. Сведения получены из недостоверного / неавторитетного источника.

«They found guns in my apartment. And that was one of the conditions of my parole. ‘Never purchase, own, possess, use or have under your control a deadly weapon or firearm.’»

«Well, *maybe*,» Gary said [358].

Являясь адвокатом и представителем закона, Гарри не может принимать как заведомо достоверные сведения, полученные от подсудимого, у которого к тому же наблюдается диссоциативное расстройство идентичности.

2. Темпоральная дистанцированность момента получения сведений, вследствие которой их достоверность устарела в процессе доведения информации до слушающего. А. В. Зеленщиков указывает, что высказывание, описывающее событие, происходящее в реальное время в действительности, будет обладать истинностным значением [80, с. 25].

<...> as she looked around the room, she stopped and smiled right at me, *obviously* glad to see that I was in the class [367].

С того момента, как произошло событие, прошло несколько десятилетий, поэтому уверенность говорящего, эксплицируемая посредством МС ЭН *obviously* можно подвергнуть сомнению.

3. Неверное истолкование, интерпретация первоначальных сведений. Здесь представляется возможным процитировать отечественного лингвиста Г. В. Колшанского, отмечающего, что «возможность интерпретации идей, положений, утверждений, концепций может быть отнесена к субъективным началам языка», основанным на способности человека к мыслительной деятельности [101, с. 48].

Don't you see? That's all part of the story. They've fallen out. First thing anyone would want to know-how do they settle disputes? <...> *Apparently* there are bite marks. On both faces [364].

В приведённом примере, не имея представления о том, как происходят ссоры между сиамскими близнецами, говорящий, основываясь на нежелании близнецов фотографироваться для газетной статьи, делает вывод о том, что спор закончился укусами на обоих лицах, маркируя это МС ЭВ *apparently*.

4. Невежественность говорящего, неосведомлённость в сфере проблем, о которых он предоставляет сведения. В следующем примере доктор, впервые столкнувшийся с медицинским феноменом, подобным Бену, не может найти ему научного объяснения, однако, не желая показаться некомпетентным, делает уверенный вывод, эксплицируя это МС ЭН *of course*:

He's physically normal for eighteen months. He's very strong and active *of course*, but he's always been [360].

5. Говорящий намеренно искажает достоверность высказывания в личных целях (намерения говорящего могут быть как доброжелательными (снижение / повышение степени своей уверенности в ситуациях близкого, дружеского межличностного общения), так и недоброжелательными (стремление навредить, ухудшить социальное положение собеседника, подорвать мнение общественности о личности собеседника). В следующем примере говорящий знает, что оскорблённая белая хозяйка никогда не даст хорошей рекомендации своей служанке, однако, стремясь утешить жену, он завуалировано выражает своё мнение при помощи МС ЭВ *maybe*:

«White people strange,» Leroy said. «Who knows, *maybe* that old woman give you a good word» [370].

6. Субординация, расположение собеседников на разных ступенях социальной лестницы. В приведённом ниже примере выбор МС ЭВ *maybe* обусловлен тем, что служанка находится на нижней ступени социальной лестницы и не имеет права открыто выразить свои суждения, несмотря на уверенность в своей правоте:

Maybe we should get you up in the bed, Miss Celia [370].

Стоит отметить, что достоверность информации, передача которой осуществляется между коммуникантами, находящимися на одной социальной ступени, менее подвержена искажению, чем в ситуациях, в которых передача информации идёт «наверх». Это объясняется желанием угодить, польстить человеку, занимающему более высокое положение в обществе, получить

протекцию, продвижение вверх по карьерной или социальной лестнице или, наоборот, желанием избежать наказания за совершённый проступок или ошибку.

7. Фантазирование говорящего, когда он, порой сам того не осознавая, выдаёт желаемое за действительное (причиной этому может стать самообман, преувеличение и так далее). Проиллюстрируем следующим примером, в котором воспоминания о прежних романтических отношениях с собеседницей не дают говорящему адекватно оценивать ситуацию общения. Несмотря на то, что девушка четыре раза повторяет фразу «Go away», говорящий продолжает пребывать в уверенности, что часть теплоты её чувств всё ещё жива:

She had not been *exactly* cold to him, not *exactly* hateful, but he'd felt her distance anyway [354].

8. Страх, являясь одной из самых сильных отрицательных эмоций, способен оказывать влияние на достоверность информации, которой оперирует говорящий. Например, после ссоры с хозяйкой Минни серьёзно опасается, что её могут уволить с работы, несмотря на очевидную потребность женщины в прислуге:

Maybe I'm crazy to act like the job's still mine. *Maybe* she won't even pay me for today [370].

9. Искажение достоверности поступивших извне сведений может также быть следствием того, что:

а) говорящий передаёт не всю информацию:

And she said, «*Perhaps* your father just doesn't like Mr. Shears very much.»

And I asked, «Why?»

And she said, «I don't know, Christopher. I don't know because I don't know anything about Mr. Shears» [355].

В приведённом примере женщина, стремясь не огорчить и не испугать собеседника, вводит в пропозицию высказывания МС ЭВ *perhaps*, намеренно снижая степень своей уверенности, хотя в действительности ей известна правда.

б) говорящий передаёт полученную информацию своими словами:

«Evil <...>. Brings sorrow on anyone who carries it. I heard all nine previous owners have committed suicide.»

A second voice says, «I heard that anyone who holds it in his ungloved hand dies within a week.»

«No, no, if you hold it, you *cannot* die, but the people around you die within a month. Or *maybe* it's a year» [350].

В данном диалоге различная интерпретация собеседниками услышанной легенды приводит к искажению первоначальной версии.

в) информация, предоставляемая говорящим, преломляется под воздействием его личностных характеристик. В приведённом ниже примере туристический гид в силу особенностей своей профессии и присущему ему чувству юмора создаёт эффект театральности, наводя страх на туристическую группу при помощи недостоверного высказывания:

«Are all those doors to keep thieves from getting in?»

«*Maybe* <...> they're there to keep the curse from getting out» [350].

Здесь стоит упомянуть, что достоверность информации может быть искажена в полной мере, то есть происходит полное сокрытие фактов объективной действительности или частично, когда утаивается какая-то часть информации. Однако любое искажение достоверности предоставляемых сведений ведет к дезинформации собеседника, созданию у него недостоверной картины мира, что в дальнейшем может привести к негативным последствиям.

Источник и темпоральную дистанцированность момента получения сведений можно отнести к объективным факторам искажения достоверности сведений, поскольку личность говорящего, его внутренний мир, настроения, желания и личные предпочтения не накладывают отпечаток на пропозицию высказывания. Следующие семь причин искажения достоверности информации относятся к субъективным факторам и представляют собой грани так называемого человеческого фактора в языке. По поводу субъективности речи Ш. Балли было высказано суждение, которое может быть резюмировано следующим образом: на процесс порождения высказывания как реализации чистой мысли, то есть исключительно рассудочного её выражения, за исключением редких случаев накладывают отпечаток не только индивидуальные чувства и эмоциональные

побуждения коммуникантов, но и социальные чувства, не обусловленные личностью коммуникантов [23, с. 26].

3.3.2 Приёмы искажения достоверности информации

Представляется возможным также выделить наиболее распространённые приёмы искажения достоверности информации:

1) отвлечение внимания слушающего несущественными деталями:

«<...> but you're the one who's smitten with Jamie Sullivan.» <...>

«I was just using her to impress Margaret,» I said. «And with all the love notes she's been sending me lately, I reckon it *must* have worked» [367].

Стремясь сменить тему разговора на более безопасную и не связанную с обсуждением его чувств к однокласснице, слушающий переключает внимание говорящего на любовные записки от его бывшей девушки.

2) двусмысленность изложения информации. В приведённом примере муж, говоря с женой об их ребёнке, заявляет, что он не является его сыном. Свою уверенность мужчина маркирует МС ЭН *certainly*, хотя нет сомнения в том, что именно он является отцом ребёнка. Двоякость трактовки заключается в возможности понимания его реплики не как отказа от биологического отцовства, а как снятия с себя ответственности за дальнейшую судьбу ребёнка:

«He's *probably* just dropped in from Mars.» <...>

«He's a little child,» she said, «He's our child.»

«No, he's not,» said David, finally. «Well, he *certainly* isn't mine» [360].

3) умолчание, представляющее собой не предоставление недостоверных сведений, а сокрытие какой-либо информации:

So maybe I could read you some of the letters and you could... help me with the answers. After a while, *maybe* I'll catch on and... [370]

В данном примере девушка прекрасно понимает, что никогда не сможет давать советы людям по уборке дома, однако, желая убедить служанку помочь ей

в написании газетной колонки с советами, не показывает своей уверенности, вводя в пропозицию маркер ЭВ *maybe*.

4) близким к умолчанию является приём избирательности, который характеризуется намеренным отбором говорящим сведений, которые будут предоставлены слушающему. В следующем примере молодой человек, осознавая, что его поведение могло показаться грубым, и маркируя своё предположение МС ЭВ *probably*, просит прощения у девушки. Он признаёт, что был не прав, но мотивы, побудившие его к этому, остаются невысказанными.

I'm sorry about those things I said last night <...>. I know they *probably* hurt your feelings, and I was wrong to have said them [367].

5) фальсификация – передача заведомо недостоверных сведений о положении дел в объективной действительности. Проиллюстрируем примером, в котором слушающий предоставляет недостоверную информацию в силу личных причин, однако нежелание лгать приводит к введению в высказывание маркера ЭВ *maybe*:

«What about Yule May? Have you... talked to her recently?» <...>

«Not real recent. *Maybe*... I try her again,» I lie, hating it [370].

6) подмена причинно-следственных связей. В рассмотренном далее диалоге слушающий ясно осознаёт, в чём причина отказа говорящего, но не решается вступить в открытый конфликт и соглашается с предложенной говорящим причиной:

«I have to talk to my dad first. I can't just agree to take off work for four days on such short notice without asking him. And I don't think you can, either.»

Scott glanced at Ronnie. «Are you sure that work is what this is all about? <...> All right, fine. Talk to your dad. Whatever,» he said. «*Maybe* you'll find a way to squeeze it into your schedule» [368].

7) комбинация – предоставление недостоверных сведений в равной степени с достоверными, что может сопровождаться введением в речь оценочных суждений, неточных формулировок, одностороннего видения проблемы. Данный приём используется в коммуникативных ситуациях, в которых необходимо

склонить собеседника к иррациональной точке зрения или оспорить собеседника при отсутствии достоверных доводов и веских доказательств собственной правоты. В следующем примере говорящий, стремясь убедить собеседника в своей правоте, намеренно искажает достоверность высказывания, маркируя это МГ ЭВ *would* с отрицанием *not*:

«Can you believe that?» Scott raged, pulling Will away from the scene he'd been observing so closely. <...> «I was about to pound that freak.»

«Uh... yeah. <...> I'm not sure Teddy and Lance would have let you.»

«They *wouldn't* have done anything. Those guys are all show» [368].

8) создание иллюзорной действительности. В приведённом ниже примере говорящий пытается создать иллюзию нормальной жизни, в которую сам не верит, эксплицируя это МС ЭВ *perhaps* и МГ ЭВ *could* и *would*:

She persisted, «We *could* have more children.»

«And the four we have don't count?»

«*Perhaps* it *would* bring us all together again, make things better...»

«And what about Paul?» <...>

«*Perhaps* he *would* get over it,» she said hopelessly [360].

9) маскировка – говорящий оперирует достоверными фактами, среди которых есть один недостоверный. В связи с большим объёмом поступающей информации слушающему может быть сложно выделить недостоверные сведения.

«After all, I don't want to kill the nasty little brute.»

He said, «It is not abnormal to take a dislike to a child. I see it all the time. Unfortunately. <...> Let me have a look at him.»

Harriet took Ben out of the pram, and laid him on the table. At once he turned on to his stomach and tried to get himself on all fours. He *actually* succeeded for a moment before collapsing. <...>

«There's *obviously* nothing much wrong with him,» he said [360].

Нежелание доктора признать, что такой случай в его практике впервые, приводит к недостоверности финального высказывания с МС ЭН *obviously*.

10) обман «от противного» заключается в сообщении правды под видом обмана. В следующем диалоге реплика слушающего воспринимается говорящим как недостоверная, направленная на получение комплимента, в то время как слушающий действительно верит в то, что говорит:

«I wish you would have mailed it anyway.»

«Why?»

«Just to hear from you. To hear what you've been up to.»

«You *might* have been disappointed. My life isn't too exciting. Besides, I'm not *exactly* what you remembered.»

«You're better than I remembered, Allie» [369].

Ю. Д. Апресян указывает на свободу языка, что выражается в возможности выбора средств выражения: а) фактов; б) информации, в истинности которой говорящий не уверен; в) добросовестной ошибки, иллюзии или фантазии; г) имитации; д) заведомой лжи. В случаях (в)–(д) мы имеем дело с мнимым или обманным миром, а (б) является связующим звеном между ним и миром фактов [11, с. 23]. Таким образом, с семантической точки зрения, высказывание либо соответствует (факт, объективность, сущность, истина), либо допускается возможность несоответствия (мнение, субъективность, интерпретация, впечатление, проявление, видимость), либо полностью не соответствует действительному положению дел (ошибка, иллюзия, фантазия, мнимость, мираж, имитация, подделка, выдумка, обман, ложь) [11, с. 25]. В первом случае мы имеем дело с семантикой простой достоверности, во втором – проблематической достоверности (ЭВ) или нижней границей категорической достоверности (ЭН), третий указывает на недостоверность пропозиции.

Подводя итог вышеизложенного, отметим, что несмотря на превалирующую коммуникативную интенцию, заключающуюся в достижении взаимопонимания и согласия между собеседниками, зачастую коммуниканты склонны предоставлять недостоверные сведения в силу ряда объективных и субъективных причин, что приводит к введению в речь маркеров с эпистемической семантикой. В качестве основных приёмов искажения достоверности информации нами были выделены

отвлечение внимания слушающего несущественными деталями, двусмысленность изложения информации, умолчание, избирательность, фальсификация, подмена причинно-следственных связей, комбинация, создание иллюзорной действительности, маскировка и обман «от противного».

3.4 Перлокутивный эффект высказываний с эпистемической семантикой

В данном параграфе будут выделены основные типы перлокутивного эффекта, который возникает вследствие воздействия высказываний с эпистемической семантикой на адресата. Стоит отметить, что достигнутый перлокутивный эффект не всегда совпадает с первоначальным иллокутивным намерением говорящего. В процессе речевого взаимодействия возможно достижение перлокутивного эффекта, противоположного тому, какой хотел оказать говорящий своим локутивным актом, что может привести к коммуникативному сбою и коммуникативной неудаче.

В своей словарной статье «Прагматика» Н. Д. Арутюнова выделяет следующие возможные воздействия высказывания на адресата: расширение информированности адресата, изменения в его эмоциональном состоянии, взглядах и оценках, влияние на совершаемые им действия, эстетический эффект и так далее [14, с. 390].

Расширение информированности адресата предполагает наличие в реплике говорящего ранее неизвестной слушающему информации, направленной на увеличение фонда его базовых знаний или на изменение его представлений о каком-либо предмете или явлении объективной действительности. Проиллюстрируем примерами:

«So Milholland's gone <...>. He left September 15?»

«He *couldn't* have left the fifteenth <...>. Cause he worked the night of the fifteenth. So he *must* have left on the sixteenth – that's it.»

Nobody knows, thought Ishmael [354].

Благодаря ответной реплике слушающего и уверенности, которую он эксплицирует при помощи МГ ЭН *could* с отрицанием *not* и МГ *must*, говорящему становятся известными некоторые факты расследуемого дела об убийстве.

В следующем примере женщина высказывает предположение о том, что дочь не осознает причин совершённого ею поступка, пока не окажется на её месте; лишь в этом случае возможно изменение её позиции:

«What did you do to her, Mother?»

«You *wouldn't* understand, Eugenia. Not until you've hired help of your own.»

«You ... fired her? For what?» [370].

Переходя к рассмотрению изменений в эмоционально-психическом плане, представляется возможным выделить два вида перлокутивного эффекта: положительный и отрицательный. В качестве основных положительных эмоциональных реакций были выделены проявление счастья, радости, веселья, удивления, удовольствия, любви и надежды, в то время как отрицательные изменения в эмоционально-психическом состоянии коммуниканта представлены раздражением, злостью (яростью), отчаянием, страхом, грустью / печалью. В качестве пограничных изменений в душевном состоянии персонажей можно отметить спокойствие и жалость / сочувствие. Приведём примеры из ресурсов художественного текста, отражающие зависимость выбора маркера ЭМ от эмоций, испытываемых коммуникантами.

1. Счастье, которое может быть проиллюстрировано примером, в котором девушка не может поверить в то, что статья в газете, случайно попавшая к ней в руки, содержит информацию о местонахождении человека, которого она давно мечтала увидеть – это маркируется МГ ЭН в отрицательной форме *can't*:

«Remember this?» He handed her the paper, and after an uninterested first glance, something in the picture caught her eye and she took a closer look.

«It *can't* be,» she whispered [369].

2. Радость. В следующем примере новость о том, что слушающего ждёт сюрприз в качестве поездки в знакомое место, вызывает у девушки радость и

безразличие к ухудшению погодных условий. Свою уверенность в принятом решении она выражает МС ЭН *absolutely*.

«And I've never been there before? <...> Then we'll go. I don't care if it rains.»

«Are you sure?»

«*Absolutely*» [369].

3. Веселье. В приведённом ниже примере описание говорящим ужасающих деталей действий, происходящих в оккупированных городах, вызывает смех у слушающего, так как всё это выглядит слишком неправдоподобным, словно сочинение школьника. Вместе с тем, вероятно, тот факт, что в каждом слухе есть доля правды, влияет на выбор МГ ЭВ *would*:

«Madame Hébrard says that a Dinard man—a grandfather, Etienne—was given two years in prison for wearing the Cross of Lorraine under his collar. I heard they're going to turn the whole city into a big ammunition dump.»

Her great-uncle laughs softly. «It all sounds like something a sixth-former *would* make up» [350].

4. Удивление. Несмотря на неуверенность и сомнение, эксплицируемые в ответе девушки МГ ЭВ *might*, приглашение пойти на школьный бал вызывает у неё удивление и удовольствие:

«But if someone asked you to go, you might?» <...>

«I'm not sure <...> I suppose I *might* go <...>. I've never been to a homecoming dance before» [367].

5. Удовольствие. Похвала от человека, занимающего более высокое положение на социальной лестнице, вызывает волну эмоций у девушки, в частности, удовольствие от осознания собственного таланта, оценённого высоко по заслугам:

« ... best darn petit four I've ever tasted! Deena, you *might* be the most talented cook in the League!»

«Why, thank you, Hilly, they're hard but I think they're worth it» [370].

6. Любовь. В ответ на опасения своей жены, вызванные неуместностью её вечернего платья на торжественном мероприятии и отражённые в речи при

помощи МГ ЭВ *might*, мужчина делает комплимент, демонстрируя свою любовь и способность не упрекать женщину в совершённых ошибках:

«Johnny, do you think I *might*'ve overdressed a little for this thing? The invitation said formal, but these girls here all look like they're dressed for church.» <...>

«You look gorgeous. But if you're cold, you can put my jacket on» [370].

7. Надежда. В данном примере отчаянная надежда девушки на то, что её семья сможет воспользоваться спрятанным передатчиком, находит отражение в использовании в речи МС ЭН *really*:

He says, «We could still turn it in. Say we overlooked it?»

«The deadline was yesterday at noon.»

«They *might* understand.»

«Uncle, do you *really* believe they will understand that you have overlooked a transmitter that can reach England?» [350]

8. Спокойствие. В следующем примере уверенность говорящего, эксплицируемая МГ ЭН *must*, и его способность хладнокровно рассуждать помогают девушке расслабиться:

«They'll hear everything.» <...>

«There *must* be something good on the radio <...>. Wouldn't some music be nice?» [354]

9. Жалость / сочувствие. В приведённом ниже примере страдания говорящего, вызванные неразделёнными чувствами к собеседнице и отмеченные использованием МГ ЭН в отрицательной форме *can't*, вызывают сочувствие с её стороны:

«I tell myself this *can't* go on, but it goes on anyway. There isn't anything I can do.» <...>

«I'm sorry for you,» she said softly [354].

10. Раздражение. Желая сделать комплимент хозяйке дома и отметить её творческий талант, полицейский вводит в пропозицию высказывания МГ и МС ЭН *must* и *in fact*, однако это вызывает лишь раздражение у девушки, поскольку полицейский забрал её альбом с рисунками:

«Strawberry Princess,» he said, looking up. «You *must* 'a' been flattered by that.»
Hatsue didn't answer. «It's a good picture,» added Wilson. «It looks like you. Looks just like you, *in fact*» [354].

11. Злость, ярость. Проиллюстрируем примером, в котором девушка испытывает злость на границе с яростью из-за лжи матери и осознания того, как тяжела была жизнь их служанки в чужом городе, маркируя это МГ ЭН *must*:

«I never thought Constantine would go to Illinois with her, Eugenia. Honestly, I was ... sorry to see her go.»

«You weren't,» I say. I think about Constantine, after living fifty years in the country, sitting in a tiny apartment in Chicago. How lonely she *must*'ve felt. How bad her knees *must*'ve felt in that cold [370].

12. Отчаяние. В следующем примере неутешительный прогноз доктора о том, что у матери девушки рак, и ей осталось жить несколько месяцев, вызывают у девушки шок и приводят её в отчаяние:

«*Maybe* longer, *maybe* sooner, honey. <...> Knowing your mother, though <...> she's going to fight it like the devil.»

I stand there in a daze, unable to speak [370].

13. Страх. Предположение, сделанное говорящим при помощи МГ ЭВ *might*, о том, что действия, описанные в книге, могут касаться их родного города, вызывают панику у слушающего, так как в этом случае всем жителям станут известны факты из её личной жизни:

«I heard that Betty character *might* be Charlene. <...> I heard Sissy Tucker saying—»

«The book is not about Jackson!» Miss Hilly kind a scream [370].

14. Грусть / печаль. В приведённом примере радостное состояние и искреннее желание слушающего помочь постепенно сменяются печалью из-за грубых ответных реплик собеседника:

«You don't miss a thing, do you?» I said sarcastically without looking at her.

«*Maybe* I can help,» she offered. She said it kind of happily, which made me even a little angrier.

«I doubt it,» I snapped.

«*Maybe* if you told me what was wrong» [367].

Если рассматривать такой перлокутивный эффект, как влияние на совершаемые собеседником действия, можно выделить перлокутивный эффект побуждения к действию, когда после анализа и интерпретации поступивших сведений слушающий принимает решение о необходимости совершения определённого действия, и перлокутивный эффект предотвращения действия, когда слушающий отказывается от реализации запланированного ранее акта. Сопроводим данное утверждение примерами:

Mister Johnny, I told Miss Celia to tell you about me. I *must* a asked her a thousand times – [370].

В попытке избежать наказания и изменить намерения собеседника, говорящий прибегает к помощи МГ ЭН *must*, демонстрируя свою невиновность.

«What am I doing? I *must* be crazy, giving the sworn secrets a the colored race to a white lady.»

«It's just Miss Skeeter, she ain't like the rest» [370].

Сильная неуверенность говорящего в правильности своего поступка с точки зрения собственной безопасности отмечена использованием МГ ЭН *must*. В то же время женщина ищет и находит поддержку и подтверждение необходимости подобных действий у слушающего.

Или другой пример, в котором девушка, несмотря на нежелание собеседника сообщить ей правду, вынуждает его объяснить причины, по которым люди считают её странной, вводя в речь МС ЭН *exactly*:

«People think I'm strange, don't they?» <...>

«Yes» <...>.

«Why?» <...>

«People have different reasons.»

«But why, *exactly*? Is it because of my father? Or is it because I try to be nice to people?»

«You're a wonderful person, Jamie. You're beautiful, you're kind, you're gentle... you're everything that I'd like to be. If people don't like you, or they think you're strange, then that's their problem» [367].

В качестве другого перлокутивного эффекта можно выделить сотрудничество / конфронтацию. Это может быть пояснено следующим образом: высказывание, порождённое одним из собеседников может спровоцировать отрицательную реакцию слушающего и дальнейшую конфликтную ситуацию; с другой стороны, своевременно сказанная и сформулированная при помощи адекватно подобранных языковых средств реплика может разрешить конфликт и устранить напряжение между участниками речевого взаимодействия. В приведённом ниже примере откровенная издёвка и сарказм в ответной реплике слушающего приводят к обострению конфликтной ситуации и скандалу:

«I write a ... domestic maintenance column for the Jackson Journal.» <...>

«Domestic maintenance. You mean... housekeeping? <...> I *can't* think of anything worse than reading a column on how to clean house <...>. Except *maybe* writing it» [370].

В другом примере девочка, стремясь разрядить напряжённую обстановку, вызванную обнаружением у них дома во время Второй мировой войны книги, написанной евреем, переводит разговор на успехи своего брата в математике и великих учёных Берлина – благодаря этому разговор не принимает действительно дурной оборот:

«Is it a Jew book? <...> It's a Jew book, isn't it?» <...>

«Hertz was born in Hamburg,» says Werner.

Jutta announces out of nowhere, «My brother is so quick at mathematics. He's quicker than every one of the schoolmasters. Someday he'll *probably* win a big prize. He says we'll go to Berlin and study under the great scientists.» <...>

He says, «The only place your brother is going, little girl, is into the mines. As soon as he turns fifteen» [350].

Также необходимо выделить перлокутивный эффект социального содержания: в ходе общения коммуникантов, обладающих разным социальным

статусом и находящимся на разных ступенях социальной иерархии, часто возникают ситуации, в которых один из собеседников начинает чётко осознавать своё более низкое социальное положение. Здесь возможны два варианта: в первом случае говорящий намеренно стремится подчеркнуть своё собственное превосходство и нижестоящее положение слушающего:

«What are you, some kind of hippie now? God, your poor mama *must* be so embarrassed of you.»

«Hilly, why are you here?» [370]

Относительно приведённого выше примера стоит отметить, что предполагаемый говорящим перлокутивный эффект не реализуется в действительности, поскольку слушающий равнодушно воспринимает все оскорбления и угрозы.

Во втором случае говорящий стремится сократить существующую социальную дистанцию, сблизиться со слушающим, продемонстрировать ему своё доброжелательное отношение и готовность вести беседу на равных. В следующем примере девушка завуалировано выражает своё неодобрение в виде дружеского совета служанке, маркируя это МГ ЭВ *would* с отрицанием *not*:

«Writing isn't that easy. And you *wouldn't* have time for this anyway, Aibileen, not with a full-time job.»

«*Can't* be much different than writing my prayers every night» [370].

Последним перлокутивным эффектом, который будет рассмотрен в данной работе, является моральный или эффект наставничества: благодаря реплике говорящего слушающий осознаёт свою неправоту / ошибки / аморальность поведения, в дальнейшем корректируя своё поведение и базовые морально-нравственные ориентиры.

«Them Japanese *couldn't* own land <...>. They →»

«Mrs. Heine <...>. I must remind you that Mr. Miyamoto here is on trial for murder in the first degree, that such is the focus of this court's concern, and that any contentiousness about legal ownership of land will have to be addressed in a civil court, madam» [354].

В ответной реплике, способствующей коррекции поведения женщины, проходящей свидетельницей по делу об убийстве, судья делает замечание о том, что, если женщина хочет продолжать давать показания, ей следует воздержаться от проявлений национальной и личной неприязни.

В другом примере, напротив, не достигается перлокутивный эффект, ожидаемый говорящим, поскольку маркер ЭВ *might*, свидетельствующий о мягкости и вежливости говорящего, не позволяет девушке осознать откровенность своего вечернего платья:

«Celia, you think that dress *might* be a little bit too... open at the top?» <...>

«Oh Johnny, you men don't know the first thing about fashion» [370].

В заключение хотелось бы отметить, что выбор языковых средств выражения ЭМ оказывает большое влияние на достижение ожидаемого говорящим перлокутивного эффекта. Адекватный выбор маркера ЭМ может как улучшить отношения между партнёрами речевого взаимодействия, привести к положительным изменениям в эмоционально-психическом состоянии или морально-нравственном облике собеседника, так и спровоцировать коммуникативную неудачу.

Выводы по главе 3

В третьей главе настоящего исследования были рассмотрены коммуникативные стратегии и тактики, способствующие достижению перлокутивного эффекта, а также причины и приёмы искажения достоверности информации в коммуникативных ситуациях с эпистемической семантикой.

Рассмотрение коммуникативных стратегий и тактик, оказывающих влияние на выбор средств экспликации ЭМ в художественном тексте, позволило прийти к следующему заключению: использование той или иной коммуникативной стратегии и тактики предполагает выбор определённых языковых средств. Так, стратегия искренности, неискренности и мистификации отмечены преобладанием модальных маркеров ЭН, однако в случаях, если говорящий использует ложь во

благо или для самозащиты, в его речь вводятся маркеры ЭВ. В стратегии манипулирования преобладают языковые средства с семантикой ЭВ, поскольку человек обычно не склонен поддаваться прямому давлению и навязчивому убеждению в правоте собеседника. В противоположность этому стратегия дискредитации реализуется при помощи модальных маркеров ЭН, в силу коммуникативной целеустановки говорящего снизить авторитет собеседника в глазах широкой аудитории и заронить сомнение в достоверности его пропозиции. Остальные коммуникативные стратегии и тактики отмечены преобладающим использованием МС и МГ с семантикой ЭВ: это может быть объяснено стремлением говорящего уменьшить иллокутивную силу своего высказывания. Также необходимо иметь в виду, что различные прагматические факторы (например, социальный статус и социальная дистанция между собеседниками) оказывают влияние на выбор определённой стратегии и тактики, которая реализует её.

Изучение фактического материала исследования позволило ввести понятие искажения достоверности. Под искажением достоверности нами понимается намеренное (сознательное) или ненамеренное (неосознанное) предоставление говорящим недостоверных и не соответствующих объективной действительности сведений, фактов, что вводит в заблуждение слушающего вследствие искажения явлений и событий реальности. Причины искажения достоверности можно подразделить на две большие группы: объективные и субъективные. К объективным причинам относятся получение сведений из недостоверного или неавторитетного источника и темпоральная дистанцированность момента получения сведений. Субъективные причины включают в себя неверную интерпретацию говорящим первоначальных сведений; невежественность и неосведомлённость говорящего; намеренное искажение достоверности высказывания говорящим в личных целях; субординацию; фантазирование говорящего; страх; передачу говорящим не полной информации; передачу полученной информации своими словами; влияние личностных характеристик говорящего на достоверность предоставляемой им информации.

В качестве основных приёмов искажения достоверности представляется возможным выделить отвлечение внимания слушающего несущественными деталями; двусмысленность изложения информации; умолчание (частичное сокрытие информации); избирательность (намеренный отбор говорящим оперируемых им сведений); фальсификацию (предоставление недостоверных, ложных сведений о явлениях и событиях объективной действительности); подмену причинно-следственных связей; комбинацию; создание иллюзорной действительности; маскировку (введение в достоверное высказывание одного недостоверного факта) и обман «от противного», когда под видом обмана сообщается правда.

Перлокутивный эффект высказывания с эпистемической семантикой может заключаться в изменении эмоционально-психического состояния собеседника на положительное или отрицательное, в побуждении к действию или предотвращении действия, в создании конфликтной ситуации или ситуации сотрудничества, в восприятии собеседником своего положения на социальной лестнице, в коррекции поведения и базовых морально-нравственных ориентиров слушающего.

Таким образом, успешная коммуникация характеризуется наличием у собеседников соответствующих ситуации общения коммуникативных стратегий и тактик, которые приводят к достижению желаемого перлокутивного эффекта, а также оперированием достоверных сведений, в то время как искажение достоверности информации является причиной неуспешной коммуникации, коммуникативной неудачи.

Заключение

Цель настоящего диссертационного исследования состояла в изучении и анализе коммуникативно-прагматических особенностей выражения ЭМ в современном английском языке в контексте художественного дискурса.

Проведение исследования предполагало первоначальный анализ существующей научной литературы по теоретическим вопросам, находящимся в фокусе данного исследования. Несмотря на то, что исследованию категории модальности посвящены многочисленные труды отечественных и зарубежных лингвистов, до сих пор существуют «белые пятна» и проблемные аспекты, связанные с данной категорией, в частности, не существует общепринятого определения модальности. Понятийный аппарат модальности был заимствован из философии и логики, в рамках которых она развивалась со времён античности. В настоящее время лингвистическая категория модальности рассматривается как функционально-семантическая, семантико-прагматическая, семантико-синтаксическая, синтаксическая, грамматическая или логическая категория. В самом широком смысле модальность можно определить как отношение говорящего к содержанию высказывания и отношение содержания высказывания к действительности. Нами было выделено интегрированное широкое понятие, в котором модальность предстаёт как коммуникативно-прагматическая категория, которая выступает в тесном взаимодействии с категорией субъективности и отражает отношение говорящего к действительности и к содержанию высказывания.

В отечественном языкознании существует традиция выделения субъективной и объективной модальности. Несмотря на большое количество сторонников подобного разделения, ряд лингвистов, точки зрения которых мы придерживаемся, указывают на его условность, поскольку выбор средств реализации высказывания всегда зависит от говорящего, а значит, субъективен по своей природе. Следовательно, личность коммуникантов в той или иной мере накладывает свой отпечаток на объективность высказывания.

Рассматривая семантический объём категории модальности, следует отметить, что существует широкий и узкий подход к определению её структурных компонентов. В рамках широкого подхода в круг модальных значений включаются коммуникативная установка высказывания, эмоционально-экспрессивное отношение говорящего к пропозиции высказывания, дихотомии утверждение – отрицание, реальность – ирреальность, достоверность – недостоверность и другие. В рамках узкого подхода, напротив, происходит исключение одного или нескольких модальных значений.

Как и категория модальности в целом, ЭМ не располагает единым общепризнанным определением. Изучение теоретической стороны вопроса показало наличие различных точек зрения на само понятие ЭМ, которая может также трактоваться как модальность достоверности, модальности истинности, персуазивная модальность, внешняя субъективная модальность, модализация, модальность предположения / предположительности. В рамках данного исследования ЭМ рассматривалась как коммуникативно-прагматическая категория, основанная на понятии достоверности и выражающая степень уверенности говорящего в достоверности пропозиции высказывания, её соответствии объективной действительности. Стоит отметить, что хотя тенденция подразделения степени уверенности говорящего на возможность и необходимость прослеживается в трудах зарубежных лингвистов, это также находит отражение и в отечественной лингвистике.

Предметом исследования являлись коммуникативно-прагматические особенности выражения ЭМ в современном английском языке. В качестве основных, наиболее явных экспликаторов ЭМ были выбраны МГ и МС. К МГ мы относим глаголы *must, can / could, may / might, shall / should, will / would* и *ought to*, из которых *must, can* и *could* с отрицанием *not, shall, will* эксплицируют семантику ЭН, а остальные – ЭВ. Среди МС, выражающих уверенность / отсутствие сомнения, можно отметить такие, как *certainly, of course, sure, surely, absolutely, no doubt, really, indeed, naturally, exactly, undoubtedly, actually, in fact, decidedly, definitely, necessarily, evidently, obviously* и так далее, выражающих предположение

– *perhaps, maybe, probably, possibly, apparently, presumably, (most / quite / very) likely, most probably, seemingly, supposedly.*

С категорией ЭМ тесно связана категория эвиденциальности. Существуют три точки зрения на проблему взаимоотношения данных категорий. Согласно первому, узкому подходу, эвиденциальность рассматривается в отрыве от ЭМ как абсолютно не связанная с ней, независимая категория. Согласно второму, широкому подходу, которого мы придерживаемся, эвиденциальность рассматривается как подвид ЭМ, поскольку степень уверенности говорящего в достоверности высказывания зачастую напрямую зависит от источника полученной информации. Существует также интегрирующая точка зрения, заключающаяся в том, что эвиденциальность не является подвидом ЭМ, но в то же время тесно с ней взаимосвязана.

Во второй главе диссертационного исследования было дано краткое описание структурных компонентов коммуникативной ситуации с эпистемической семантикой с дальнейшим анализом коммуникативно-прагматических факторов выбора эпистемических МГ и МС в рамках коммуникативной ситуации на основе ресурсов художественного текста.

Основными компонентами коммуникативной ситуации являются участники речевого взаимодействия, их целеустановка, коммуникативные стратегии и тактики, её реализующие, а также перлокутивный эффект, который высказывание оказывает на слушающего, и который придаёт коммуникации то или иное направление. Говоря о коммуникативной ситуации в целом, можно отметить основные, наиболее распространенные типы диалогов, каждый из которых имеет свои особенности выбора того или иного маркера ЭВ или ЭН. Например, в диалогах в зале суда, диалогах, в которых по крайней мере один из собеседников является представителем органов правопорядка, священнослужителем или врачом, наблюдается тенденция к предоставлению достоверных сведений, поэтому низкая степень уверенности говорящего всегда будет эксплицироваться языковым средством выражения ЭВ. С другой стороны, социальный статус коммуникантов на светских мероприятиях или межличностные отношения

коммуникантов, общающихся на бытовые темы, способен оказывать прямое влияние на выбор МГ и МС, увеличивая или уменьшая степень объективной уверенности говорящего в достоверности своего высказывания.

Относительно участников речевого взаимодействия были рассмотрены такие параметры, как пол и возраст, социальный статус и социальная дистанция, ментальное состояние, которые оказывают непосредственное влияние на выбор средств выражения ЭМ. Для анализа гендерно-возрастных особенностей коммуникантов, влияющих на выбор языковых средств выражения ЭМ, были отобраны два типа персонажей: девушка-подросток и взрослый мужчина. Выборка примеров из ресурсов художественного текста позволила сделать вывод о том, что девушка более склонна к повышению или снижению степени своей уверенности в достоверности предоставляемой информации в силу испытываемых положительных или отрицательных эмоций, некоторой иррациональности и нелогичности суждений. Если же говорить о взрослом мужчине, то он, скорее, вообще не предоставит какую-либо информацию, чем введёт в заблуждение собеседника. Для мужчины характерно оперирование маркерами ЭН при предоставлении сведений, полученных за счёт личного опыта или опирающихся на объективную доказательную базу.

Далее были затронуты такие социальные характеристики коммуникантов, как социальный статус и социальная дистанция. Выборка исследования позволила сделать вывод о том, что асимметричный социальный статус собеседников влияет на искажение достоверности предоставляемой информации вследствие субординации. Близкие отношения между собеседниками также оказывают влияние на выбор лексических или лексико-грамматических средств выражения ЭМ, так как говорящий, стремясь не задеть чувства слушающего, приободрить его, утешить и тому подобное, может снизить или, наоборот, повысить степень своей уверенности в достоверности пропозиции высказывания. Нулевые или нейтральные отношения отмечены более частым введением в речь персонажей эпистемических маркеров, соответствующих реальной степени уверенности говорящего.

В качестве уровней проявления ментальных состояний были отобраны три: эмоциональный, когнитивный и социальный. Были выделены также три типа персонажей на материале художественного текста: подросток, страдающий выраженным дефицитом социального взаимодействия и общения; умственно и психически неразвитый молодой человек; психически развитые и здоровые люди. Было установлено, что эмоции, которые испытывают персонажи, не влияют на достоверность высказывания первого типа героя, но способны колебать степень уверенности остальных двух типов. Когнитивный уровень заключается в способности к логическому, объективному мышлению, что демонстрируется представителями первого и третьего типов, но не присуще второму типу персонажей. Социальный уровень направлен на реализацию иллокутивного замысла и достижение определённого перлокутивного эффекта и характеризуется стремлением коммуникантов оперировать достоверными сведениями, вследствие чего маркеры ЭН или ЭВ употребляются в соответствии с реальной степенью уверенности говорящего.

Стоит подчеркнуть, что основной коммуникативной интенцией собеседников в коммуникативной ситуации, отмеченной использованием эпистемических маркеров, является достижение взаимопонимания и возможность прийти к консенсусу по поводу тех или иных вопросов, что становится практически невозможным, если один или оба собеседника предоставляют недостоверные сведения. Вместе с тем были выделены десять частных коммуникативных интенций, которые могут преследовать коммуниканты в ходе диалога. Полученные результаты следующие: побудительная целеустановка, целеустановки на обман (если говорящий вынужден предоставлять сведения, не соответствующие объективной действительности), разоблачение и поддержку (если говорящий сомневается в соответствии высказывания объективной реальности), целеустановки на высокую оценку моральных качеств собеседника и «возвращение с небес на землю» отмечены введением в речь лексических и лексико-грамматических средств с семантикой ЭВ. Для нравственно-воспитывающей целеустановки, аргументативно-убеждающей и поучительной

(наставнической) интенций, интенций разоблачения и поддержки (если говорящий уверен в достоверности предоставляемых сведений) и интенции вхождения в доверие характерно оперирование МС и МГ ЭН.

В третьей главе диссертационного исследования были рассмотрены коммуникативные стратегии и тактики, способствующие достижению предполагаемого перлокутивного эффекта, то есть успешной коммуникации, а также причины и приёмы искажения достоверности информации, которые зачастую приводят к коммуникативной неудаче, поскольку слушающий не способен верно истолковать коммуникативный замысел говорящего.

Под коммуникативной стратегией нами понимается теоретический план, включающий в себя совокупность определённых коммуникативных (речевых) действий, оказывающих речевое воздействие на слушающего и строящихся в рамках основной коммуникативной интенции говорящего с учётом прагматических факторов. Коммуникативную тактику представляется возможным определить как практические действия, предпринимаемые говорящим в ходе реализации коммуникативной стратегии. Коммуникативные стратегии можно подразделить на две большие группы в зависимости от того, направлены они на сотрудничество и поддержание диалога – кооперативные коммуникативные стратегии или создание конфликтной ситуации, прекращение общения – некооперативные (конфронтационные) коммуникативные стратегии. К первой группе относятся следующие стратегии: искренности, доброжелательности, позитивной самопрезентации, создания атмосферы эмоционально-психологического комфорта; ко второй группе можно причислить стратегии неискренности, манипулирования, создания атмосферы эмоционально-психологического дискомфорта, дискредитации; на границе между кооперативными и некооперативными стратегиями располагается стратегия мистификации. Проведённый анализ позволил сделать вывод о том, что различные стратегии и тактики их реализации характеризуются использованием соответствующих маркеров ЭМ. Например, стратегия искренности отмечена преобладанием модальных маркеров ЭН, в то время как стратегия неискренности,

наоборот – маркерами ЭВ, если говорящий использует ложь во благо или для самозащиты. Стратегия манипулирования реализуется преимущественно с помощью модальных маркеров ЭВ, в то время как для стратегии дискредитации характерно введение в речь языковых средств выражения ЭН. Отметим, что сопутствующие прагматические факторы, например, рассмотренные ранее социальный статус и социальная дистанция (дружеские / враждебные отношения, общение между начальником и подчинённым) и так далее, оказывают прямое влияние на выбор эпистемических модальных маркеров.

Неуспешность коммуникации, иными словами, коммуникативная неудача, непосредственно связана с искажением достоверности, под которым нами понимается намеренное или ненамеренное предоставление говорящим частично достоверных или недостоверных сведений, вводящих в заблуждение слушающего вследствие искажения явлений и событий объективной действительности. Искажение достоверности может быть обусловлено рядом субъективных и объективных причин. К объективным причинам относятся источник получения сведений и темпоральная дистанцированность момента получения сведений. В числе субъективных причин можно выделить неверное истолкование, интерпретацию первоначальных сведений; невежественность говорящего, неосведомлённость в сфере проблем, о которых он предоставляет сведения; искажение информации в личных целях; субординацию; фантазирование говорящего; страх; то, что говорящий передаёт не всю информацию или передаёт полученную информацию своими словами, или информация, предоставляемая говорящим, преломляется под воздействием его личностных характеристик.

Среди приёмов искажения достоверности информации в ходе исследования были выделены следующие: отвлечение внимания слушающего несущественными деталями; двусмысленность изложения информации; умолчание; избирательность; фальсификация; подмена причинно-следственных связей; комбинация; создание иллюзорной действительности; маскировка; обман «от противного».

Последним компонентом, рассмотренным в данной главе, стал перлокутивный эффект, который оказывают высказывания с эпистемической семантикой. Полученные результаты следующие: расширение информированности адресата предполагает предоставление говорящим достоверных сведений, поэтому маркеры ЭВ и ЭН будут использоваться соответственно реальной степени уверенности говорящего. Изменения в эмоционально-психическом плане слушающего могут быть двух типов: положительные и отрицательные, при этом более сильные эмоции характеризуются введением в речь МС и МГ с семантикой необходимости. Влияние на совершаемые собеседником действия может также быть двух видов: это может быть побуждение к действию и предотвращение действия, отмеченные частым использованием маркеров с семантикой необходимости. Если говорить о сотрудничестве или конфронтации, первая отмечена преобладанием модальных маркеров с семантикой возможности, вторая – с семантикой необходимости. Перлокутивный эффект социального содержания проявляется в том, что говорящий намеренно принижает собеседника или, наоборот, стремится сократить существующую социальную дистанцию. В первом случае будут преобладать модальные маркеры ЭН, во втором – ЭВ. Моральный перлокутивный эффект или эффект наставничества отмечен более частым использованием лексических и лексико-грамматических средств выражения ЭН, так как говорящий максимально понятно стремится донести до слушающего его неправоту или аморальность поведения.

Таким образом, проведенное исследование показало сложность и многокомпонентность структуры ЭМ в современном английском языке. В данной работе были описаны основные типы коммуникативных ситуаций и их структурные компоненты, представляющие собой совокупность прагматических факторов, оказывающих влияние на выбор коммуникантами МГ и МС, эксплицирующих семантику ЭВ или ЭН.

Дальнейшие перспективы исследования мы видим в изучении феномена коммуникативной неудачи, вызванной оперированием недостоверных или

частично достоверных сведений, отмеченных введением в пропозицию высказывания эпистемических модальных маркеров с семантикой необходимости или возможности. Кроме того, представляется интересным анализ коммуникативно-прагматических особенностей выражения ЭМ другими языковыми средствами, такими как модальные конструкции, в которых составное именное сказуемое выражено глаголом-связкой *to be* и именной частью, выражающей (не-) уверенность: *certain (uncertain), sure (unsure), confident, convinced*; конструкции с предикатами, отражающими семантику мыслительной деятельности (значение «знание» передаёт глагол *to know*, «предположение» – *to think, to suppose, to assume, to presume, to believe, to feel, to guess, to fancy, to expect, to reckon, to imagine, to surmise*, «сомнение» – *to doubt*) и синонимичными вводными конструкциями, выражающими уверенность говорящего (*in my opinion, to my mind, to my way of thinking, It's my belief / opinion ... that*); предложения с вводным местоимением *It* в качестве подлежащего и придаточной частью, вводимой союзом *that* (*It is possible (impossible) / clear / obvious / plain / likely (unlikely) ... that*).

Список сокращений и условных обозначений

МГ	Модальные глаголы
МС	Модальные слова
ЭВ	Эпистемическая возможность
ЭМ	Эпистемическая модальность
ЭН	Эпистемическая необходимость

Список литературы

1. Аверина, А. В. Стилистический аспект функционально-семантического поля: на примере поля эпистемической модальности немецкого языка : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / А. В. Аверина. – М., 2010. – 38 с.
2. Агаева, Ф. А. Модальность как лингвистическая категория (на материале английского и туркменского языка) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Ф. А. Агаева. – Баку, 1990. – 47 с.
3. Адамец, П. К вопросу о модификациях (модальных трансформациях) со значением необходимости и возможности / П. Адамец // *Ceskoslovenska rusistika*. – 1968. – № 2. – С. 88–94.
4. Азнаурова, Э. С. Прагматика художественного слова / Э. С. Азнаурова. – Издательство «Фан» Узбекской ССР, 1988. – 126 с.
5. Алефиренко, Н. Ф. Современные проблемы науки о языке : Учебное пособие / Н. Ф. Алефиренко. – М. : Флинта: Наука, 2005. – 416 с.
6. Алиева, Э. Н. Функционально-семантическая категория модальности и ее реализация в разноструктурных языках (русском, английском и лезгинском) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.02, 10.02.20 / Э. Н. Алиева. – М., 2010. – 62 с.
7. Алисова, Т. Б. Дополнительные отношения модуса и диктума / Т. Б. Алисова // *Вопросы языкознания*. – 1971. – № 1. – С. 54–64.
8. Анохина, В. С. Стратегии и тактики коммуникативного поведения в малой социальной группе (семье) / В. С. Анохина // *Вестник Ставропольского государственного*. – 2008. – № 3. – С. 64–71.
9. Антонова, Ю. А. Коммуникативные стратегии и тактики в современном газетном дискурсе (отклики на террористический акт) : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ю. А. Антонова. – Екатеринбург, 2007. – 25 с.

10. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. – М. : Языки русской культуры, 1995. – 767 с.
11. Апресян, Ю. Д. От истины до лжи по пространству языка / Ю. Д. Апресян // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М. : Издательство «Индрик», 2008. – С. 23–45.
12. Аристов, С. А. Коммуникативно-когнитивная лингвистика и разговорный дискурс / С. А. Аристов, И. П. Сусов // Лингвистический вестник : сб. науч. тр. – Ижевск: Изд-во учеб.-метод. объединения Santa Linqua, 1999. – Вып. I. – С. 5–10.
13. Арутюнова, Н. Д. От редактора / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. – М. : Наука, 1995. – С. 5.
14. Арутюнова, Н. Д. Прагматика / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – С. 389–390.
15. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1976. – 383 с.
16. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 341 с.
17. Арутюнова, Н. Д. Фактор адресата / Н. Д. Арутюнова // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – М. : Наука, 1981. – Т. 40. – № 4. – С. 356–367.
18. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М. : Языки русской культуры, 1999. – I–XV, 896 с.
19. Ахунзянова, Р. Р. Эпистемическая модальность и средства ее выражения в английском и татарском языках : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Р. Р. Ахунзянова. – Казань, 2012. – 214 с.
20. Бабенко, Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика : Учебник. Практикум / Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин. – 2. изд. – М. : Флинта: Наука, 2004. – 495, [1] с.

21. Бабушкин, А. П. «Возможные миры» в семантическом пространстве языка / А. П. Бабушкин. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. – 86 с.
22. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1955. – 416 с.
23. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли ; под ред. Е. Г. Эткинда ; пер. с фр. К. А. Долинина. – Изд. 3-е. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 384 с.
24. Бархударов, Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) / Л. С. Бархударов. – М. : «Междунар. отношения», 1975 г. – 240 с.
25. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров / Бахтин М. М. // Собр. соч. – М. : Русские словари, 1996. – Т. 5 : Работы 1940–1960 гг. – С. 159–206.
26. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 424 с.
27. Бекетова, С. В. Когнитивно-прагматические и семантические характеристики средств выражения авторского знания в газетном дискурсе (на материале современного английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / С. В. Бекетова. – Пятигорск, 2013. – 27 с.
28. Беляева, Е. И. Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках / Е. И. Беляева. – Воронеж : ВГУ, 1985. – 180 с.
29. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист ; пер. с фр. / Общ. ред., вступ. ст. и коммент. Ю. С. Степанова. – Изд. 4-е. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 448 с.
30. Блох, М. Я. Поле эпистемической модальности в пространстве текста : Монография / М. Я. Блох, А. В. Аверина. – М. : МПГУ, 2011. – 156 с.
31. Блох, М. Я. Теоретические основы грамматики / М. Я. Блох. – 4-е изд., испр. – М. : Высшая школа, 2004. – 239 с.

32. Болдырев, Н. Н. Прототипическая семантика как метод лингвистического анализа / Н. Н. Болдырев // Лингвистические парадигмы и лингводидактика : Материалы VII Международной научно-практической конференции. Ответственный редактор А. В. Кравченко. – Иркутск : Издательство БГУ, 2002. – С. 21–29.
33. Болдырев, Н. Н. Прототипический подход: проблемы метода / Н. Н. Болдырев // Международный конгресс по когнитивной лингвистике : сб. материалов 26–28 сентября 2006 г. / отв. ред. Н. Н. Болдырев. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. ун-та, 2006. – С. 34–39.
34. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика : Курс лекций по английской филологии / Н. Н. Болдырев. – Тамбов : Изд-во Тамб. ун-та, 2001. – Изд. 2-е, стер. – 123 с.
35. Бондаренко, В. Н. Виды модальных значений и их выражение в языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / В. Н. Бондаренко. – М., 1977. – 23 с.
36. Бондарко, А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии / А. В. Бондарко. – 2-е изд. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 208 с.
37. Борисова, И. Н. Категория цели и аспекты текстового анализа / И. Н. Борисова // Жанры речи: Сборник научных статей. – Саратов : Изд-во Государственного учебно-научного центра «Колледж», 1999. – С. 81–96.
38. Борисова, Т. В. Лексические способы выражения модальности в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. В. Борисова. – М., 1951. – 17 с.
39. Бочкарёв, А. Е. К проблеме категоризации в теории прототипов: pro et contra / А. Е. Бочкарёв // Филология. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2015. – № 1. – С. 249–254.
40. Бугрова, С. Е. Феномен коммуникативной неудачи в рамках коммуникативно-прагматической парадигмы / С. Е. Бугрова // Вестник

- Челябинского государственного университета, 2012. – № 21 (275).
Филология. Искусствоведение. – Вып. 68. – С. 22–26.
41. Булыгина, Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелёв. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 576 с.
42. Буркова, С. И. Эвиденциальность и эпистемическая модальность в ненецком языке / С. И. Буркова // Исследования по теории грамматики. – Вып. 3. Ирреалис и ирреальность. – М., 2004. – С. 353–367.
43. Ван Дейк, Т. А. Стратегии понимания связного текста / Т. А. ван Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике : Выпуск XXIII. Когнитивные аспекты языка / Сост., ред. и вступ. ст. В. В. Петрова и В. И. Герасимова. – М. : Прогресс, 1988. – С. 153–211.
44. Ван Дейк, Т. А. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. – Б. : БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.
45. Василина, В. Н. Понятия стратегии и тактики в прагмалингвистике / В. Н. Василина // Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология. – 2006. – № 1 (21). – С. 28–37.
46. Васильев, Л. М. Семантическая категория оценки и оценочные предикаты / Л. М. Васильев // Исследования по семантике: Семантические категории в русском языке / отв. ред. Р. М. Гайсина. – Уфа : БГУ, 1996. – С. 55–62.
47. Васильев, Л. М. Современная лингвистическая семантика. Учеб. пособие для вузов / Л. М. Васильев. – М. : Высшая школа, 1990. – 176 с.
48. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая ; Пер. с англ. А. Д. Шмелёва под ред. Т. В. Булыгиной. – М. : Языки русской культуры, 1999. – xii, 776 с.
49. Виноградов, В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов ; Под. ред. Г. А. Золотовой. – 4-е изд. – М. : Рус. яз., 2001. – 720 с.

50. Виноградов, В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке. Исследования по русской грамматике : избранные труды / В. В. Виноградов. – М., 1975. – С. 53–87.
51. Винокур, Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения / Т. Г. Винокур. – М. : Наука, 1993. – 172 с.
52. Винокурова, М. А. Смысл «предположение» и языковые средства его выражения в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / М. А. Винокурова. – Барнаул, 2004. – 183 с.
53. Витгенштейн, Л. О достоверности / Л. Витгенштейн // Вопросы философии. – 1991. – № 2. – С. 67–120.
54. Волкова, Л. Б. Сравнительная типология категории модальности немецкого и татарского языков : Курс лекций / Л. Б. Волкова. – Казань : КГПИ, 1988. – 42 с.
55. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.
56. Гак, В. Г. Прагматика / В. Г. Гак // Русский язык : Энциклопедия / Гл. ред. Ю. Н. Караулов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Большая российская энциклопедия ; Дрофа, 1997. – 703 с.
57. Гак, В. Г. Теоретическая грамматика французского языка / В. Г. Гак. – М. : Добросвет, 2000. – 832 с.
58. Галкина-Федорук Е. М. Современный русский язык: Лексикология, фонетика, морфология : Учеб. пособие / Е. М. Галкина-Федорук, К. В. Горшкова, Н. М. Шанский. – Изд. 4-е. – М. : URSS, 2016. – 408 с.
59. Галкина-Федорук, Е. М. Безличные предложения в современном русском языке / Е. М. Галкина-Федорук. – Изд. 2-е. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 336 с.
60. Гойхман, О. Я. Речевая коммуникация : Учебник / О. Я. Гойхман, Т. М. Надеина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ИНФРА-М, 2008. – 207 с.

61. Горелов, И. Н. Основы психолингвистики. Учебное пособие. Третье, переработанное и дополненное издание / И. Н. Горелов, К. Ф. Седов. – М. : Издательство «Лабиринт», 2001. – 304с.
62. Городецкий, Б. Ю. К типологии коммуникативных неудач / Б. Ю. Городецкий, И. М. Кобозева, И. Г. Сабурова // Диалоговое взаимодействие и представление знаний. – Новосибирск : ВЦСО РАН, 1985. – С. 64–78.
63. Грайс, Г. П. Логика и речевое общение / Г. П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике : Выпуск XVI. Лингвистическая прагматика / Сост. и вступ. ст. Н. Д. Арутюновой и Е. В. Падучевой ; Общ. ред. Е. В. Падучевой. – М. : Прогресс, 1985. – 500 с.
64. Греймас, А.-Ж. Структурная семантика: Поиск метода / А.-Ж. Греймас ; перевод с французского Л. Зиминной. – М. : Академический Проект, 2004. – 368 с.
65. Грелл, М. О сущности модальности / М. Грелл // Языкознание в Чехословакии. – М., 1978. – С. 277–301.
66. Григорьева, В. С. Речевое взаимодействие в прагмалингвистическом аспекте на материале немецкого и русского языков : учебное пособие / В. С. Григорьева. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2006. – 80 с.
67. Гудман, Б. А. Идентификация референта и связанные с ней коммуникативные неудачи / Б. А. Гудман // Новое в зарубежной лингвистике : Выпуск XXIV. Компьютерная лингвистика : Пер. с англ. / Сост., ред. и вступ. ст. Б. Ю. Городецкого. – М. : Прогресс, 1989. – С. 209–258.
68. Гулыга, Е. В. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке / Е. В. Гулыга, Е. И. Шендельс. – М. : Просвещение, 1969. – 184 с.
69. Гулыга, Е. В. Теория сложноподчиненного предложения в современном немецком языке / Е. В. Гулыга. – М. : Высш. шк., 1971. – 206 с.
70. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1984. – 400 с.

71. Гуревич, В. В. Теоретическая грамматика английского языка. Сравнительная типология английского и русского языков : Учебное пособие / В. В. Гуревич. – 2-е изд. – М. : Флинта: Наука, 2003. – 168 с.
72. Дайнеко, П. М. Дискурсивные стратегии самопрезентации в институциональном интернет-общении: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / П. М. Дайнеко. – М., 2011. – 25 с.
73. Даньшина, Е. В. Стратегии и тактики американского предвыборного дискурса / Е. В. Даньшина // Вестник СумДУ. Сер. Филология. – 2007. – № 1. – Т. 2. – С. 24–28.
74. Денисюк, Е. В. Манипулятивное речевое воздействие: коммуникативно-прагматический аспект : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. В. Денисюк. – Екатеринбург, 2003. – 200 с.
75. Дешериева, Т. И. О соотношении модальности и предикативности / Т. И. Дешериева // Вопросы языкознания. – 1987. – № 1. – С. 35–45.
76. Димова, Г. В. Основные стратегии французского университетского педагогического дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Г. В. Димова. – Иркутск, 2004. – 17 с.
77. Ермакова, О. Н. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) / О. Н. Ермакова, Е. А. Земская // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. – М., 1993. – С. 30–63.
78. Ермолаева, Л. С. Очерки по сопоставительной грамматике германских языков : Учеб. пособие для студентов ин-тов и фак-тов иностр. яз / Л. С. Ермолаева. – М. : Высш. шк., 1987. – 128 с.
79. Закиев, М. З. Татарская грамматика. Т. 3. Синтаксис / М. З. Закиев. – Казань : Татарское книжное издательства, 1992. – 186 с.
80. Зеленщиков, А. В. Пропозиция и модальность / А. В. Зеленщиков. – Изд. 2-е, доп. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 216 с.

81. Зернецкий, В. П. Лингвистические аспекты теории речевой деятельности / В. П. Зернецкий // Языковые процессы и единицы : Межвуз. сб. научн. тр. – Калинин : КГУ, 1988. – С. 36–41.
82. Золотова, Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. – М. : Наука, 2004. – 544 с.
83. Золотова, Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1973. – 352 с.
84. Иванова, И. П. Теоретическая грамматика современного английского языка : Учебник / И. П. Иванова, В. В. Бурлакова, Г. Г. Почепцов. – М. : Высш. школа, 1981. – 285 с.
85. Ильиш, Б. А. Строй современного английского языка : Учебник по курсу теоретической грамматики для студентов педагогических институтов (на английском языке) / Б. А. Ильиш. – Изд. 2-е. – Л. : Просвещение, 1971. – 367 с.
86. Ильчук, Е. В. Некоторые типы эпистемической модальности в английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. В. Ильчук. – М., 1990. – 24 с.
87. Исламова, Э. М. Лексико-грамматические средства выражения эпистемической модальности в английском и даргинском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Э. М. Исламова. – Махачкала, 2004. – 21 с.
88. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – Изд. 5-е. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 288 с.
89. Исследования по теории грамматики. Вып. 3. Ирреалис и ирреальность / Ред. Ю. А. Ландер, В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева. – М. : Гнозис, 2004. – 476 с.
90. Калининская, Н. В. Выражение модальной оценки обычности высказывания : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н. В. Калининская. – М., 1988. – 18 с.

91. Карасик, В. И. Коммуникативная тональность / В. И. Карасик // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. – 2008. – № 4. – С. 20–29.
92. Карасик, В. И. Язык социального статуса / В. И. Карасик. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2002. – 333 с.
93. Карпоян, С. М. Эпистемическая модальность в интернет-комментарии : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / С. М. Карпоян. – Ростов-на-Дону, 2014. – 183 с.
94. Касевич, В. Б. Семантика. Синтаксис. Морфология / В. Б. Касевич. – М. : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988. – 309 с.
95. Каушанская, В. Л. Грамматика английского языка. Пособие для студентов педагогических институтов / В. Л. Каушанская, Р. Л. Ковнер, О. Н. Кожевникова, Е. В. Прокофьева и др. – 5-е изд., испр. и доп. – М. : Айрис-пресс, 2008. – 384 с.
96. Клюев, Е. В. Речевая коммуникация / Е. В. Клюев. – М. : Рипол Классик, 2002. – 320 с.
97. Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика : Учебное пособие / И. М. Кобозева. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
98. Кобрина, Н. А. Грамматика английского языка: Морфология. Синтаксис. Учебное пособие для студентов педагогических институтов и университетов по специальности № 2103 «Иностранные языки» / Н. А. Кобрина, Е. А. Корнеева, М. И. Оссовская, К. А. Гусева. – СПб. : СОЮЗ, 1999. – 496 с.
99. Кобрина, О. А. Специфика коммуникативной категории модуса / О. А. Кобрина // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2011. – №1. – С. 70–74.
100. Колшанский, Г. В. Контекстная семантика / Г. В. Колшанский ; Отв. ред. Ю. С. Степанов. – Изд. 4-е. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 152 с.

101. Колшанский, Г. В. Объективная картина мира в познании и языке / Г. В. Колшанский ; Отв. ред. А. М. Шахнарович. Предисл. С. И. Мельник и А. М. Шахнаровича. – Изд. 2-е, доп. – М. : Едиториал УРСС, 2005. – 128 с.
102. Комарова, З. И. Коммуникативно-прагматическая парадигма в дисциплинарно-методологическом пространстве современной лингвистики / З. И. Комарова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 1 (292). Филология. Искусствоведение. – Вып. 73. – С. 66–71.
103. Комарова, З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике. Учебное пособие / З. И. Комарова. – Екатеринбург : Изд-во УрФУ, 2012. – 818 с. (электронная версия)
104. Коморова, Д. Ф. Прагмалингвистические особенности пожелания в немецком и русском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Д. Ф. Коморова. – Томск, 2005. – 19 с.
105. Корнилов, А. А. Субъективно-модальная характеристика высказывания с точки зрения достоверности-недостоверности его содержания / А. А. Корнилов // Функциональный анализ грамматических аспектов высказывания. – Л. : ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1985. – С. 43–51.
106. Кошева, А. Ш. Функционально-семантическое поле модальности в разносистемных языках (на материале английского и карачаево-балкарского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / А. Ш. Кошева. – Нальчик, 2006. – 25 с.
107. Кравченко, А. В. Знак, значение, знание. Очерк когнитивной философии языка / А. В. Кравченко. – Иркутск : Издание ОГУП «Иркутская областная типография № 1», 2001. – 261 с.
108. Краснова, Т. И. Субъективность – Модальность (материалы активной грамматики) / Т. И. Краснова. – СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2002. – 189 с.
109. Кронгауз, М. А. Семантика : Учебник для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений / М. А. Кронгауз. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Издательский центр «Академия», 2005. – 352 с.

110. Крушельницкая, К. Г. Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков / К. Г. Крушельницкая. – М. : Изд-во литературы на иностранных языках, 1961. – 265 с.
111. Кубрякова, Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика, психология, когнитивная наука / Е. С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 34–47.
112. Кукса, И. Ю. Средства выражения модального значения достоверности в газете «Ведомости» / И. Ю. Кукса // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2011. – № 1. – С. 38–41.
113. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка / А. В. Кунин. – Дубна : Феникс+, 2005. – 488с.
114. Куницына, В. Н. Межличностное общение / В. Н. Куницына, Н. В. Казаринова, В. М. Погольша. – СПб. : Питер, 2001. – 544 с.
115. Лайонз, Дж. Лингвистическая семантика. Введение / Дж. Лайонз. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 400 с.
116. Ляпон, М. В. Модальность / М. В. Ляпон // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – С. 303–304.
117. Маковельский, А. О. История логики / А. О. Маковельский. – М. : Кучково поле, 2004. – 480 с.
118. Маркелова, Т. В. Взаимодействие оценочных и модальных значений в русском языке / Т. В. Маркелова // Филологические науки. – 1996. – № 1. – С. 80–90.
119. Маслова, В. А. Современные направления в лингвистике : учеб. пособие для студ. высш. заведений / В. А. Маслова. – М. : Издательский центр «Академия», 2008. – 272с.
120. Меликсетян, С. Г. Эпистемические наречия английского языка: структурно-семантическая организация : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / С. Г. Меликсетян. – Пятигорск, 2002. – 20 с.

121. Милосердова, Е. В. Прагматика речевого общения : Учеб. пособие / Е. В. Милосердова. – Тамбов : Изд-во Тамб. ун-та, 2001. – 122 с.
122. Милосердова, Е. В. Прагматические аспекты модальности простого предложения в современном немецком языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / Е. В. Милосердова. – Ленинград, 1991. – 36 с.
123. Милосердова, Е. В. Семантика и прагматика модальности / Е. В. Милосердова. – Воронеж, 1991. – 196 с.
124. Михневич, Л. Модальность как информационный компонент смысла текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Л. Михневич. – М., 1986. – 26 с.
125. Мишланов, В. А. Коммуникативные стратегии и тактики в современном политическом дискурсе (на материале политической рекламы предвыборных кампаний 2003, 2007, 2008 гг.) / В. А. Мишланов, Н. С. Нецветева // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2009. – № 6. – С. 5–13.
126. Морозова, О. Н. Определение понятия коммуникации в современной лингвистике / О. Н. Морозова, О. А. Базылева // Вестник ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2011. – Т. 7. – № 1. – С. 204–211.
127. Мусатов, А. А. Выражение модального значения вероятности во французском и русском языках в их сопоставлении (на материале текстов СМИ) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / А. А. Мусатов. – М., 2009. – 26 с.
128. Мустайоки, А. Коммуникативные неудачи сквозь призму потребностей говорящего / А. Мустайоки // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика / Сост. А. А. Кибрик, А. Д. Кошелев; ред. А. А. Кибрик, А. Д. Кошелев, А. В. Кравченко, Ю. В. Мазурова, О. В. Фёдорова. – М. : Языки славянской культуры, 2015. – С. 543–559.

129. Мустайоки, А. Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам / А. Мустайоки. – М. : Языки славянской культуры, 2006. – 512 с.
130. Немец, Г. П. Семантико-синтаксические средства выражения модальности в русском языке / Г. П. Немец ; Отв. ред. В. В. Казмин. – Ростов-на-Дону : Изд-во Рост. ун-та, 1989. – 142, [2] с.
131. Никитин, М. В. Основания когнитивной семантики : Учебное пособие / М. В. Никитин. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. – 277 с.
132. Новое в зарубежной лингвистике: Выпуск X. Лингвистическая семантика / Сост., общ. ред. и вступ. ст. В. А. Звегинцева. – М. : Прогресс, 1981. – 567 с.
133. Новое в зарубежной лингвистике: Выпуск XVI. Лингвистическая прагматика / Сост. и вступ. ст. Н. Д. Арутюновой и Е. В. Падучевой ; Общ. ред. Е. В. Падучевой. – М. : Прогресс, 1985. – 504 с.
134. Новое в зарубежной лингвистике: Выпуск XVII. Теория речевых актов / Сост. и вступ. ст. И. М. Кобозевой и В. З. Демьянкова ; Общ. ред. Б. Ю. Городецкого. – М. : Прогресс, 1986. – 423 с.
135. Новое в зарубежной лингвистике: Выпуск XXIII. Когнитивные аспекты языка / Сост., ред. и вступ. ст. В. В. Петрова и В. И. Герасимова. – М. : Прогресс, 1988. – 320 с.
136. Олефир, С. С. Обзор теоретических изысканий в области лингвистической модальности / С. С. Олефир // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2011. – № 2 – С. 122–126.
137. Олешков, М. Ю. Моделирование коммуникативного процесса : монография / М. Ю. Олешков. – Нижний Тагил : Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 2006. – 336 с.
138. Олешков, М. Ю. Основы функциональной лингвистики: дискурсивный аспект: учеб. пособие для студентов фак. рус. яз. и лит. / М. Ю. Олешков. – Нижний Тагил : Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 2006. – 146 с.

139. Осетров, И. Г. Аспекты синтаксической модальности простого предложения в современном русском языке : монография / И. Г. Осетров. – Ульяновск : УлГПУ, 2013. – 132 с.
140. Остин, Дж. Л. Слово как действие / Дж. Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике: Выпуск XVII. Теория речевых актов / Сост. и вступ. ст. И. М. Кобозевой и В. З. Демьянкова ; Общ. ред. Б. Ю. Городецкого. – М. : Прогресс, 1986. – С. 22–129.
141. Падучева, Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений) / Е. В. Падучева. – М. : Наука, 1985. – 272 с.
142. Падучева, Е. В. Прагматические аспекты связности диалога / Е. В. Падучева // Известия АН СССР. Сер. лит. и языка. – М. : Наука, 1982. – Т. 41. – № 4. – С. 305–313.
143. Панфилов, В. З. Категория модальности и её роль в конституировании структуры предложения и суждения / В. З. Панфилов // Вопросы языкознания. – 1977. – № 4. – С. 37–48.
144. Панченко, Н. Н. Достоверность как коммуникативная категория : монография / Н. Н. Панченко ; науч. ред. В. И. Шаховский. – Волгоград : Изд-во ВГПУ «Перемена», 2010. – 322 с.
145. Парамонов, Д. А. О грамматическом выражении модальности в современном русском языке / Д. А. Парамонов // Вестник Омского университета. – Омск : Омский государственный университет, 1996. – Вып. 2. – С. 76–79.
146. Паршина, О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / О. Н. Паршина. – Саратов, 2005. – 325 с.
147. Петров В. В. На пути к когнитивной модели языка / В. В. Петров, В. И. Герасимов // Новое в зарубежной лингвистике: Выпуск XXIII. Когнитивные аспекты языка / Сост., ред. и вступ. ст. В. В. Петрова и В. И. Герасимова. – М. : Прогресс, 1988. – С. 5–11.

148. Петров, Н. Е. О содержании и объёме языковой модальности / Н. Е. Петров. – Новосибирск : Наука, 1982. – 161 с.
149. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – 544 с.
150. Плунгян, В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира / В. А. Плунгян. – М. : Российский государственный гуманитарный университет, 2011. – 672 с.
151. Полякова С. Е. Понятие и причины возникновения коммуникативных неудач / С. Е. Полякова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2012. – Т. 7. – № 1. – С. 83–92.
152. Попова, Е. А. Авторская модальность как средства выражения антропоцентричности текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. А. Попова. – Липецк, 1996. – 22 с.
153. Попова, Е. А. Политический дискурс как предмет культурно-лингвистического изучения / Е. А. Попова // Языковая личность: проблемы значения и смысла : Сб. науч. тр. – Волгоград : Перемена, 1994. – С. 143–152.
154. Попова, Е. А. Причины коммуникативных неудач в англоязычной диалогической речи / Е. А. Попова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия Гуманитарные науки. – 2014. – № 25 (711). – С. 75–88.
155. Постовалова, В. И. «Истина» и «заблуждения» в православном мирозерцании / В. И. Постовалова // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М. : Изд-во «Индрик», 2008. – С. 188–210.
156. Потапенко, А. С. Семантико-синтаксические и прагматические свойства базисных эпистемических глаголов испанского и английского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / А. С. Потапенко. – Пятигорск, 2003. – 16 с.

157. Почепцов, Г. Г. Теория коммуникации / Г. Г. Почепцов. – К. : Ваклер ; М. : Рефл-бук, 2001. – 656 с.
158. Радюк, А. В. Кооперативные коммуникативные стратегии и тактики как средства гармонизации английского делового дискурса / А. В. Радюк // Вестник МГИМО-Университета. – 2013. – № 1 (28). – С. 236–240.
159. Распопов, И. П. Спорные вопросы синтаксиса / И. П. Распопов ; отв. ред. Н. П. Колесников. – Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1981. – 125 с.
160. Романова, Т. В. Модальность. Оценка. Эмоциональность. Монография / Т. В. Романова. – Н. Новгород : Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, 2008. – 308 с.
161. Русская грамматика. Т. 2. Синтаксис / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Наука, 1980. – 710 с.
162. Рытникова, Я. Т. Гармония и дисгармония в открытой семейной беседе / Я. Т. Рытникова // Русская разговорная речь как явление городской культуры. – Екатеринбург : Арго, 1996. – С. 94–115.
163. Савицкая, С. Н. Фразеологические единицы с модальным значением в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. Н. Савицкая. – М., 1963. – 16 с.
164. Сафина, А. Р. Влияние социальных характеристик коммуникантов на функционирование модальных слов в современном английском языке / А. Р. Сафина, Р. Д. Шакирова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – Киров: Изд-во Вятского государственного гуманитарного университета. – 2015. – № 11. – С. 110–113.
165. Сафина, А. Р. Гендерно-возрастной аспект прагматического потенциала модальных глаголов / А. Р. Сафина // Вестник НГПИ : сборник научно-методических трудов. – Набережные Челны : НИСПТР. – 2015. – Вып. 24. – С. 124–130.
166. Сафина, А. Р. Интенциональный аспект коммуникативного взаимодействия с эпистемической семантикой / А. Р. Сафина // Теоретическое и методическое обеспечение современного филологического образования :

- Материалы Международной заочной научно-практической конференции, посвященной 25-летию кафедры иностранных языков НГПУ / Отв. ред. Шакирова Р. Д. – Набережные Челны : НГПУ, 2016. – С. 64–72.
167. Сафина, А. Р. Искажение достоверности информации в ходе развертывания диалога (на материале английского языка) / А. Р. Сафина, Р. Д. Шакирова // Диалог культур в образовательном пространстве : Всерос. научно-практ. конф., Набережные Челны, декабрь 2017 г. : сборник материалов / отв. редактор Д. Ш. Гильманов. – Набережные Челны : НГПУ, 2017. – С. 182–187.
168. Сафина, А. Р. Коммуникативная ситуация как прагматический фактор выбора модальных слов / А. Р. Сафина // Современные проблемы филологии и методики преподавания языков: вопросы теории и практики: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 50-летию факультета иностранных языков ЕИ К(П)ФУ (23 октября 2015 г.) : Сборник научных трудов. – Елабуга : Изд-во Елабужского института Казанского федерального университета. – 2015. – С. 187–191.
169. Сафина, А. Р. Коммуникативно-прагматические функции модальных слов (на материале современного английского языка) / А. Р. Сафина // Вестник Бурятского государственного университета. Романо-германская филология. – Улан-Удэ : Изд-во БГУ. – 2015. – № 11. – С. 65–69.
170. Сафина, А. Р. Коммуникативные стратегии и тактики, реализуемые при экспликации эпистемической модальности в английском языке / А. Р. Сафина // Вестник Брянского государственного университета. – № 2 (32) 2017 : исторические науки и археология/ литературоведение/ языкознание/ педагогические науки. – Брянск : РИО БГУ, 2017. – С. 255–259.
171. Сафина, А. Р. Ментальное состояние коммуникантов и его влияние на достоверность высказывания / А. Р. Сафина // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. – Кострома : Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2016. – Т. 22. – № 5. – С. 184–187.

172. Сафина, А. Р. Перлокутивный эффект высказываний с эпистемической семантикой / А. Р. Сафина // Основные проблемы современного языкознания: Сборник статей VIII международной научно-практической конференции (Астрахань, 2016 г.). – Астрахань : Издательский дом «Астраханский университет», 2016. – С. 58–62.
173. Сафина, А. Р. Прагматика диалога с эпистемической семантикой / А. Р. Сафина // Диалог культур в образовательном пространстве : Всерос. научно-практ. конф., Набережные Челны, декабрь 2017 г. : сборник материалов / отв. редактор Д. Ш. Гильманов. – Набережные Челны : НГПУ, 2017. – С. 187–191.
174. Сафина, А. Р. Прототипические и непрототипические средства выражения эпистемической модальности в английском языке / А. Р. Сафина, Р. Д. Шакирова // Современные исследования социальных проблем. – Красноярск : Научно-инновационный центр. – 2017. – Том 9. – № 3–3. – С. 287–292.
175. Сафина, А. Р. Семантико-прагматические особенности функционирования модального глагола *must* / А. Р. Сафина // В мире научных открытий. – Красноярск : Научно-инновационный центр. – 2014. – № 11.13 (59) (Социально-гуманитарные науки). – С. 5370–5375.
176. Сафина, А. Р. Статус модальности достоверности в английском языке / А. Р. Сафина // Теоретические и прикладные аспекты современной науки : сборник научных трудов по материалам VII Международной научно-практической конференции 31 января 2015 г. : в 10 ч. / Под общ. ред. М. Г. Петровой. – Белгород : ИП Петрова М. Г. – 2015. – Часть IV. – С. 85–89.
177. Сафина, А. Р. Теоретические аспекты изучения эпистемической модальности и эвиденциальности / А. Р. Сафина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота. – 2016. – № 9 (63): в 3-х ч. Ч. 2. – С. 142–145.
178. Селиверстова, О. Н. Труды по семантике / О. Н. Селиверстова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 960 с.

179. Сергунина, Т. А. Речевые средства выражения категории модальности в русском художественном тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Т. А. Сергунина. – Киев, 1990. – 17 с.
180. Серебрякова, А. Ю. О причинах коммуникативных неудач / А. Ю. Серебрякова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2013. – Т. 10. – № 1. – С. 98–100.
181. Сковородников, А. П. О необходимости разграничения понятий «риторический приём», «стилистическая фигура», «речевая тактика», «речевой жанр» в практике терминологической лексикографии / А. П. Сковородников // Риторика ↔ Лингвистика : сборник статей. – Смоленск : СГПУ, 2004. – Вып. 5. – С. 5–12.
182. Смирнова, Е. Д. Основы модальной семантики / Е. Д. Смирнова. – М. : Высшая школа, 1990. – 144 с.
183. Сморгонская, Е. В. Психолингвистическая дифференциация и классификация речевых сбоев / Е. В. Сморгонская // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж : Воронежский государственный университет. – 2008. – №3 – С. 140–142.
184. Солганик, Г. Я. О текстовой модальности как семантической основе текста / Г. Я. Солганик // Структура и семантика художественного текста : Доклады VII Международной конференции МГОПУ. – М., 1999. – С. 364–372.
185. Стернин И. А. Очерк английского коммуникативного поведения / И. А. Стернин, Т. В. Ларина, М. А. Стернина. – Воронеж : изд-во «Истоки», 2003. – 185 с.
186. Стернин, И. А. Введение в речевое воздействие / И. А. Стернин. – Воронеж, 2001. – 227 с.
187. Сусов, И. П. Введение в теоретическое языкознание / И. П. Сусов. – М. : Восток-Запад, 2006. – 382 с.

188. Сусов, И. П. Лингвистическая прагматика. Учебник для студентов, магистрантов и аспирантов (докторантов) / И. П. Сусов. – М. : Восток-Запад, 2006. – 200 с.
189. Сусов, И. П. Прагматическая структура высказывания / И. П. Сусов // Языковое общение и его единицы. – Калинин, 1986. – С. 7–11.
190. Сухих, С. А. Речевые интеракции и стратегии / С. А. Сухих // Языковое общение и его компоненты : Межвуз. сб. научн. тр. – Калинин : КГУ, 1986. – С. 71–85.
191. Таривердиева, М. А. Семантика модальных глаголов и их роль в предложении-высказывании / М. А. Таривердиева // Филологические науки. – 1987. – № 6. – С. 53–59.
192. Телецкая, Т. В. Логико-философские аспекты модальности достоверности / Т. В. Телецкая // Культура народов Причерноморья. – 2006. – Т. 2. – № 82. – С. 173–175.
193. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / Отв. ред. А. В. Бондарко. – Ленинград : Наука, 1990. – 264 с.
194. Трошина, А. В. Эпистемические модальные модификаторы в английском и русском языках : сопоставительный анализ на основе переводов: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04, 10.02.20 / А. В. Трошина. – СПб., 2008. – 22 с.
195. Тураева, З. Я. Модальность сквозь призму прагматических контекстов / З. Я. Тураева // Функциональные, типологические и лингводидактические аспекты исследования модальности : Тезисы докладов конференции ; Л. А. Бирюлин, А. В. Бондарко, Ю. М. Малинович, В. С. Храковский (отв. ред.). – Иркутск, 1990. – С. 111–112.
196. Усенкова, Э. В. Средства выражения модальных значений в нгансанском языке в сопоставлении с селькупским языком: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Э. В. Усенкова. – Томск, 2002. – 186 с.

197. Федорова, И. Р. Модальность возможности в современном русском языке (на материале газет) : Учебное пособие / И. Р. Федорова. – Калининград, 2000. – 85 с.
198. Филиппов, К. А. Лингвистика текста : Курс лекций / К. А. Филиппов. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003. – 336 с.
199. Фирстова, Л. А. Дискурсивные стратегии и тактики в рамках телепублицистического дискурса (на материале русскоязычных и англоязычных информационных программ) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Л. А. Фирстова. – Саратов, 2008. – 24 с.
200. Формановская, Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход / Н. И. Формановская. – М. : Рус. яз., 2002. – 216 с.
201. Функции модальных глаголов в английском языке (их аналоги в русском языке) : Учебное пособие по практической грамматике английского языка / Сост. Г. В. Кузьмина. – М. : Изд-во РУДН, 2002. – 58 с.
202. Худяков, А. А. Теоретическая грамматика английского языка : Учеб. пособие для студ. филол. фак. и фак. ин. яз. высш. учеб. заведений / А. А. Худяков. – М. : Издательский центр «Академия», 2005. – 256 с.
203. Целищев, В. В. Философские проблемы логики : (семантические аспекты) / В. В. Целищев, В. В. Петров. – М. : Высшая школа, 1984. – 128 с.
204. Чепурная, А. И. Языковое маркирование эпистемической ответственности автора публицистического текста : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / А. И. Чепурная. – Ставрополь, 2015. – 177 с.
205. Червяков, А. А. Семантика should и семантика глагола в инфинитиве / А. А. Червяков // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2011. – № 3. – С. 52–57.
206. Чибук, А. В. Функционально-семантическое поле предположения в немецком и русском языках (сопоставительный аспект) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / А. В. Чибук. – Екатеринбург, 2004. – 19 с.

207. Шакирова, Р. Д. Понятие эпистемического статуса и средства его выражения в современном немецком языке / Р. Д. Шакирова. – М. : Филологические науки. – 2009. – №2. – С. 89–97.
208. Шакирова, Р. Д. Эпистемический статус высказывания (на материале современного немецкого языка) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / Р. Д. Шакирова. – Набережные Челны, 2006. – 404 с.
209. Шатуновский, И. Б. Семантика предложения и неререферентные слова (значение, коммуникативная перспектива, прагматика) / И. Б. Шатуновский. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 400 с.
210. Шатуновский, И. Б. Эпистемические глаголы: коммуникативная перспектива, презумпции, прагматика / И. Б. Шатуновский // Логический анализ языка. Знание и мнение : Сб. науч. тр. / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – С. 18–22.
211. Шатуновский, И. Б. Эпистемические предикаты в русском языке (семантика, коммуникативная перспектива, прагматика) / И. Б. Шатуновский // Прагматика и проблемы интенциональности. – М. : АН СССР, Ин-т языкознания, 1988. – С. 255–277.
212. Шведова, Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи / Н. Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 2003. – 378 с.
213. Швец, В. М. Усвоение ребенком эпистемической модальности : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / В. М. Швец. – Череповец, 2004. – 162 с.
214. Швец, В. М. Субъективная (эпистемическая) модальность и её выражение в детской речи / В. М. Швец // Семантические категории в детской речи / отв. ред. С. Н. Цейтлин. – СПб., 2007. – С. 161–180.
215. Шелестюк, Е. В. Опыт прагмалингвистического анализа коммуникативной неудачи в коммуникативном акте-диалоге в Интернет / Е. В. Шелестюк // Актуальные проблемы современного научного знания : материалы III междунар. науч. конф. Ч. I. / под общ. ред. Н. А. Стадульской. – Пятигорск : ПГЛУиздат, 2010. – С. 359–366.

216. Шелякин, М. А. Язык и человек: К проблеме мотивированности языковой системы : учебное пособие / М. А. Шелякин. – М. : Флинта: Наука, 2005. – 296 с.
217. Шишкина, Е. В. Коммуникативные стратегии как средство установления истины участниками диалогического единства «допрос» в русской и немецкой лингвокультурах / Е. В. Шишкина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, «Языкознание». – 2011. – № 2 (14). – С. 169–174.
218. Шишкина, Р. Г. Высказывания, реализующие значения желательности / Р. Г. Шишкина. – Ижевск : Удмурт. гос. ун-т, 2001. – 97 с.
219. Шкаратан, О. И. Социология неравенства. Теория и реальность / О. И. Шкаратан. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 526 с.
220. Шмелёва, Т. В. Семантический синтаксис. Текст лекций / Т. В. Шмелёва. – Красноярск : Красноярский государственный университет, 1988. – 54 с.
221. Шмелёва, Т. В. Смысловая организация предложения и проблема модальности / Т. В. Шмелёва // Актуальные проблемы русского синтаксиса. – М., 1984. – С. 78–100.
222. Щербатых, Ю. В. Общая психология : учебное пособие / Ю. В. Щербатых. – Режим доступа: <http://www.no-stress.ru/Uchebniki/general-psych.html>. – Дата обращения: 29.05.2018.
223. Эслон, П. Проблема разграничения модальных значений / П. Эслон // Труды по русской и славянской филологии. – Тарту : Тарт. ун., 1997. – № 1. – С. 233–248.
224. Яковлева, Е. С. Значение и употребление модальных слов, относимых к разряду показателей достоверности/недостоверности : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. С. Яковлева. – М., 1983. – 23 с.
225. Якубинский, Л. П. О диалогической речи / Л. П. Якубинский // Избранные работы: Язык и его функционирование. – М. : Наука, 1986. – С. 17–58.
226. Янко, Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи / Т. Е. Янко. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – 384 с.

227. Яцко, В. А. Логико-семантические аспекты понятия отчуждённого знания / В. А. Яцко // Научно-техническая информация. – 1993. – Сер. 2. – №7.
228. Aikhenvald, A. Y. Evidentiality / A. Y. Aikhenvald. – Oxford University Press, 2005. – 480 p.
229. Aikhenvald, A. Y. Information source and evidentiality: What can we conclude? / A. Y. Aikhenvald // Italian Journal of Linguistics. – 2007. – Vol. 19.1. – P. 209–227.
230. Akmajian, A. Linguistics, Sixth Edition: An Introduction to Language and Communication / A. Akmajian, R. A. Demers, A. K. Farmer, R. M. Harnish. – The MIT Press : Cambridge, Massachusetts London, England, 2010. – 592 p.
231. Bakhtin, M. M. The Dialogic Imagination : Four Essays / M. M. Bakhtin / Ed. M. Holquist. Trans. C. Emerson and M. Holquist. – Austin and London : University of Texas Press, 1981. – 480 p.
232. Biber, D. Longman Grammar of Spoken and Written English / D. Biber, S. Johansson, G. Leech, S. Conrad, E. Finegan. – Pearson Education Ltd., 1999. – 1204 p.
233. Brown P. Speech as a Marker of Situation / P. Brown, C. Fraser // Social Markers in Speech. K. R. Scherer, H. Giles (Eds.). – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1979. – P. 33–62.
234. Brown, R. How Shall Things Be Called? / R. Brown // Psychological Review. – 1958. – Vol. 65. – No. 1. – P. 14–21.
235. Bybee, J. L. Morphology: A Study of the Relation between Meaning and Form / J. L. Bybee. – Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 1985. – 246 p.
236. Bybee, J. L. The Evolution of Grammar: Tense, Aspect, and Modality in the Languages of the World / J. L. Bybee, R. D. Perkins, W. Pagliuca. – Chicago : University of Chicago Press, 1994. – 398 p.
237. Chafe, W. Evidentiality in English conversation and academic writing // Evidentiality: The linguistic coding of epistemology / W. Chafe & J. Nichols (Eds.). – Norwood, NJ : Ablex, 1986. – P. 261–272.

238. Chung, K.-S. Spatial deictic tense and evidentials in Korean / K.-S. Chung // *Natural Language Semantics*. – 2007. – Vol. 15. – P. 187–219.
239. Coates, J. *The Semantics of the Modal Auxiliaries* / J. Coates. – London and Canberra : Croom Helm, 1983. – 259 p.
240. Coleman, L. Prototype Semantics: The English Word Lie / L. Coleman, P. Kay // *Language*. – 1981. – Vol. 57. – No. 1. – P. 26–44.
241. Davis, C. Evidential marking, interrogatives, and the maxim of quality / C. Davis, C. Potts, P. Speas // *Semantics and Linguistic Theory* 17. – University of Connecticut, 2007.
242. De Haan, F. The Place of Inference within the Evidential System / F. de Haan // *International Journal of American Linguistics*. – 2001. – Vol. 67. – P. 193–219.
243. De Haan, F. Typological approaches to modality / F. de Haan // W. Frawley (Ed.), *The Expression of Modality*. – Berlin : Mouton de Gruyter, 2006. – P. 27–69.
244. De Haan, F. Typology of Tense, Aspect and Modality Systems / F. de Haan // *The Oxford Handbook of Linguistic Typology*. Ed. by J. J. Song. – Oxford University Press, 2010. – 43 p.
245. Dik, S. C. On the notion «functional explanation» / S. C. Dik // *Functional explanations in linguistics*. – Bruxelles : U. de Bruxelles, 1986. – P. 11–52.
246. Döring, S. The focus sensitivity of sentence adverbs / S. Döring // *Proceedings of ConSOLE XIX* 201. – 2012. – P. 214–228.
247. Drubig, H. B. *On the Syntactic Form of Epistemic Modality* / H. B. Drubig. – University of Tübingen, 2001. – 52 p.
248. Engel, U. *Gaudium in scientia linguarum* / U. Engel // *Ausgewählte Schriften*. Bd. 44. – Wrocław-Dresden : Neisse Verlag, 2006. – 371 S.
249. *English Grammar in Use. A self-study reference and practice book for intermediate students, with answers*. – Cambridge, 2012. – 380 p.
250. *Evidentiality: the Linguistic Coding of Epistemology* / Ed. W. L. Chafe, J. Nichols. – Norwood - New Jersey : Ablex Publishing Corp., 1986. – 352 p.

251. Faller, M. T. *Semantics and Pragmatics of Evidentials in Cuzco Quechua* : PhD thesis / M. T. Faller. – Stanford University, 2002. – xviii, 286 p.
252. Faller, M. T. *Evidentiality and Epistemic Modality at the Semantics / Pragmatics Interface* / M. T. Faller. – The University of Manchester, 2006. – 32 p.
253. Fishman, J. A. *The sociology of language: an interdisciplinary social science approach to language in society* / J. A. Fishman. – Rowley, MA : Newbury House, 1972. – xiii, 250 p.
254. Frawley, W. *Linguistic semantics* / W. Frawley. – Hillsdale, NJ : Lawrence Erlbaum, 1992. – xvii, 533 p.
255. Garrett, E. J. *Evidentiality and Assertion in Tibetan* / E. J. Garrett. – UCLA dissertation, 2001. – xi, 292 p.
256. Giannakidou, A. *Affective dependencies* / A. Giannakidou // *Linguistics and Philosophy*. – 1999. – Vol. 22. – Iss. 4. – P. 367–421.
257. Givón, T. *Syntax. An Introduction* / T. Givón. – Volume I. – John Benjamins Pub Co, June 2001. – 500 p.
258. Grice, H. P. *Meaning* / H. P. Grice // *The Philosophical Review*. – 1957. – No. 66. – P. 377–388.
259. Groenendijk, J. *Modality and conversational information* / J. Groenendijk, M. Stockhof // *Theoretical Linguistics*. – 1975. – Vol. 2. – P. 61–112.
260. Hall, E. T. *The Hidden Dimension* / E. T. Hall. – NY : Doubleday, 1966. – 219 p.
261. Halliday, M. A. K. *Functional Diversity in Language as Seen from a Consideration of Modality and Mood in English* / M. A. K. Halliday // *Foundations of Language*. – Vol. 6. – No. 3. – Springer, 1970. – P. 322–361.
262. Helbig, G. *Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht* / G. Helbig, J. Buscha. – Berlin, München, Wien, Zürich, New York, 2005. – 654 S.
263. Hengeveld, K. *Illocution, mood and modality* / K. Hengeveld // *Morphology: A handbook on inflection and word formation* / G. Booij, C. Lehmann & J. Mugdan eds. – Berlin: Mouton de Gruyter, 2004. – Vol. 2. – P. 1190–1202.

264. Hoffman, T. R. Past Tense Replacement and the Modal System / T. R. Hoffman // Notes from the Linguistic Underground [Syntax and Semantics 7], J. D. McCawley (ed.). – NY : Academic Press, 1976. – P. 85–100.
265. Hoyer, L. Adverbs and modality in English / L. Hoyer. – Longman English Language Series. – London: Longman, 1997. – xii, 322 p.
266. Huddleston, R. The Cambridge Grammar of the English Language / R. Huddleston, G. K. Pullum. – Beccles : William Clowes Ltd, 2002. – 1860 p.
267. Ifantidou, E. Evidentials and Relevance / E. Ifantidou. – John Benjamins Publishing, 2001. – 225 p.
268. Jakobson, R. Shifters, Verbal Categories, and the Russian Verb / R. Jakobson. – Cambridge (Mass.) : Harvard Univ. Press, 1957.
269. James, F. Semantics of the English Subjunctive / F. James. – Vancouver : University of British Columbia Press, 1986. – vi, 168 p.
270. Karttunen, L. Possible and Must / L. Karttunen // J. P. Kimball ed. Syntax and semantics. – NY ; L. : Seminar Press, 1972. – Vol. 1. – P. 1–20.
271. Kiefer, F. Focus and Modality / F. Kiefer // Groninger Arbeiten zur Germanistischen Linguistik 24. – 1984. – P. 55–81.
272. Kloepfer R. Das Dialogische im Alltagssprache und Literatur / R. Kloepfer // Dialogforschung, Jahrbuch 1980 des Instituts für Deutsche Sprache. – Düsseldorf, 1981. – S. 314–333.
273. Knobe, J. Epistemic modals and context: Experimental data / J. Knobe, S. Yalcin // Semantics and Pragmatics. – 2014. – Vol. 7. – Article 10. – P. 1–21.
274. Kranich, S. Explicitness of epistemic modal marking: Recent changes in British and American English Svenja / S. Kranich, V. Gast // MIMS (Multilingual Individuals and Multilingual Societies). – Hamburg : Jena, 2012. – P. 1–19.
275. Kratzer, A. Modality / A. Kratzer // Semantik / Semantics. An International Handbook of Contemporary Research / A. von Stechow & D. Wunderlich (eds.). – Berlin : de Gruyter, 1991. – P. 639–650.
276. Kratzer, A. The Notional Category of Modality / A. Kratzer // Formal Semantics: The Essential Readings. – Oxford : Blackwell Publishers, 2002. – P. 289–323.

277. Language Typology and Syntactic Description. Volume III: Grammatical Categories and the Lexicon / Ed. T. Shopen. – Cambridge University Press, 2007. – 450 p.
278. Lassiter, D. Measurement and Modality: The Scalar Basis of Modal Semantics : PhD thesis / D. Lassiter. – New York University, 2011. – 211 p.
279. Lazard, G. On the grammaticalization of evidentiality / G. Lazard // *Journal of Pragmatics*. – 2001. – Vol. 33. – P. 359–367.
280. Leech, G. A Communicative Grammar of English / G. Leech, J. Svartvik. – Longman, 1975. – 304 p.
281. Leech, G. Principles of Pragmatics / G. Leech. – L., NY : Longman, 1983. – 257 p.
282. Leech, G. Semantic indeterminacy and the modals / G. Leech, J. Coates // *Studies in English Linguistics for Randolph Quirk* / S. Greenbaum, G. Leech and J. Svartvik (eds.). – L. : Longman, 1980. – P. 79–90.
283. Linton, R. The Study of Man: An Introduction / R. Linton. – NY : Appleton-Century-Co., Inc., 1936. – viii, 503 p.
284. Lyons, J. Semantics / J. Lyons. – Cambridge University Press, 1977. – 897 p.
285. Matthewson, L. Evidentials as epistemic modals: Evidence from St'át'imcets / L. Matthewson, H. Davis, H. Rullmann // *Linguistic Variation Yearbook* 7 (1). – John Benjamins Publishing Company, 2007. – P 201–254.
286. McCready, E. Evidentiality, Modality, and Probability / E. McCready, N. Ogata // *Linguistics and Philosophy*. – 2007. – Vol. 30. – P. 147–206.
287. Meanings and Prototypes: Studies in linguistic categorization / Ed. S. L. Tsohatzidis. – Routledge, 2014. – 584 p.
288. Modality in Contemporary English / R. Facchinetti, M. Krug, F. Palmer (eds.). – Berlin : Mouton de Gruyter, 2003. – vii, 396 p.
289. Modality-aspect interfaces: implications and typological solutions / Ed. by W. Abraham, E. Leiss. – Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2008. – 448 p.

290. Modes of Modality: Modality, Typology, and Universal Grammar / Ed. E. Leiss, W. Abraham. – John Benjamins, 2014. – vi, 512 p.
291. Mora-Bustos, A. Epistemic adverbs and mood alternation / A. Mora-Bustos // Guerrero, Ibáñez and Belloso. – 2009. – P. 447–467.
292. Morokhovskaya, E. J. Fundamentals of Theoretical English Grammar / E. J. Morokhovskaya. – К. : Вища школа, 1984. – 288 с.
293. Nauze, F. Modality in Typological Perspective : PhD thesis / F. Nauze. – Amsterdam : Institute for Logic, Language, and Computation, 2008. – x, 238 p.
294. Nuyts, J. Epistemic Modality, Language, and Conceptualization: a Cognitive-Pragmatic Perspective / J. Nuyts. – Amsterdam : John Benjamins, 2001. – 429 p.
295. Palmer, F. R. Modality and the English Modals / F. R. Palmer. – L., NY : Longman, 1979. – 196 p.
296. Palmer, F. R. Mood and Modality / F. R. Palmer. – Cambridge : Cambridge University Press, 1986. – xii, 243 p.
297. Palmer, F. R. Mood and Modality. 2nd edition / F. R. Palmer. – Cambridge : Cambridge University Press, 2001. – 236 p.
298. Papafragou, A. Epistemic Modality and Truth Conditions / A. Papafragou // *Lingua*. – 2006. – No. 116. – P. 1688–1702.
299. Papafragou, A. Modality and the Semantics-Pragmatics Interface / A. Papafragou. – L. : University College London, 1998. – 335 p.
300. Papafragou, A. Modality: issues in the semantics-pragmatics interface (Current Research in the Semantics / Pragmatics Interface) / A. Papafragou. – Amsterdam : Elsevier, 2000. – xii, 239 p.
301. Parsons, T. An Analytical Approach to the Theory of Social Stratification / T. Parsons // *American Journal of Sociology*. – 1940. – Vol. 45. – Issue 6. – P. 841–862.
302. Peterson, T. R. Epistemic Modality and Evidentiality in Gitksan at the Semantics-Pragmatics Interface / T. R. Peterson. – Vancouver : The University of British Columbia, 2010. – 184 p.

303. Pic, E. A study of Epistemic Modality in Academic and Popularised Discourse: the case of Possibility Adverbs Perhaps, Maybe and Possibly / E. Pic, G. Furmaniak // *Revista de Lenguas para Fines Específicos*. – 2012. – No. 18. – P. 13–44.
304. Pietrandrea, P. The grammatical nature of some epistemic-evidential adverbs in spoken Italian / P. Pietrandrea // *Rivista di Linguistica*. – 2007. – No. 19.1. – P. 39–63.
305. Pinon, C. Modal adverbs again / C. Pinon // Honoring Anita Mittwoch on her 80th birthday, Syntax, Lexicon, and Event Structure : 4-6 July 2006. – The Hebrew University of Jerusalem, 2006. – P. 1–6.
306. Portner, P. Modality / P. Portner. – Georgetown University, 2008. – 292 p.
307. Quirk, R. A Comprehensive Grammar of the English Language / R. Quirk. – Longman, 1985. – 1779 p.
308. Radden G. Cognitive English Grammar / G. Radden, R. Dirven. – Amsterdam : John Benjamins, 2007. – 374 p.
309. Rooryck, J. Evidentiality, Part I / J. Rooryck. – *Glott International* 5, 2001. – P. 125–133.
310. Rooryck, J. Evidentiality, Part II / J. Rooryck. – *Glott International* 5, 2001. – P. 161–168.
311. Rosch, E. Family Resemblances: Studies in the Internal Structure of Categories / E. Rosch, C. B. Mervis // *Cognitive Psychology*. – 1975. – No. 7. – P. 573–605.
312. Saeed, J. I. Semantics / J. I. Saeed. – 2nd edition. – Wiley-Blackwell, 2004. – 437 p.
313. Safina, A. R. Evidentiality, Epistemic Modality, and Epistemic Status / R. D. Shakirova, G. A. Sadrieva, A. R. Safina, I. G. Almikaeva, A. F. Galimullina // *International Journal of Applied Linguistics & English Literature*. – Australia : Australian International Academic Centre. – Vol. 5 – No. 5. – P. 32–38.
314. Simmel, G. Sociology: Inquiries into the Construction of Social Forms / G. Simmel // Transl. and ed. by A. J. Blasi, A. K. Jacobs, M. Kanjirathinkal. – Brill, 2009. – xvi, 692 p.

315. Simon, P. The Gramming Guide to English Grammar with Exercises [Electronic resource] / P. Simon. – 2nd edition. – P. Simon, 2013. – Available at: <https://www.twirpx.com/file/2350169/>. – Access date: 21.05.2018.
316. Simon-Vandenberg, A. M. The semantic field of modal certainty: a corpus-based study of English adverbs / A. M. Simon-Vandenberg, K. Aijmer. – Berlin, NY : Mouton de Gruyter. – 408 p.
317. Smith, E. E. Conceptual combination with prototype concepts / E. E. Smith, D. N. Osherson // *Cognitive Science*. – 1984. – No. 8. – P. 337–361.
318. Spranger, U. Modalwortprobleme (2). Die Modalwörter der Potentialität – eine bedeutende Gruppe unter den Modalwörtern / U. Spranger // *Deutsch als Fremdsprache*. – Leipzig, Hrsg. Herder-Institut, 1972. – № 6. – S. 348–352.
319. Stephany, U. Modality in Language Acquisition (Modalite Et Acquisition Des Langues) / U. Stephany / ed. by N. Dittmar; A. Reich. – B.; NY : de Gruyter, 1993. – 138 p.
320. *Studies in Evidentiality* / ed. by A. Y. Aikhenvald and R. M. W. Dixon. – Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2003. – xiv, 349 p.
321. Swan, T. The Development of Sentence Adverbs in English / T. Swan // *Studia Linguistica*. – 1988. – No. 42 (1) . – P. 1–17.
322. Swanson, E. Interactions with Context : PhD thesis / E. Swanson. – Massachusetts Institute of Technology, 2006. – 119 p.
323. Sweetser, E. From etymology to pragmatics: metaphorical and cultural aspects of semantic structure / E. Sweetser. – Cambridge [England]; NY : Cambridge University Press, 1990. – 174 p.
324. *The interaction of modality and negation: A typological study* / By F. de Haan. – NY : Garland Publishing, 1997. – xii, 257 p.
325. Traugott, E. C. Regularity in semantic change (Cambridge Studies in Linguistics, 97) / E. C. Traugott, R. B. Dasher. – Cambridge : Cambridge University Press, [2002] 2005. – xx, 341 p.

326. Van der Auwera, J. Modality's Semantic Map / J. van der Auwera, V. A. Plungian // *Linguistic Typology*. – 1998. – No. 2. – P. 79–124.
327. Verstraete, J.-C. The problem of subjective modality in the Functional Grammar model / J.-C. Verstraete // J. Lachlan Mackenzie and M. Gómez-González (eds.) *A New Architecture for Functional Grammar (Functional Grammar series 24)*. – Berlin : Mouton, 2004. – P. 243–274.
328. Vold, E. T. Epistemic modality markers in research articles: a cross-linguistic and crossdisciplinary study / E. T. Vold // *International Journal of Applied Linguistics*. – 2006. – Vol. 16. – No. 1. – P. 61–87.
329. Von Fintel, K. An Opinionated Guide to Epistemic Modality / K. von Fintel, A. S. Gillies // *Oxford Studies in Epistemology 2*. – 2007. – P. 32–62.
330. Von Fintel, K. Epistemic Modality for Dummies [Electronic resource] / K. von Fintel, A. S. Gillies. 2006. – Available at: <http://www.rci.rutgers.edu/~thony/fintel-gillies.ose2-final.pdf>. – Access date: 21.05.2018.
331. Von Fintel, K. Intensional semantics. Unpublished lecture notes / K. von Fintel, I. Heim. – Cambridge: MIT University Press, 2011. – vii, 133 p.
332. Von Fintel, K. Modality and Language / K. von Fintel // *Encyclopedia of Philosophy*. 2nd Edition, ed. by D. M. Borchert. – Detroit : MacMillan Reference USA, 2006. – 16 p.
333. Von Fintel, K. Morphology, syntax, and semantics of modals Syllabus / K. von Fintel, S. Iatridou. – July 27–August 12 2009. – 157 p.
334. Von Wright, G. H. An essay in modal logic / G. H. von Wright. – Amsterdam : North-Holland Publ. Co., 1951. – vi, 90 p.
335. Weatherson, B. Epistemic Modals and Epistemic Modality / B. Weatherson, A. Egan // *Epistemic Modality*. – UK : Oxford University Press, 2011. – 320 p.
336. Werner, T. Future and non-future modal sentences / T. Werner // *Natural Language Semantics*. – 2006. – Vol. 14. – Iss. 3. – P. 235–255.
337. Willer, M. Dynamics of Epistemic Modality / M. Willer // *Philosophical Review*. – 2013. – No. 122 (1). – P. 45–92.

338. Willett, T. A cross-linguistic survey of the grammaticization of evidentiality / T. Willet // *Studies in Language*. – 1988. – Vol.12. – P. 51–97.
339. William, A. F. *Functional Syntax and Universal Grammar* / A. F. William, R. D. Van Valin. – Cambridge : Cambridge University Press, 1984. – 432 p.
340. Wittgenstein, L. *Philosophical Investigations* / L. Wittgenstein / translated by G. E. M. Anscombe. – 3rd ed. – Oxford : Blackwell, 1973. – 250 p.
341. Wolf, L. *An Experimental Investigation of Epistemic Modal Adverbs and Adjectives* / L. Wolf, A. Cohen, A. Simchon. – Ben-Gurion University of the Negev.
342. Yalcin, S. *Context Probabilism* / S. Yalcin // Maria Aloni (ed.), 18th Amsterdam Colloquium. – Berlin Heidelberg: Springer, 2012. – P. 12–21.
343. Yalcin, S. *Epistemic Modals* / S. Yalcin // *Mind*. – 2007. – No. 116. – P. 983–1026.
344. Yalcin, S. *Probability Operators* / S. Yalcin // *Philosophy Compass*. – 2010. – No. 5/11. – P. 916–937.

Список источников примеров

345. Banville, J. *The Sea* [Electronic resource] / J. Banville. – L. : Picador, 2013. – Available at: <http://booksee.org/book/2139651>. – Access date: 31.05.2018.
346. Barnes, J. *The Sense of an Ending* [Electronic resource] / J. Barnes. – L. : Jonathan Cape, 2011. – Available at: <https://www.twirpx.com/file/629365/>. – Access date: 31.05.2018.
347. Boyle, T. C. *The Women* [Electronic resource] / T. C. Boyle. – USA : Viking Press, 2009. – Available at: <https://www.twirpx.com/file/621072/>. – Access date: 31.05.2018.
348. Boyne, J. *The Boy in the Striped Pyjamas* [Electronic resource] / J. Boyne. – Ireland : David Fickling Books, 2006. – Available at: https://royallib.com/read/Boyne_John/The_boy_in_the_stripped_pyjamas.html#0. – Access date: 31.05.2018.

349. Byatt, A. S. Possession [Electronic resource] / A. S. Byatt. – L. : Chatto & Windus, 1990. – Available at: <https://www.twirpx.com/file/1569578/>. – Access date: 31.05.2018.
350. Doerr, A. All the Light We Cannot See [Electronic resource] / A. Doerr. – USA : Scribner, 2014. – Available at: <https://www.twirpx.com/file/1563931/>. – Access date: 31.05.2018.
351. Foer, J. S. Extremely Loud & Incredibly Close [Electronic resource] / J. S. Foer. – USA : Houghton Mifflin, 2005. – Available at: <https://www.twirpx.com/file/646037/>. – Access date: 31.05.2018.
352. Gailman N. The Ocean at the End of the Lane [Electronic resource] / N. Gailman. – USA : William Morrow and Company, 2013. – Available at: <http://www.8novels.net/fiction/u3066.html>. – Access date: 31.05.2018.
353. Guterson, D. East of the Mountains [Electronic resource] / D. Guterson. – L. : Bloomsbury, 1999. – Available at: <http://bookre.org/reader?file=1459246>. – Access date: 31.05.2018.
354. Guterson, D. Snow Falling on Cedars [Electronic resource] / D. Guterson. –USA : Harcourt Brace, 1994. – Available at: <http://bookre.org/reader?file=1290212>. – Access date: 31.05.2018.
355. Haddon, M. The Curious Incident of the Dog in the Night-Time [Electronic resource] / M. Haddon. – L. : Jonathan Cape, 2003. – Available at: https://royallib.com/read/Haddon_Mark/The_Curious_Incident_of_the_Dog_in_the_Night_Time.html#0. – Access date: 31.05.2018.
356. Haslett, A. Imagine Me Gone [Electronic resource] / A. Haslett. – USA : Little, Brown and Company, 2016. – Available at: https://royallib.com/read/Haslett_Adam/imagine_me_gone.html#0. – Access date: 31.05.2018.
357. Jacobson, H. The Finkler Question [Electronic resource] / H. Jacobson. – L. : Bloomsbury, 2010. – Available at: <http://ebookscart.com/the-finkler-question-howard-jacobson-pdf-download/>. – Access date: 31.05.2018.

358. Keyes, D. *The Minds of Billy Milligan* [Electronic resource] / D. Keyes. – NY : Bantam book, 1994. – Available at: <https://docslide.us/documents/the-minds-of-billy-milligan-daniel-keyes.html>. – Access date: 31.05.2018.
359. Lessing, D. *Ben, in the World* [Electronic resource] / D. Lessing. – UK : HarperCollins, 2000. – Available at: https://royallib.com/read/lessing_doris/Ben_in_The_World.html#0. – Access date: 31.05.2018.
360. Lessing, D. *The Fifth Child* [Electronic resource] / D. Lessing. – L. : Jonathan Cape, 1988. – Available at: <http://booksee.org/book/2042222>. – Access date: 31.05.2018.
361. McCarthy, C. *The Road* [Electronic resource] / C. McCarthy. – USA : Alfred A. Knopf, 2006. – Available at: https://royallib.com/read/McCarthy_Cormac/The_Road.html#0. – Access date: 31.05.2018.
362. McClean, G. *The Land of Decoration* [Electronic resource] / G. McClean. – L. : Chatto & Windus, 2012. – Available at: https://royallib.com/read/McCleen_Grace/The_Land_of_Decoration.html#0. – Access date: 31.05.2018.
363. McDermott, A. *After This* [Electronic resource] / A. McDermott. – NY : Farrar, Straus and Giroux, 2006. – Available at: https://royallib.com/read/McDermott_Alice/After_This.html#0. – Access date: 31.05.2018.
364. McEwan, I. *Amsterdam* [Electronic resource] / I. McEwan. – L. : Jonathan Cape, 1998. – Available at: <http://bookre.org/reader?file=1244906&pg=1>. – Access date: 31.05.2018.
365. McEwan, I. *Atonement* [Electronic resource] / I. McEwan. – L. : Jonathan Cape, 2001. – Available at: <http://booksee.org/book/686183>. – Access date: 31.05.2018.
366. Segal, L. *Shakespeare's Kitchen: Stories* [Electronic resource] / L. Segal. – USA : The New Press, 2008. – Available at: <http://bookfi.net/book/1739743>. – Access date: 31.05.2018.

367. Sparks, N. A Walk to Remember [Electronic resource] / N. Sparks. – USA : Warner Books, 1999. – Available at: http://www.8novels.net/romance/A_Walk_To_Remember/. – Access date: 31.05.2018.
368. Sparks, N. The Last Song [Electronic resource] / N. Sparks. – USA : Grand Central Publishing, 2009. – Available at: http://www.8novels.net/book/The_Last_Song/. – Access date: 31.05.2018.
369. Sparks, N. The Notebook [Electronic resource] / N. Sparks. – USA : Warner Books, 1996. – Available at: <http://www.8novels.net/romance/Notebook/>. – Access date: 31.05.2018.
370. Stockett, K. The Help [Electronic resource] / K. Stockett. – USA : Penguin Books, 2009. – Available at: https://royallib.com/read/Stockett_Kathryn/The_Help.html#0. – Access date: 31.05.2018.
371. Swift, G. Last Orders [Electronic resource] / G. Swift. – L. : Picador, 1996. – Available at: https://royallib.com/read/Swift_Graham/Last_Orders.html#0. – Access date: 31.05.2018.
372. Tartt, D. The Goldfinch [Electronic resource] / D. Tartt. – USA : Little, Brown and Company, 2013. – Available at: https://royallib.com/read/Tartt_Donna/the_goldfinch.html#0. – Access date: 31.05.2018.
373. Whitehead, C. The Underground Railroad [Electronic resource] / C. Whitehead. – NY : Doubleday, 2016. – Available at: https://royallib.com/book/Whitehead_Colson/the_underground_railroad.html. – Access date: 31.05.2018.
374. Zusak, M. The Book Thief [Electronic resource] / M. Zusak. – NY : Knopf Publishing Group, 2006. – Available at: <https://www.twirpx.com/file/1378494/>. – Access date: 31.05.2018.

Список лексикографических источников

375. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Сов. Энциклопедия, 1969. – 75 с.
376. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. – Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань : ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.
377. Ивин, А. А. Словарь по логике / А. А. Ивин, А. Л. Никифоров. – М. : Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 1997. – 384 с.
378. Кондаков, Н. И. Логический словарь-справочник / Н. И. Кондаков. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Наука, 1975. – 622 с.
379. Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М. : Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. – 245 с.
380. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
381. Литвинов, П. П. 3500 английских фразеологизмов и устойчивых словосочетаний / П. П. Литвинов. – М. : Астрель: АСТ, 2007. – 287 с.
382. Матвеева, Т. В. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2010. – 562 с.
383. Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. – М. : Сов. энциклопедия, 1983. – 840 с.
384. Cambridge Advanced Learner's Dictionary [Electronic resource]. – Available at: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/british/>. – Access date: 14.03.2018.
385. Collins English Dictionary [Electronic resource]. – Available at: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english>. – Access date: 14.03.2018.
386. Glossary of linguistic terms [Electronic resource]. – Available at: <http://www-01.sil.org/linguistics/GlossaryOfLinguisticTerms/>. – Access date: 14.03.2018.

387. Longman Dictionary of Contemporary English [Electronic resource]. – Available at: <https://www.ldoceonline.com/>. – Access date: 14.03.2018.
388. Macmillan Dictionary [Electronic resource]. – Available at: <http://www.macmillandictionary.com/>. – Access date: 14.03.2018.
389. Merriam-Webster's Dictionary [Electronic resource]. – Available at: <https://www.merriam-webster.com/>. – Access date: 14.03.2018.
390. Oxford Advanced Learner's Dictionary [Electronic resource]. – Available at: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>. – Access date: 14.03.2018.
391. The Cambridge Dictionary of Philosophy / Gen. ed. R. Audi. – 2nd ed. – UK : Cambridge University Press, 1999. – 1001 p.

Приложение А

Количественная характеристика прагматических компонентов коммуникативных ситуаций с эпистемической семантикой

Пояснительные комментарии к таблицам А.1 – А.8:

1. Фактическим материалом исследования послужили 5000 примеров ситуаций с эпистемической семантикой, выделенные из художественных произведений современных англоязычных писателей конца XX – начала XXI веков. Данные примеры были распределены по таблицам, отражающим следующие характеристики: прагматические факторы – тип коммуникативной ситуации, гендерно-возрастной аспект, социальный статус и социальная дистанция между коммуникантами, их ментальное состояние, интенциональный аспект, коммуникативные стратегии и тактики, искажение достоверности информации, перлокутивный эффект высказываний.

2. Колонка «Количество примеров» в каждой таблице отражает количество примеров, отобранных по рассматриваемым параметрам из общего количества примеров (5000).

3. Колонка «В % от общего числа» отражает процентное соотношение отобранного количества примеров в колонке «Количество примеров» и общего количества примеров (5000).

3. Строка «Всего» отражает суммарное количество примеров и их процентное соотношение по рассматриваемому прагматическому фактору (из расчёта 5000 примеров – 100%).

4. Колонка «Количественное / процентное соотношение маркеров ЭМ» отражает количество маркеров ЭН и ЭВ в отобранном количестве примеров из колонки «Количество примеров». Процентное соотношение рассчитывается по формуле $(\text{ЭН или ЭВ}) \times 100$.

$$\text{ЭН} + \text{ЭВ}$$

Таблица А.1 – Типы коммуникативных ситуаций

Рассматриваемые параметры	Количество примеров	В % от общего числа	Количественное / процентное соотношение маркеров ЭМ	
			ЭН	ЭВ
Обмен репликами на бытовом уровне	152	3,04	119 / 61	76 / 39
Общение в гостях	95	1,9	82 / 65	44 / 35
Коммуникативное взаимодействие в зале суда	67	1,34	44 / 46,3	51 / 53,7
Общение с представителями органов внутренних дел	64	1,28	36 / 32	77 / 68
Общение в больнице (пациента с врачом / близкими людьми)	65	1,3	52 / 52	48 / 48
Коммуникативное взаимодействие священнослужителя и прихожан	20	0,4	29 / 76,3	9 / 23,7
Общение на банкетах и светских раутах	30	0,6	42 / 87,5	6 / 12,5
Всего	493	9,86		

Таблица А.2 – Гендерно-возрастной аспект

Рассматриваемые параметры	Мужчина				Девушка			
	Количество примеров	В % от общего числа	Количественное / процентное соотношение маркеров ЭМ		Количество примеров	В % от общего числа	Количественное / процентное соотношение маркеров ЭМ	
			ЭН	ЭВ			ЭН	ЭВ
Уверенность, основанная на доказательствах, фактах	152	3,04	165 / 95,4	8 / 4,6	72	1,44	90 / 91	9 / 9
Ретроспекция	117	2,34	134 / 71,3	54 / 28,7	43	0,86	57 / 65,5	30 / 34,5
Мужчина-защитник	7	0,14	6 / 66,7	3 / 33,3	–			

Мужчина, способный испытывать боль и страдать	23	0,46	23 / 60,5	15 / 39,5	–			
Преувеличение страхов, паника	–				23	0,46	57,6 / 19	42,4 / 14
Победа над страхом	–				6	0,12	1 / 16,7	5 / 83,3
Интуиция	64	1,28	24 / 37	41 / 63	48	0,96	41 / 58	30 / 42
Вера в высшие силы	18	0,36	8 / 38	13 / 62	32	0,64	31 / 75,6	10 / 24,4
Ложь для собственной выгоды	–				10	0,2	11 / 78,6	3 / 21,4
Моральный кодекс	20	0,4	10 / 40	15 / 60	–			
Предположение	156	3,12	25 / 13,5	160 / 86,5	59	1,18	6 / 7,2	77 / 92,8
Предоставление категоричных сведений о женщине	35	0,7	24 / 47	27 / 53	–			
«Женская логика»	–				26	0,52	23 / 59	16 / 41
Стремление совершать необдуманные поступки	22	0,44	22 / 71	9 / 29	–			
Кокетство	–				19	0,38	15 / 60	10 / 40
Оценивание женской красоты	40	0,8	42 / 77,8	12 / 22,2	–			
Всего	654	13,08			338	6,76		

Таблица А.3 – Социальный статус и социальная дистанция между коммуникантами

Рассматриваемые параметры	Количество примеров	В % от общего числа	Количественное / процентное соотношение маркеров ЭМ	
			ЭН	ЭВ
Говорящий = слушающий, отношения нулевые	51	1,02	33 / 51,6	31 / 48,4
Говорящий = слушающий, отношения нейтральные	33	0,66	28 / 51	27 / 49
Говорящий = слушающий, отношения близкие	66	1,32	69 / 71,9	27 / 28,1
Говорящий > слушающий, отношения нулевые	45	0,9	38 / 59	26 / 41
Говорящий > слушающий, отношения нейтральные	48	0,96	50 / 65	27 / 35
Говорящий > слушающий, отношения близкие	16	0,32	20 / 71,4	8 / 28,6
Говорящий < слушающий, отношения нулевые	35	0,7	36 / 73,5	13 / 26,5
Говорящий < слушающий, отношения нейтральные	34	0,68	32 / 55	26 / 45
Говорящий < слушающий, отношения близкие	18	0,36	21 / 72,4	8 / 27,6
Всего	346	6,92		

Таблица А.4 – Ментальное состояние коммуникантов

Рассматриваемые параметры	1 тип			2 тип			3 тип		
	Количество примеров	В % от общего числа	Количественное / процентное соотношение маркеров ЭМ	Количество примеров	В % от общего числа	Количественное / процентное соотношение маркеров ЭМ	Количество примеров	В % от общего числа	Количественное / процентное соотношение маркеров ЭМ

Эмоциональный уровень												
Положительные эмоции	13	0,26	13 / 54,2	11 / 45,8	7	0,14	5 / 62,5	3 / 37,5	19	0,38	16 / 55,2	13 / 44,8
Отрицательные эмоции	19	0,38	22 / 88	3 / 12	13	0,26	8 / 47	9 / 53	42	0,84	38 / 58,5	27 / 41,5
Когнитивный уровень												
	68	1,36	62 / 68	29 / 32	7	0,14	8 / 72,7	3 / 27,3	50	1	36 / 60	24 / 40
Социальный уровень												
	11	0,22	7 / 38,9	11 / 61,1	2	0,04	4 / 100	0	38	0,76	45 / 69,2	20 / 30,8
Всего	111	2,22			29	0,58			149	2,98		

Таблица А.5 – Интенциональный аспект коммуникативного взаимодействия

Рассматриваемые параметры	Количество примеров	В % от общего числа	Количественное / процентное соотношение маркеров ЭМ	
			ЭН	ЭВ
Побудительная интенция	62	1,24	42 / 53,8	36 / 46,2
Аргументативно-убеждающая интенция	64	1,28	58 / 61,7	36 / 38,3
Целеустановка на обман				
Нежелание лгать	28	0,56	6 / 15,4	33 / 84,6
Намеренная ложь	27	0,54	35 / 92	3 / 8
Интенция разоблачения				
Говорящий уверен в достоверности информации, поступающей от слушающего	68	1,36	82 / 93,2	6 / 6,8
Говорящий не уверен в достоверности информации, поступающей от слушающего	20	0,4	4 / 13	27 / 87
Интенция высокой оценки моральных качеств собеседника	21	0,42	12 / 46	14 / 54
Стремление одного из коммуникантов войти в доверие к другому	60	1,2	58 / 68,2	27 / 31,8

Целеустановка на поддержку				
Говорящий уверен, что положение дел нормализуется	56	1,12	75 / 88,2	10 / 11,8
Говорящий не уверен, что положение дел нормализуется, но не хочет, чтобы собеседник паниковал	46	0,92	12 / 16,2	62 / 83,8
Интенция «возвращения с небес на землю»	44	0,88	32 / 48,5	34 / 51,5
Нравственно-воспитывающая целеустановка	33	0,66	31 / 66	16 / 34
Поучительная / наставническая интенция	51	1,02	41 / 66	21 / 34
Всего	580	11,6		

Таблица А.6 – Коммуникативные стратегии и тактики

Рассматриваемые параметры	Количество примеров	В % от общего числа	Количественное / процентное соотношение маркеров ЭМ	
			ЭН	ЭВ
Стратегия искренности	234	4,68	310 / 79,5	80 / 20,5
Стратегия неискренности	35	0,7	37 / 65	20 / 35
Стратегия манипулирования				
Позитивные и нейтральные тактики	307	6,14	209 / 42,7	280 / 57,3
Негативные тактики	30	0,6	40 / 69	18 / 31
Стратегия доброжелательности	161	3,22	77 / 38	126 / 62
Стратегия позитивной самопрезентации	111	2,22	108 / 71	44 / 29
Стратегия создания атмосферы эмоционально-психологического комфорта	33	0,66	20 / 40,8	29 / 59,2
Стратегия создания атмосферы эмоционально-психологического дискомфорта	26	0,52	26 / 68,4	12 / 31,6
Стратегия дискредитации	220	4,4	168 / 54,4	141 / 45,6
Стратегия мистификации	17	0,34	10 / 41,7	14 / 58,3
Всего	1174	23,48		

Таблица А.7 – Искажение достоверности информации

Рассматриваемые параметры	Количество примеров	В % от общего числа	Количественное / процентное соотношение маркеров ЭМ	
			ЭН	ЭВ
Причины искажения достоверности информации				
Сведения получены из недостоверного / неавторитетного источника	23	0,46	8 / 29,6	19 / 70,4
Темпоральная дистанционность момента получения сведений	39	0,78	24 / 52,2	22 / 47,8
Неверная интерпретация первоначальных сведений	32	0,64	23 / 51	22 / 49
Невежественность говорящего	23	0,46	24 / 70,6	10 / 29,4
Говорящий намеренно искажает достоверность высказывания в личных целях	26	0,52	20 / 58,8	14 / 41,2
Субординация	23	0,46	18 / 58	13 / 42
Фантазирование говорящего	55	1,1	24 / 31,6	52 / 68,4
Страх	27	0,54	8 / 19,5	33 / 80,5
Говорящий передаёт не всю информацию	13	0,26	7 / 46,7	8 / 53,3
Говорящий передаёт полученную информацию своими словами	8	0,16	7 / 58,3	5 / 41,7
Информация, предоставляемая говорящим, преломляется под воздействием его личностных характеристик	21	0,42	17 / 70,8	7 / 29,2
Приёмы искажения достоверности информации				
Отвлечение внимания слушающего несущественными деталями	8	0,16	6 / 60	4 / 40
Двусмысленность изложения информации	17	0,34	17 / 54,8	14 / 45,2
Умолчание	20	0,4	16 / 59	11 / 41
Избирательность	12	0,24	10 / 77	3 / 23
Фальсификация	15	0,3	16 / 80	4 / 20
Подмена причинно-следственных	19	0,38	15 / 57,7	11 / 42,3

связей				
Комбинация	8	0,16	8 / 61,5	5 / 38,5
Создание иллюзорной действительности	24	0,48	16 / 39	25 / 61
Маскировка	5	0,1	9 / 69,2	4 / 30,8
Обман «от противного»	10	0,2	9 / 69,2	4 / 30,8
Всего	428	8,56		

Таблица А.8 – Перлокутивный эффект высказываний

Рассматриваемые параметры	Количество примеров	В % от общего числа	Количественное / процентное соотношение маркеров ЭМ	
			ЭН	ЭВ
Расширение информированности адресата	98	1,96	83 / 61,5	52 / 38,5
Изменения в эмоционально-психическом плане				
Положительные	136	2,72	96 / 52,5	87 / 47,5
Отрицательные	119	2,38	99 / 57	75 / 43
Нейтральные	84	1,68	72 / 66	37 / 34
Влияние на совершаемые собеседником действия				
Побуждение к действию	70	1,4	56 / 58	40 / 42
Предотвращение действия	32	0,64	22 / 58	16 / 42
Сотрудничество	53	1,06	52 / 81,25	12 / 18,75
Конфронтация	42	0,84	47 / 64,4	26 / 35,6
Перлокутивный эффект социального содержания				
Говорящий стремится подчеркнуть своё собственное превосходство и нижестоящее положение слушающего	19	0,38	21 / 77,8	6 / 22,2
Говорящий стремится сократить существующую социальную дистанцию, сблизиться со слушающим	12	0,24	6 / 30	14 / 70
Моральный перлокутивный эффект / эффект наставничества	33	0,66	43 / 80	11 / 20
Всего	698	13,96		